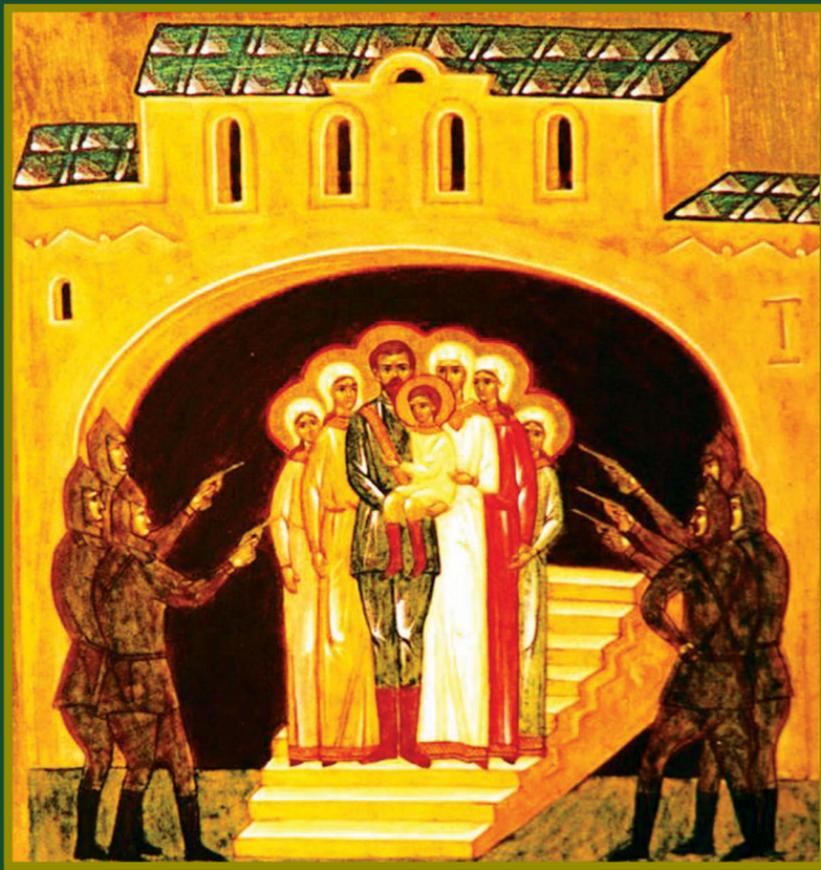

Олег ПЛАТОНОВ

ПО ПРИКАЗУ
ТАЙНЫХ СИЛ

Олег
ПЛАТОНОВ

По приказу
тайных сил

«Родная страна»

МОСКВА

2015

УДК 94(47)
ББК 63.3.(2)
ПЗ7

*Памяти митрополита Санкт-Петербургского
и Ладожского Иоанна (Снычева),
благословившего мой труд*

Платонов О. А.

П 37 По приказу тайных сил. — М.: «Родная страна»,
2015. — 336 с.

ISBN 978-5-903942-47-3

Настоящее издание продолжает серию историко-архивных исследований о подрывной деятельности против России иудейско-масонских организаций и связанных с ними западных спецслужб. В книге исследуется самое страшное преступление всемирной христианской истории — убийство последнего русского Царя и его семьи. На основе ранее не публиковавшихся документов и материалов секретных архивов масонских лож, Департамента полиции и партийных архивов КПСС и КГБ раскрывается подлинная картина подготовки и осуществления цареубийства, целью которого было уничтожение Русского Православного Царства — Святой Руси, разрушение Христианского миропорядка.

© Платонов О. А., 2015
© «Родная страна», 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

Царь-мученик Николай II принадлежит к числу величайших духовных личностей XX века, воплотивших в себе твердое христианское сознание и готовность отдать жизнь за православную веру. Его духовный подвиг и мученическая кончина нашли отклик в сердцах миллионов православных людей. Спустя десятилетия после его злодейского убийства Русская Православная Церковь признала Царя с семейством святыми.

Почитание царской власти всегда было свойственно коренным русским людям, но жизнь и смерть Николая II придали этому почитанию особый характер святости, отождествив судьбу Царя с судьбой России. Вот как говорил еще в 1916 году **оптинский старец Анатолий (Потапов):**

«Судьба Царя – Судьба России. Радоваться будет Царь, радоваться будет и Россия. Заплачет Царь, заплачет и Россия... Как человек с отрезанною головою уже не человек, а смердящий труп, так и Россия без Царя будет трупом смердящим».

Для многих поколений русских людей, и прежде всего крестьян, вплоть до начала XX века понятие «Царь» выражало идею Родины, Отечества, национального единства. В народном сознании Царь именуется не иначе как «батюшка», «отец». И не в административном смысле рабского подчинения, а в смысле высшего духовного авторитета православного человека. Многие века народное сознание рассматривает Царя как связующее звено между Богом и Отечеством. Лозунг «За Бога, Царя и Отечество!» выражал ядро русской национальной идеи.

Коренные русские люди всегда относились к Царю с чувством глубокого почитания, высшего уважения и любви. Для них он был воплощением Родины и Государства, символом России, неразделимо связанным с именем Бога. «Русский Бог велик», — считал русский человек.

«Русским Богом да русским Царем святорусская земля стоит, русский народ — царелюбивый».

«Нельзя быть на земле Русской без Государя», — говорят народные пословицы. «Нельзя земле без Царя стоять, без Царя земля вдова».

«Грозно, страшно, а без Царя нельзя». «Светится одно солнце на небе, а Царь русский — на земле».

А почему? А потому, что «без Бога свет не стоит, без Царя земля не правится». «Бог на небе, Царь на земле». «Один Бог, один Государь». «Все во власти Божьей и Государевой».

В народном сознании «народ — тело, Царь — голова». «Государь — батька, земля — матка», «Царь города бережет». «Царь от Бога пристав». «Сердце царево в руке Божьей».

Царь — помазанник Божий, и потому все, что он делает доброго, — Божья воля. «Кого милует Бог, того жалует Царь». «Виноватого Бог простит, а правого Царь пожалует». «Вся жизнь человеческая — служение Богу и Государю». «Где ни жить — одному Царю служить». «За Богом молитва, за Царем служба не пропадает».

В народном сознании Царь получает высшие характеристики. «Где Царь, там и правда», — говорит русский человек. «Всякая вещь перед Царем не утаится». «У Царя руки долги». «Царский глаз далеко сягает». «Нет больше милосердия, как в сердце Царевом». «Богат Бог милостию, а Государь жалостию». «У Бога да у Царя всего много». «Все ведают

Бог и Государь». Да и вообще слово «Царь» выражает принцип высшего совершенства. Отсюда — «Царь-колокол», «Царь-пушка», «Царь-девица», «Царь-земля».

«Государь только Богу ответ держит», — считает русский человек. «Царский гнев и милость в руке Божьей». Но ответственность Царя перед Богом очень велика, ибо «за царское согрешение Бог всю землю казнит, за угодность милует». «Народ согрешит — Царь умолит; Царь согрешит — народ не умолит».

Все русские люди «душою Божьи, а телом Государевы». «Царь думает, а народ ведает». «Воля царская не судима». От народа Царь требует прежде всего правды: «Царю правда нужна». «Царю правда — лучший слуга».

«Правда Божья, а суд Царев». «Правда Божья, а воля царская». «Воля царская — закон». «На все святая воля царская». «Все во власти Божьей и Государевой». «Суди меня Бог и Государь!»

По мнению народа, если у Царя и случается ошибка или неправда, виноват не он, а его окружение. «Не от Царей угнетение, а от любимцев царских». «Не Царь гнетет народ, а временщик». «Не Царь грешит, а думцы наводят».

В сознании русского человека крепко держится обязанность всегда молиться за Царя: «Не всяк Царя видит, а всяк за него молит». «Государь — батюшка, надежа — православный Царь».

Русская православная мысль конца XIX — начала XX века продолжает твердо держаться убеждения, что невозможно православным христианам иметь Церковь, не имея Царя. Русский Царь, писал в конце XIX века оптинский схииерархимандрит Варсонофий (Плиханков), есть выразитель воли Божьей, а не народной. Его воля священна для русского человека

как воля Помазанника Божия; он любит его потому, что любит Бога. Царь дарит народу славу и благоденствие, а народ воспринимает их как милость Божию. *«Постигают ли нас беславие и бедствие, мы переносим их с кротостью и смирением, как казнь небесную за наши беззакония, и никогда не изменим в любви и преданности Царю, пока они будут процветать из наших православно-религиозных убеждений, из нашей любви и преданности Богу»*¹.

Понятие «Царь как Помазанник Божий» развивается в трудах П. Пятницкого. По его мнению, само это название свидетельствует о том, что Цари не есть ставленники народные, но что Сам Бог облакает их властью на земле и повелевает им повиноваться, так как все помыслы и стремления Царя всегда направлены ко благу своего народа. Весь внутренний смысл этого церковного обряда ясно познается из молитвы, с которою монарх во время коронования коленопреклоненно обращается к Престолу Всевышнего и в которой молит Отца Небесного наставить в деле, которому послан служить; молит о ниспослании премудрости, дабы Господь Бог даровал ему, Царю, способность управлять царством к пользе врученных его управлению людей и к славе Божией². Помазанник Божий, считал архиепископ Сиракузский и Троицкий Аверкий, получал «в совершенном над ним Церковью таинстве Миропомазания особые благодатные дары, дабы быть “Царем и судиею людем Божиим”, как исповедует он сам в молитве, читаемой им при священном короновании в храме, перед всеми. Поэтому он и входит в алтарь царскими вратами и причащается перед

¹ Варсонофий (Плиханков), схиархимандрит. Келейные записки. 1892–1896. М., 1991 С. 44.

² Пятницкий П.П. Сказание о венчании Русских Царей и Императоров. М., 1896. С. 1–2.

св. престолом наравне с остальными священнослужителями, чего, конечно, не мог бы делать всякий другой монарх — не православный и не отвечающий требованиям Церкви, не облагодетельствованный ею»¹.

Итогом исканий русской духовной мысли в понимании Самодержавия стала формулировка отца Павла Флоренского. «*В сознании Русского народа, — писал он, — Самодержавие не есть юридическое право, а есть явленный Самим Богом факт, — милость Божия, а не человеческая условность, так что Самодержавие Царя относится к числу понятий не правовых, а вероучительных, входит в область веры, а не выводится из внерелигиозных посылок, имеющих в виду общественную и государственную пользу*»².

Эту формулировку эмоционально дополняет вывод писателя В. Розанова о том, что царская власть есть чудо. В царской власти и через ее таинственный институт, считает он, побеждено чуть не главное зло мира, которое никто не умел победить и никто его не умел избежать: злая воля, злое желание, злобная страсть. Злоумыслить что-нибудь на Царя и отказать ему в повиновении — ужасная вещь в отношении всей истории, всего будущего, на тысячи лет вперед. Вот отчего истребление всяких врагов Государя и всякой вражды к Государю есть то же, что осушение болот, что обрабатывание земли, дождь для хлеба. Никакого черного дня Государю, все дни его должны быть белы — это коренная забота народа³.

В целом русская духовная мысль все более глубоко обосновывает главную формулу Русской цивилизации, выражающуюся в святой триединной собор-

¹ Стойте в Истине... Из проповедей архиепископа Аверкия, Сиракузского и Троицкого. Б.м. и б.г. С. 13.

² Флоренский П. Около Хомякова. Сергиев Посад, 1916. С. 26.

³ Розанов В. О подразумеваемом смысле нашей монархии. СПб., 1912.

ности: Самодержавие – Православие – Народность. В ней нет ничего случайного. Каждый элемент «выстрадан, вымолен, выпрошен у Бога». Церковь, как неиссякаемый источник чистой, ничем не замутненной Христовой Истины; русский народ, как хранитель и убежденный почитатель этой Истины; православный русский Царь, как первый Сын Православной Церкви и первый слуга своего народа, принявший на себя подвиг служения своему великому народу в духе Церковью проповедуемого, народом хранимого и исповедуемого Православия. Здесь все – и Церковь, и Царь, и Народ – стало сознательно, убежденно нацелено на служение единой Божественной Истине. Ее духом должна была насытиться жизнь великого народа – личная, семейная и государственно-общественная. Русское государство по плоти и крови своей от мира сего, но по духу оно не от мира сего, ибо его основное задание не только внешнее устройство жизни русского народа, а воплощение (конечно, в меру своих сил) в жизни русского народа Царства Божия, Царства Христовой Истины, от любви и милосердия. Вот почему Русское Царство, по глубокому пониманию русских праведников, не просто царство земное, а Русь Святая – Православная, Дом Пресвятой Богородицы¹.

Перед своим падением великая Русская цивилизация, Святая Русь, явила человечеству две духовно идеальные личности – Царя Николая II и святого праведника Иоанна Кронштадтского, воплотивших в себе все лучшие духовные черты Русской цивилизации. Архимандрит Константин (Зайцев) писал: *«Двоица перед нашим духовным взором стоит, являющая собою “симфоническое” единение Великой*

¹ Бошановский В., протоиерей. Саровские торжества. Прославление мощей преподобного Серафима Саровского 19 июля (1 августа) 1903 г. Джорданвилль, 1950. С. 15.

России и Святой Руси: наш последний Царь и о. Иоанн Кронштадтский! Как полон был духа Святой Руси наш последний Царь, возглавитель Великой России на ее высшем подъеме! Как полон сознания высокой качественности и промыслительной единственности и неповторимости Великой России о. Иоанн — воплощение Святой Руси, в большей целостности и полноте непредставимое!»¹

Пока во главе Великой России стоял Царь, считал архимандрит Константин, Россия не только содержала в себе отдельные элементы Святой Руси, но и в целом продолжала быть Святой Русью как организованное единство. При этом, чем явственнее оказывалось расхождение с Церковью русской общественности, русской государственности, русского народа, тем явственнее в личности Царя обозначались черты Святой Руси. В этом, по мнению архимандрита Константина, объяснение той трагической, безысходной отчужденности, которая наблюдалась между ним и русским обществом. *«Великая Россия в зените своего расцвета радикально отходила от Святой Руси, но эта последняя как раз в это время в образе последнего русского Царя получила необыкновенно сильное, яркое, прямо-таки светоносное выражение»².*

Гибель русского Царя до предела обострила столкновение двух цивилизаций — русской, православной, духовной, и иудейско-масонской. Это столкновение стало и последним актом, итогом двухтысячелетнего конфликта между Христианством и иудейско-талмудической идеологией. Святая Русь, Россия с момента принятия Христианства была главной христианской страной, наиболее последо-

¹ Константин (Зайцев), архимандрит. Чудо русской истории. Джорданвилль, 1970. С. 97.

² Там же. С. 267–268.

вательно сохранявшей чистоту веры. Именно в ней в последней битве столкнулись интересы народа-богоносца и народа-богоубийцы.

Русским людям был дан величайший дар служить главным носителем чистоты Православия. Но дар этот сопрягался с огромной духовной тяжестью и ответственностью. И русский народ на каком-то этапе, еще задолго до революции, не выдержал тяжести и ответственности. Богоотступничество, первоначально среди космополитизированного дворянства и интеллигенции уже в XVIII—XX веках, создало в русском обществе слой людей, потерявших чувство высшего служения, не понимавших духовного величия Православия и особой миссии Русского Православного Царя. Духовное разложение образованного слоя постепенно вело к разложению и народных масс, хотя подавляющая часть русских людей сопротивлялась этому.

Был ли у России шанс уйти от разложения и революции? Был ли другой путь, чтобы избежать цареубийства и катастрофы? Безусловно, был. Об этом свидетельствует появление среди русского народа двух великих святых — Иоанна Кронштадтского и Царя Николая II. Первый огненным слогом предупреждал русских о последствиях отступничества народа от православного служения. Второй был примером православного национального вождя, способного вести народ к высочайшим духовным вершинам и земным достижениям. Под водительством этих святых русский народ мог совершить прорыв в духовном разложении российского дворянства и интеллигенции, остановить наступление иудейско-масонской цивилизации. Однако большая часть народа приняла сторону не святого православного Царя, а вождей иудейско-масонской

цивилизации — Временного правительства и большевиков, лукаво обещавших построить «рай Божий на земле». Значительная часть русского народа либо поддержала цареубийц, либо равнодушно взирала на преступления, совершаемые ими. Десятки миллионов жертв стали справедливой Божьей карой за это отступничество.

Как древние евреи лишились своего избранничества за отступление от Бога, уступив место христианским последователям Нового Завета, так и мы, русские, наказаны за свое отступничество от православного служения. Мы все, русские, виноваты, что не смогли сохранить своего Православного царства, допустили уничтожение православной монархии.

При нашем попустительстве был принужден к отречению последний русский Царь — Помазанник Божий, при нашем попусчении была убита Царская семья, и власть в стране захватили еврейские большевики, носители иудейско-талмудической идеологии.

В том кошмаре, какой создали в нашей стране последователи талмудического иудаизма, нашлось немало русских людей, которые, забыв Бога и Царя, приняли сначала большевистский, а затем современный криминально-космополитический порядок. Черeda жалких, ничтожных, корыстных правителей от Ленина и Троцкого до наших дней окончательно обессилила Россию, сделав большую часть ее народа бездуховным быдлом, превратив ее территории в кормушку для разных мастей преступников, жуликов и международных аферистов.

Над историей цареубийства я начал работать с конца 80-х годов. Многие годы заняли поиски материалов в государственных и частных архивах России, США и других зарубежных стран. Мне удалось

найти множество ранее не опубликованных документов и материалов. Особый интерес представляли воспоминания и записки цареубийц, разысканные мною в бывшем Свердловском партийном архиве, а также ценные коллекции редких книг и материалов, посвященных цареубийству, в архиве Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле (США).

Автор благодарит всех лиц и организации, способствовавшие поиску документов и материалов для этой книги и выходу ее в свет. Выражаю признательность сотрудникам Государственного Архива Российской Федерации (ГАРФ), Особого Архива СССР (ОА, ныне Центр Хранения Историко-Документальных Коллекций), Архива Свято-Троицкого монастыря (АСТМ – Джорданвилль, США), Архива Гуверовского института (АГИ – Станфорд, США), государственных и бывших партийных архивов Пермской, Свердловской и Тюменской областей, хранителям фондов исторических и краеведческих музеев Екатеринбурга, Перми, Тобольска, Тюмени, Алапаевска, Сысерти, Верхней Синячихи, Нижнего Тагила, Верхотурья за ценные сведения, консультации и помощь в поисках документов и материалов, использованных в этой книге. Особую благодарность выношу многочисленным добровольцам, помощникам и краеведам, сообщившим мне важные подробности: без их содействия мое исследование было бы неполным.

ГЛАВА 1

*Рождение в день Иова Многострадального. — Семья. —
Русские мамки. — Обучение Закону Божьему и грамоте. —
Воспитание религиозного чувства*

6 мая 1868 года в семье Цесаревича Александра Александровича и его супруги Марии Федоровны родился сын, которому никто не предвещал скорого царствования. В самом деле, дед мальчика — пятидесятилетний Император Александр II — был крепким, здоровым мужчиной, чье царствование могло продлиться десятилетия, а отец — будущий Император Александр III — молодым человеком, двадцати трех лет.

Рождение будущего Царя Николая II произошло в тот день, когда Православная Церковь отмечает память святого Иова Многострадального. Этому совпадению и сам Царь, и многие из его окружения придавали большое значение как предвозвестию страшных испытаний. Роды будущего священномученика проходили тяжело. В дневнике Александра III сохранилась запись, относящаяся к этому событию: *«Минни (Мария Федоровна) разбудила меня в начале 5-го часа, говоря, что у нее начинаются сильные боли и не дают ей спать; однако по временам она засыпала и потом опять просыпалась до 8 часов утра. Наконец мы встали и отправились одеваться. Одевшись и выпив кофе, пошел скорее к моей душке, которая уже не могла кончить свой туалет, потому что боли делались чаще и чаще. М-ль Михайловна пришла и помогла Минни вместе со мною переносить эти страдания. Я скорее написал мама записку об этом, и мама с папа приехали около 10 часов... Минни уже начала страдать порядочно сильно и даже кричать по време-*

нам. Около 12 1/2 она перешла в спальню и легла уже на кушетку, где все было приготовлено. Боли были все сильнее и сильнее, и Минни очень страдала. Папа... помогал мне держать мою душку все время. Наконец в 1/2 3 пришла последняя минута, и все страдания прекратились разом. Бог послал нам сына, которого мы назвали Николаем. Что за радость была, это нельзя себе представить, я бросился обнимать мою душку-жену, которая разом повеселела и была счастлива ужасно. Я плакал, как дитя, и так было легко на душе и приятно. Обнялись с папа и мама от души... Я остался у Минни, пока все не пришло в порядок,... а потом пришел Я.Г. Бажанов читать молитвы, и я держал моего маленького Николая на руках».

Отец Николая Цесаревич Александр и по душе, и по внешности был истинно русский человек, глубоко верующий, заботливый супруг и отец, он своей жизнью давал пример своему окружению: был неприхотлив в быту, одежду носил чуть ли не до дыр, не любил роскоши. Александр отличался физической силой и твердостью характера, более всего любил правду, спокойно обдумывал каждое дело, был замечательно прост в обращении и вообще предпочитал все русское.

Мать Николая Мария Федоровна (до замужества София Фредерика Дагмара) была дочерью датского короля Христиана IX и королевы Луизы. Как и все иностранные принцессы, вышедшие замуж за Наследников русского Престола, она приняла Православие, быстро усвоила русский язык и стала настоящей русской патриоткой, поддерживая все государственные начинания своего супруга.

Детей в их семье было пятеро – Николай (самый старший), Георгий, Ксения, Михаил и Ольга. Отец приучал своих детей спать на простых солдатских

койках с жесткими подушками, утром обливаться холодной водой, а на завтрак есть простую кашу.

Первое, конечно бессознательное, знакомство Николая с простыми русскими людьми происходило через кормилицу-мамку. Выбирались мамки из русских крестьянских семей и по окончании своей миссии имели право посещения дворца, во-первых, в день Ангела своего питомца, во-вторых, к празднику Пасхи и на елку, в день Рождества¹.

Во время этих встреч подростки беседовали со своими мамками, впитывая народные обороты русской речи. Как справедливо отмечалось, «при невероятной смеси кровей в царской семье эти мамки были, так сказать, драгоценным резервуаром русской крови, которая в виде молока вливалась в жилы Романовского Дома, и без которой сидеть на русском Престоле было бы очень трудно. Все Романовы, у которых были русские мамки, говорили по-русски с налетом простонародности. Так говорил и (отец Николая) Александр Третий. Если он не следил за собой, то в его интонациях... было что-то от варламовской раскатистости»².

С 1876 года до возраста десяти лет воспитательницей Николая была Александра Петровна Олленгрэн (в девичестве Окошникова), дочь адмирала, георгиевского кавалера, вдова русского офицера шведского происхождения.

Первой воспитательнице Николая поручалось выучить его начальной русской грамоте, начальным молитвам, а также арифметике.

Весьма характерен диалог, который произошел между отцом Николая и его первой воспитательницей (привожу его в кратком изложении):

¹Сургучев И. Детство императора Николая II. Париж, б/г. С. 138–139.

²Там же.

«— Вам дают двух мальчуганов¹, которым рано еще думать о Престоле, которых нужно не выпускать из рук и не давать повадки. Имейте в виду, что ни я, ни Великая Княгиня не желаем делать из них оранжерейных цветов. Они должны шалить в меру, играть, учиться, хорошо молиться Богу и ни о каких престолах не думать, — сказал Цесаревич Александр.

— Ваше Высочество! — воскликнула Олленгрэн. — Но у меня есть еще маленький Владимир.

— Сколько ему? — спросил Наследник.

— Восьмой год.

— Как раз ровесник Ники. Пусть он воспитывается вместе с моими детьми, — сказал Наследник, — и вам не разлучаться, и моим будет веселей. Все лишний мальчишка.

— Но у него характер, Ваше Высочество.

— Какой характер?

— Драчлив, Ваше Высочество...

— Пустяки, милая. Это — до первой сдачи. Мои тоже не ангелы небесные. Их двое. Соединенными силами они живо приведут вашего богатыря в христианскую веру. Не из сахара сделаны. Учите хорошенько мальчуганов, поблажки не давайте, спрашивайте по всей строгости законов, не поощряйте лени в особенности. Если что, адресуйтесь прямо ко мне, а я знаю, что нужно делать. Повторяю, что мне фарфора не нужно. Мне нужны нормальные, здоровые русские дети. Подерутся — пожалуйста. Но доносчику — первый кнут. Это самое мое первое требование. Вы меня поняли?

— Поняла, Ваше Императорское Высочество».

С самого детства будущий Царь Николай II воспитывал в себе глубокое религиозное чувство и неподдельное благочестие. Мальчик не тяготился длин-

¹ Вместе с Николаем обучался и его брат Георгий.

ными церковными службами, которые во дворце проходили строго и торжественно. Ребенок всей душой сопереживал мукам Спасителя и с детской непосредственностью размышлял, как бы помочь Ему. Воспитывавшийся вместе с Николаем сын А.П. Олленгрэн, например, вспоминал, как чин выноса Плащаницы на Страстную пятницу, торжественный и скорбный, поражал воображение Николая. Он на весь день становился скорбным и подавленным и просил рассказать, как злые первосвященники замучили доброго Спасителя. *«Глазенки его наливались слезами, и он часто говаривал, сжимая кулаки: “Эх, не было меня тогда там, я бы показал им!” А ночью, оставшись одни в опочивальне, мы втроем (Николай, его брат Георгий и сын Олленгрэн Володя. — О.П.) разрабатывали планы спасения Христа. Особенно Николай ненавидел Пилата, который мог спасти Его и не спас.*

Помню, я уже задремал, когда к моей постельке подошел Николай и, плача, скорбно сказал:

— Мне жалко Боженьку. За что они Его так больно? <...> И до сих пор не могу забыть его больших возбужденных глаз»¹.

В детстве и юности Николай спал на узкой железной кровати с простым матрацем. Значительную часть времени он проводил на воздухе, занимаясь спортом. Даже в холодное время года, чтобы закалить сына, отец настаивал на прогулках. Поощрялись подвижные детские игры, физическая работа в саду. Николай и другие дети Цесаревича Александра часто посещали птичий двор, оранжерею, ферму, работали в зверинце. Им дарили птиц, гусей, кроликов, медвежат, за которыми они сами ухаживали: кормили их, чистили. В детских комнатах постоян-

¹ Сургучев И. Указ. соч. С. 108.

но жили птицы — снегири, попугаи, канарейки, которых дети забирали с собой, когда летом уезжали в Гатчину.

За 1876—1879 годы Николай прошел все предметы по программе для поступления в среднее учебное заведение. Чтобы проверить знания Николая, была собрана особая комиссия, которая устроила ему экзамен. Комиссия осталась очень довольна успехами десятилетнего мальчика. Для дальнейшего продолжения учения своего сына Цесаревич Александр пригласил генерал-адъютанта Г.Г. Даниловича, который по своему усмотрению выбрал Николаю учителей Закона Божьего, русского языка, математики, географии, истории, французского и немецкого языков.

ГЛАВА 2

*Убийство Александра II. — Конец безмятежного детства
Николая. — Дневник Царевича. — Продолжение образования. —
Учебный курс гимназии и университета*

Безмятежное детство Николая закончилось 1 марта 1881 года. В этот день тринадцатилетний мальчик столкнулся со страшным злодейством, поразившим его чудовищной жестокостью, — убийством политическими бандитами деда — Императора Александра II. Преступники забросали Императора бомбами, тяжело ранив его. Александра II привезли во дворец истекающим кровью, с перебитыми ногами.

В бессознательном состоянии Государя внесли в рабочий кабинет и положили на узкую походную койку. Подле умирающего стоял Наследник со своей женой и сыном Николаем. Мальчик вглядывался в лицо любимого деда, дыхание которого становилось все тише и тише, грудь едва поднималась.

Великий князь Александр Михайлович писал в своих воспоминаниях: *«Вид умирающего Государя был ужасен: его правая нога была оторвана, левая разбита, бесчисленные раны покрывали лицо и голову. Один глаз был закрыт, другой — смотрел перед собой без всякого выражения.*

Каждую минуту входили один за другим члены Императорской фамилии, комната была переполнена. Я схватил руку Николая, который стоял близко от меня, смертельно бледный в своем синем матросском костюмчике... Агония продолжалась 45 минут...

— Тише! — возгласил доктор. — Государь кончается!

Мы приблизились к умирающему. Глаз безо всякого выражения по-прежнему смотрел в пространство.

Лейб-хирург, слушавший пульс Царя, кивнул головой и опустил окровавленную руку.

— Государь Император скончался! — громко промолвил он. Все опустились на колени»¹.

В течение недели два раза в день Николай вместе со всей семьей приходил на торжественные панихиды в Зимнем дворце. Наутро восьмого дня тело торжественно перенесли в Петропавловский собор. Чтобы русские люди могли проститься с телом Царя-Освободителя, Царя-мученика, был избран самый длинный путь по всем главным улицам столицы, который вместе со всеми проделал и Николай.

Убийство деда изменило политическое положение Николая. Из просто великого князя он стал Наследником российского Престола, облеченным огромной ответственностью перед страной.

Через несколько часов после смерти Александра II вышел Высочайший Манифест, в котором говорилось:

«Объявляем всем верным Нашим подданным: Господу Богу угодно было в неисповедимых путях Своих поразить Россию роковым ударом и внезапно отозвать к Себе ее благодетеля, Гос. Имп. Александра II. Он пал от святотатственной руки убийц, неоднократно покушавшихся на Его драгоценную жизнь. Они посягали на сию столь драгоценную жизнь потому, что в ней видели оплот и залог величия России и благоденствия Русского народа. Смирясь пред таинственными велениями Божественного Промысла и вознося ко Всевышнему мольбы об упокоении чистой души усопшего Родителя Нашего, Мы вступаем на Прародительский Наш престол Российской Империи и нераздельных с нею Царства Польского и Великого Княжества Финляндского.

Подъемлем тяжкое бремя, Богом на Нас возлагаемое, с твердым упованием на Его Всемогущую помощь. Да благословит Он труды Наши ко благу возлюбленного Нашего Отечества и да направит Он силы Наши устроению счастья всех наших верноподданных.

Повторяя данный Нам Родителем Нашим священный пред Господом Вседержителем обет посвятить по завету наших предков всю жизнь нашу попечениям о благоденствии, могуществе и славе России, Мы призываем наших верноподданных соединить их молитвы с нашими мольбами пред Алтарем Всевышнего и повелеваем им учинить присягу в верности Нам и Наследнику Нашему, Его Имп. Выс. Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу»¹.

Для подростка Николая столь ужасная кончина деда стала незаживающей душевной раной. Он не мог понять, за что убийцы подняли руку на Государя, прославившегося в русском народе справедливостью, благостью и кротостью, освободившего крепостных крестьян, утвердившего гласный суд и самоуправление местных органов власти. Уже тогда Николай начинает осознавать, что далеко не все подданные России хотят блага своей Родине. Против Святой Руси и русского государственного и общественного устройства восстали темные богоборческие силы, о существовании которых мальчику в свое время рассказывал его наставник по Закону Божьему.

В сознание Николая входило также понимание того, что нарушено самое существенное в государственной жизни России — традиционная духовная, патриархальная связь между Царем и русским народом. Это с горечью осознавали многие из окружения Николая. Уже упомянутый мной великий князь Александр Михайлович впоследствии вспоминал:

¹Русский инвалид. 1881.3.3.

«Мы понимали, что что-то несоизмеримо большее, чем наш любящий дядя и мужественный Монарх, ушло вместе с ним невозвратно в прошлое. Идиллическая Россия с Царем-Батюшкой и его верноподданным народом перестала существовать 1 марта 1881 г. Мы понимали, что русский Царь никогда более не сможет относиться к своим подданным с безграничным доверием. Не сможет, забыв цареубийство, всецело отдаться государственным делам. Романтическая традиция прошлого и идеалистическое понимание русского самодержавия в духе славянофилов — все это будет погребено вместе с убитым Императором, в склепе Петропавловской крепости. Взрывом прошлого воскресенья был нанесен смертельный удар прежним принципам, и никто не мог отрицать, что будущее не только Российской Империи, но и всего мира зависело теперь от исхода неминуемой борьбы между новым русским Царем и стихиями отрицания и разрушения»¹.

С 1 января 1882 года Николай начал вести дневник, в котором ежедневно в течение всей дальнейшей жизни записывал главные события дня.

Из дневниковых записей следовало, что в будние дни Николай вставал в семь часов, пил кофе с молоком (в воскресенье и праздники — со сливками), много читал на разных языках, проходил обучение с преподавателями, работал в парке, зверинце и других местах, гулял с детьми, по вечерам устраивались семейные чтения.

Приведу записи, сделанные Николаем с 18 по 24 января 1882 года:

«18 января. Понед. Св. Афанасия и Кирилла.

Проснулся в семь: оделся и в $1/2$ восьмого читал французскую книгу; в $3/4$ восьмого пили будний кофе;

¹ Александр Михайлович, великий князь. Указ. соч.

учились; завтракали у себя, так Папа и Мама поехали в Царское Село к д. Владимиру и т. Михень; ходили работать в саду; пилили, рубили дрова и разводили костер; Джоржи под конец стал немного лениться пилить; после обеда качались в арсенале; после качания немного читали; затем купались и легли спать в десятом часу.

19 января. Вторн. Препод. Макария.

В семь часов утра начали одеваться; в $1/2$ восьмого читали; пили будний кофе; учились; завтракали с нами б. Раден, Володя и Елена Шереметевы; ходили работать в Зверинец; у первых ворот выпустили рогатого оленя; рубили дрова из сучьев огромного дерева, на которое Георгий и я влезали, чтобы срубить его ветви; после этого разводили громадный костер; после обеда качались в арсенале; затем читали и легли спать около половины десятого.

20 января. Среда. Препод. Евфимия Великого.

Встав в семь и одевшись, я стал читать; $3/4$ восьмого пили будний кофе; учились; завтракал с нами гр. Игнатъев; $3/4$ четвертого вышли гулять, ибо гр. Красное Солнышко задержал Папа своими докладами; мы перепилили остальную часть нашего дерева, сожгли все сучья и прежнюю кучу ветвей; полная луна хорошо освещала нам дорогу; после обеда качались в арсенале и затем наклеивали марки; легли спать в десятом часу.

21 января. Четверг. Препод. Максима.

Проснулись в семь часов; оделись и в 20 минут восьмого я начал писать свое сочинение; пили будний кофе; учились; в $3/4$ двенадцатого меня... <нрзб.> т. Мole; завтракали с нами гр. Воронцов-Дашков, князь и княгиня Оболенские и гр. Алексей Борисович Перовский; работали в Зверинце с Mr. Heath; после обеда я играл с ним в пирамиду в арсенале; я немного читал, а Георгий играл в Ксеньиных комнатах с нею; легли в 10-м часу.

22 января. Пятн. Апостола Тимофея.

Встали в семь; одевшись, в 25 минут восьмого я сел [за] чтение; пили будний кофе; учились; завтракали у нас: тети Сани и Титикака с Тиньхен; перед прогулкой, т.е. в 3 часа, приехали из Петербурга наши канарейки и попочки; работали в саду на острове, который расположен между паромом и понташкиным мостом; так как дерево [упало?] между др. деревьями, то для этого призвали матросов; после обеда я качался в арсенале и читал французскую книгу; у Папа и Мама был большой обед; легли спать около половины десятого.

23 января. Суббота. Свящ.-муч. Климента.

Встали около семи; одевшись, читал; пили будний кофе; немного чистили канареек, а во время первого урока Костя совершенно вычистил их и попугаев; учились, завтракали с нами гр. Игнатъев и Катерина Сергеевна с сестрой; работали в Зверинце с Mr. Heath, а перед работой качались в санях; обедал с нами Биш; качались в арсенале; а потом выпили кофе у Ксении; легли спать в три четверти десятого.

24 января. Воскресенье. Препод. Ксении.

Проснувшись, оделась; пили праздничный кофе; затем вычистили своих пернатых; в 9 подошли к Ксении с подарками; в половине десятого сходили к Мама и Папа; перед обедней Ксения получила подарки от Папа и Мама; маленький выход произошел в Белой зале; после обедни завтракали в арсенале; в 3 часа к нам приехали: Сандро, Петя, Кира, Дмитрий, Павел и Борис; ездили на ослах в Зверинец; дорогой домой играли в охоту; обедали в арсенале и затем играли в тир; Сандро привез нам марки для коллекции; легли спать в четверть десятого».

Воспитание и образование Николая II проходили под личным руководством его отца, на традици-

онной религиозной основе, в спартанских условиях. Учебные занятия будущего Царя велись по тщательно разработанной программе в течение тринадцати лет. Первые восемь — посвящены предметам гимназического курса, с заменой классических языков основами минералогии, ботаники, зоологии, анатомии и физиологии. Особое внимание уделялось изучению политической истории, русской литературы, французского, английского и немецкого языков (которыми Николай овладел в совершенстве). Следующие пять лет посвящались изучению военного дела, юридических и экономических наук, необходимых для государственного деятеля. Преподавание этих наук велось выдающимися русскими учеными с мировыми именами: *И.Л. Янышев* учил каноническому праву в связи с историей Церкви, главнейшим отделам богословия и истории религии; *Н.Х. Бунге* — статистике, политической экономии и финансовому праву; *К.П. Победоносцев* — законоведению, государственному, гражданскому и уголовному праву; *М.Н. Капустин* — международному праву; *Е.Е. Замысловский* — политической истории; *Н.Н. Бекетов* — химии; *Н.Н. Обручев* — военной статистике; *Г.А. Леер* — стратегии и военной истории; *М.И. Драгомиров* — боевой подготовке войск; *Ц.А. Кюи* — фортификации.

Чтобы будущий Царь на практике познакомился с войсковым бытом и порядком строевой службы, отец направляет его на военные сборы. Сначала два года Николай служит в рядах Преображенского полка, исполняя обязанности субалтерн-офицера, а затем ротного командира. На протяжении двух летних сезонов Николай проходит службу в рядах кавалерийского гусарского полка взводным офицером, а затем эскадронным командиром. И, наконец, бу-

душий Император проводит один лагерьный сбор в рядах артиллерии.

К 21 году Николай стал высокообразованным человеком с широким кругозором, прекрасно знающим русскую историю и литературу, в совершенстве владеющим основными европейскими языками. Совершенство, с которым Наследник владел, например, английским, было таково, что оксфордский профессор принял его за англичанина.

Блестящее образование соединилось у Николая с глубокой религиозностью и знанием духовной литературы, что не часто встречалось у молодежи из высшего, правящего класса того времени. Александр III сумел привить своему сыну беззаветную любовь к России, чувство ответственности за ее судьбу. С детства Николаю стала близка мысль, что его главное предназначение — следовать русским православным, духовным основам, традициям и идеалам.

ГЛАВА 3

Чудесное спасение Царской семьи в Борках. — Обучение практике государственного управления. — Посещение российских губерний. — Кругосветное путешествие. — Возвращение через Сибирь. — Скоропостижная смерть Александра III

17 октября 1888 года Цесаревич Николай испытал страшное потрясение. В этот день возле станции Борки во время железнодорожной катастрофы могла погибнуть вся Царская семья. Когда царский поезд проходил через глубокую балку, произошло оседание пород и несколько вагонов на полной скорости угодили в яму. Царская семья в момент крушения находилась в вагоне-столовой. Завтрак приходил к концу, когда все почувствовали страшное по силе сотрясение. После двух мощных толчков не прошло и секунды, как стена вагона стала разлетаться вдребезги. Вот что писала выходявшая в то время газета «Гражданин»: *«После первого толчка последовала остановка. Вторым толчком, силою инерции, был выбит низ вагона. Все упали на насыпь. Затем последовал третий момент, самый ужасный: стены вагона отделились от крыши и начали падать вовнутрь. Но по изволению Господню падающие стены встретились и образовали крышу, на которую свалилась крыша вагона: вагон-столовая обратился в приплюснутую массу. Весь ход колес отброшен далеко в сторону и разбился на мельчайшие части. Крыша, затем свернутая и откинута в сторону, открыла жалкие остатки вагона. Под обломками, казалось, была погребена Царская семья. Но Господь явил великое чудо. Царь, Царица и царские дети были сохранены для Отечества чудом Всевышнего. Крыша навалилась на них косо, расска-*

зывает очевидец Зичи, который находился в вагоне. “Между стеной вагона и крышей было отверстие, через которое я и вошел. За мной вошла графиня Кутузова. Государыня Императрица была вынута из окошка вагона. У Государя Императора оказался сплюснутым серебряный портсигар, с правой стороны в кармане”. По словам очевидца, место катастрофы представляло ужасную картину. Вагон-кухня слетел под откос. Крыша другого, министерского, вагона снесена к озеру. Первые четыре вагона представляли собой груды щепок, песка и железа. Локомотив, неповрежденный, стоял на пути, но задние колеса врылись в землю, сойдя с рельс. Второй локомотив врылся в песок насыпи. У Александра III при виде картины крушения навернулись на глаза слезы. Мало-помалу вокруг Государя стала группироваться свита и все оставшиеся в живых. Единственными свидетелями крушения были оцепеневшие от ужаса солдаты Пензенского пехотного полка, стоявшие в цепи в этой местности. Увидав, что нет никакой возможности оказать помощь пострадавшим силами и средствами разбитого поезда, Государь приказал солдатам стрелять. Началась тревога. По всей линии сбежались солдаты; с ними оказался врач Пензенского полка; появились перевязочные средства, хотя и в скудном количестве.

Была слякоть, шел мелкий, холодный дождь с изморозью. Государыня была в одном платье, сильно пострадавшем в момент катастрофы. Под руками не нашлось ничего, чем бы прикрыть ее от холода, и на ее плечи накинули офицерское пальто. В первый момент многие из находившихся на месте генералов, желая оказать посильное содействие, делали каждый свои распоряжения, но это только тормозило общий ход работ по оказанию помощи. Видя это, Государь взял на себя распоряжение оказания помощи».

С 1889 года Государь начинает привлекать Николая к работе в высших государственных органах, приглашая участвовать в занятиях Государственного совета и Комитета министров. Александр III разработал для сына практическую образовательную программу для ознакомления с различными областями России. Для этого Наследник сопровождал своего отца в многочисленных поездках по стране.

В 1889 году Николай совершает ознакомительное путешествие по многим странам мира. Через Вену, Триест, Грецию и Египет Наследник русского Престола путешествует по Индии, Китаю и Японии. В Китае Николай проплыл по реке Янцзы до Хань-Коу и посетил там русские чайные фактории.

Во время путешествия по Японии на Николая было совершено покушение. В городе Отсу на Наследника напал полусумасшедший религиозный фанатик с саблей в руках. Николай был легко ранен в голову. Покушавшийся собирался нанести еще удар, но был сбит с ног и арестован.

В Россию Николай возвращался через Сибирь. Во Владивостоке он участвовал в открытии строительства Сибирской железной дороги, на закладке дока и памятника адмиралу Невельскому. В Хабаровске Наследник присутствовал на освящении памятника Муравьеву-Амурскому. Через Иркутск, Тобольск, Екатеринбург Николай вернулся в Царское Село возмужавшим и окрепшим. Вдали от родителей он провел 9 месяцев (с 23 октября 1890 по 4 августа 1891), проделав путь в 35 тысяч верст.

После такой школы жизни, которую прошел во время кругосветного путешествия Наследник, Александр III начал поручать ему более серьезные дела. Николай был назначен председателем комитета Сибирской железной дороги. Он присутствовал

на всех его заседаниях, относясь к этому назначению с большой ответственностью. Отец также поручил Николаю председательствовать в особом комитете по доставке помощи населению губерний, пострадавших от неурожая (действовал до 5 марта 1893). Комитет собрал пожертвований более чем на 13 миллионов рублей и распределил их среди голодающих крестьян.

Кроме работы в этих комитетах Николай постоянно приглашается на заседания высших государственных учреждений, где с практической стороны знакомится с наукой управления великой страной.

Еще будучи Наследником Престола, Николай начал свою благотворительную деятельность, на которую использовал свои первые личные средства — 4 млн рублей, полученных по наследству от прабабушки. Этих значительных по тем временам средств хватило ему только на три года благотворительности.

Год за годом Николай нарабатывал опыт государственной, политической и общественной жизни. Его дневники свидетельствовали о большом труде на этом поприще. Николаю казалось, что впереди у него еще много лет такой подготовки к будущему царствованию.

Однако болезнь отца в течение нескольких месяцев изменила его жизнь. Александр III не любил лечиться, не говорил о своем недуге, который он, по-видимому, получил во время крушения в Борках, когда в течение нескольких минут поддерживал падающую крышу вагона, чтобы спасти семью. Богатырь внешностью, обладавший огромной силой, способный ломать пятаки и завязать узлом железную кочергу, Александр III стал медленно угасать. Роковую роль сыграла охота в Спасе летом 1894 года.

Здесь среди болот Император сильно промок и простудился. По совету врачей он немедленно поехал в Ливадию на лечение. Однако было уже поздно. Недуг крепко сковал пятидесятилетнего Императора. Окруженный молитвами св. Иоанна Кронштадтского, Александр III трижды приобщался Святых Тайн и не терял сознания, пока не скончался.

Все это время рядом с отцом был Николай и другие его дети. 20 октября 1894 года Николай, уже царствующий Император, записывает в своем дневнике:

«Боже, Боже мой, что за день! Господь отозвал к себе нашего обожяемого дорогого горячо любимого Папа. Голова кругом идет, верить не хочется — кажется до того неправдоподобным ужасная действительность. Все утро мы провели наверху около него! Дыхание его было затруднено, требовалось все время ему вдыхать кислород. Около половины 3 он причастился Святых Тайн; вскоре начались легкие судороги... и конец быстро настал! О. Иоанн больше часу стоял у его изголовья и держал за голову. Это была смерть святого! Господи, помоги нам в эти тяжелые дни! Бедная дорогая мама!.. Вечером в 9¹/₂ была панихида — в той же спальне! Чувствовал себя как убитый... Вечером исповедался».

ГЛАВА 4

*Взаимное чувство. — Любовь Николая. — Принцесса Алиса. —
Бракосочетание через месяц после похорон отца*

Чувства горя и подавленности, которые испытал Николай после скоропостижной смерти отца, разделила с ним любимая женщина — принцесса Алиса, к браку с которой Наследник русского Престола стремился 10 лет.

Принцесса Алиса родилась в семье герцога Людвига IV Гессен-Дармштадтского и дочери английской королевы Виктории.

Мать будущей русской Царицы Алиса Гессенская за свою короткую жизнь (она прожила всего 35 лет, умерла в 1878 году) запомнилась окружающим своей душевностью, добротой и милосердием. Она создала несколько благотворительных обществ и активно участвовала в их работе. После ее смерти на добровольные пожертвования горожан ей был воздвигнут памятник — «Алисе — незабвенной великой герцогине». Свою душевность и доброту мать передала и дочери. Те, кто знал ее совсем маленькой, вспоминают веселого и доверчивого ребенка, порой, впрочем, вспыльчивого и даже упрямого. За постоянную улыбочивость и радостные чувства, которые она вызывала у ближних, ее звали «солнышко».

Когда девочке было 6 лет, в семье произошла трагедия — заболели дифтеритом и умерли мать и сестра. Девочка на всю жизнь запомнила, как во дворце воцарилась гнетущая тишина, которую нарушал плач няньки за стеной комнаты маленькой Алисы. У девочки забрали игрушки и сожгли — боялись, как бы она не заразилась. Конечно, на следующий день принесли новые игрушки. Но это уже было не то —

пропало что-то любимое и привычное. Событие, связанное со смертью матери и сестры, наложило роковую печать на характер ребенка. Вместо открытости в ее поведении стали преобладать замкнутость и сдержанность, вместо общительности — застенчивость, вместо улыбочки — внешняя серьезность и даже холодность. Только в кругу самых близких людей, а таких были единицы, она становилась прежней — радостной и открытой. Эти черты характера сохранились у нее навсегда и доминировали даже тогда, когда она стала Императрицей. Близко знавший ее учитель царских детей П. Жильяр писал: *«Весьма сдержанная и в то же время очень непосредственная, прежде всего — жена и мать, Императрица чувствовала себя счастливой только среди своих. Образованная и обладавшая художественным чутьем, она любила чтение и искусство. Она любила также созерцание и погружалась в напряженную внутреннюю жизнь, из области которой выходила лишь при появлении опасности. Тогда она со страстной горячностью вступала в борьбу. Она была одарена самыми прекрасными нравственными качествами и всегда руководствовалась самыми благородными побуждениями».*

Английская королева очень любила свою внучку и всячески заботилась о ее воспитании. Замок герцога Дармштадтского был пропитан «атмосферой старой доброй Англии». На стенах висели английские пейзажи и портреты родственников из Туманного Альбиона. Воспитание велось английскими наставниками и преимущественно на английском языке. Королева Виктория постоянно посылала внучке свои наставления и советы. Пуританская мораль воспитывалась в девочке с самых первых лет. Даже кухня была английской — почти каждый день рисовый пудинг с яблоками, а на Рождество гусь и, конечно, плюм-пудинг и традиционный сладкий пирог.

Алиса получила самое лучшее по тем временам образование. Знала литературу, искусство, говорила на нескольких языках, прослушала курс философии в Оксфорде.

И в молодости, и в зрелом возрасте Царица была очень хороша собой. Это отмечали все (даже враги). Как описывала ее одна из придворных: *«Из густой зелени парка показалась стройная, высокая фигура... Царица была вся в белом, на волосах легкая, белая вуаль. Лицо было светлым и нежным... волосы красноватого золота, глаза... темно-голубые, а фигура гибкая, как пастуший хлыст. Насколько я помню, на ней был великолепный жемчуг, а бриллиантовые серьги переливались разноцветным огнем, как только она двигала головой...»* Или другая зарисовка. *«Императрица была очень хороша... высокого роста, стройная, с великолепно поставленной головой. Но все это было ничто в сравнении со взглядом ее серо-голубых глаз, поразительно живых, отражавших все волнение ее...»* А вот описание Царицы, сделанное ее ближайшей подругой Вырубовой:

«Высокая, с золотистыми густыми волосами, доходившими до колен, она, как девочка, постоянно краснела от застенчивости; глаза ее, огромные и глубокие, оживлялись при разговоре и смеялись. Дома ей дали прозвище “солнышко”. Больше всех драгоценностей Царица любила жемчуг. Им она украшала и волосы, и руки, и платья. Днем Царица ходила в свободной мягкой одежде, отделанной кружевами. Вечером надевала светлые платья, расшитые серебряной или голубой нитью. Предпочитала носить остроносые туфли на низком каблуке из замши или кожи, окрашенной в золотистый цвет».

Глубокая в своих переживаниях и сердечная по натуре, Царица была очень эмоциональна, хотя чаще всего сдерживала чувства, не давала им внеш-

него проявления. Все наболевшее она доверяла очень узкому кругу близких ей людей, и прежде всего мужу, лучшей подруге Анне Вырубовой и другу Царской семьи Григорию Распутину. Для многих она казалась неприступной и величественной. Знавшие ее рассказывали: *«В ней характерным отличием была ее величественность. Такое впечатление она производила на всех. Идет, бывало, Государь, нисколько не меняешься. Идет она, обязательно одернешься и подтянешься. Однако она вовсе не была гордой. Она не была и женщиной со злым характером, недобрым. Она была добра и в душе смиренна»* (Битнер).

«Она не была гордая в грубом значении этого слова, но она постоянно сознавала и никогда не забывала своего положения. Поэтому она всегда казалась Императрицей. С ней я никогда не мог себя чувствовать просто, без стеснения. Но я очень любил быть с ней и говорить. Она была добрая и любила добрые дела» (Гиббс).

Доброта была главной чертой характера Царицы, а ее стремление помочь всем, кто ее окружал, было постоянным.

История любви русского Царя и внучки английской королевы началась в 1884 году. Он — шестнадцатилетний юноша, стройный, голубоглазый, со скромной и немного печальной улыбкой. Она — двенадцатилетняя девочка, как и он, с голубыми глазами и красивыми золотистыми волосами. Встреча произошла на свадьбе ее старшей сестры Елизаветы (будущей великомученицы) с дядей Николая, великим князем Сергеем Александровичем. И Николай, и Алиса (так тогда звали будущую русскую Царицу) с самого начала почувствовали друг к другу глубокую симпатию. Николай дарит ей драгоценную брошь, а она, воспитанная в пуританской морали, в смущении и застенчивости не смеет ее взять и возвращает подарок.

Вторая встреча их происходит только через пять лет, когда Алиса приезжает в Россию навестить старшую сестру. Но все это время Николай помнит о ней. «Я люблю ее уже давно, а с тех пор, как в 1889 году она пробыла в Петербурге шесть недель, я люблю ее еще более глубоко и сердечно». Заветной мечтой Николая становится женитьба на Алисе. Однако у родителей Николая другие планы. По их мнению, Алиса не очень завидная партия для Наследника российского Престола, они прочат сыну французскую принцессу. Николай, всегда послушный воле родителей, в этом случае с болью в сердце не соглашается с ними, заявляя, что, если ему не удастся жениться на Алисе, он никогда не женится вообще. Наконец Николай получает у своих родителей согласие на этот брак.

Помолвка происходит весной 1894 года, когда европейские монархи и члены их фамилий съехались на свадьбу старшего брата Алисы. Николай присутствовал здесь как представитель своего отца Императора Александра III, который не мог приехать из-за болезни.

Уже при первой встрече наедине Николай признается Алисе в любви и просит ее руки. Она соглашается. Сбывается то, о чем они мечтали много лет. *«Я плакал, как ребенок, — пишет матери Николай, — и она тоже, но это уже не было грустно. Ее лицо сияло от внутреннего счастья».* День своей помолвки 8 апреля 1894 года они вспоминают всю жизнь как самое радостное событие, впрочем, как и их свидания в Англии, несколько месяцев спустя. Тогда, в разгар лета, в загородной усадьбе в Уолтоне на Темзе они провели самые пленительные дни своей жизни, одно воспоминание о которых вызывало у Александры Федоровны радостные слезы. Долгие прогулки возле реки, беседы под старым каштаном, совместное чтение. В письме

матери Николай пишет: «Весь день при чудесной погоде мы провели на воздухе, катались на лодке вверх и вниз по течению, закусывали на берегу. Настоящая идиллия!»

Дневник Николая Александровича всегда открыт для Алисы, время от времени она делает в нем записи со стихами и молитвами, перемежающимися восклицаниями: «Тысячу раз целую моего любимого». «Да благословит тебя Бог, мой ангел». От нее у него нет тайн. Николай рассказывает Алисе о своем юношеском увлечении балериной Кшесинской. *«Что было, то было, — со слезами на глаза пишет Алиса, — прошлое никогда не вернуть. Всех нас подвергают искушению в этом мире, и, когда мы молоды, нам особенно трудно устоять и не поддаться искушению. Но если мы сумеем раскаяться, Бог простит нас. Извини, что я говорю об этом так много, но я хочу, чтобы ты был уверен в моей любви к тебе. Я люблю тебя еще сильнее после того, как ты рассказал мне эту историю. Твое доверие глубоко тронуло меня. Я постараюсь быть достойной его. Благослови тебя Господь, мой любимый Ники...»*

Слова, которые Алиса записывает в дневник своего жениха, проникнуты самым возвышенным чувством любви, свет которой они сумели пронести через всю жизнь.

«Мне снилось, что я влюблена. Я проснулась и узнала, что это — правда, на коленях я благодарила Бога за это счастье. Истинная любовь — это дар Божий. Каждый день она становится сильнее, глубже, полнее и чище». Или в другом месте: «Мы нашли свою любовь. Я связала ей крылья. Она никогда не исчезнет и не покинет нас. Она всегда будет звучать в наших сердцах». И, наконец, слова на прощание при отъезде из Англии: «Спи спокойно. Волны убаюкивают тебя. Ангел-хранитель — всегда с тобой. Нежно тебя це-

лую». *«Мы всегда принадлежим друг другу. Я — тебе. В этом ты можешь быть уверен. Ключ от моего сердца, в котором ты заключен, — потерян, и тебе никогда не выйти оттуда».*

Уже позднее Царь записывал в своем дневнике: *«Годовщина нашей помолвки. Никогда в жизни, кажется, я не забуду этого дня в Кобурге, как я тогда был счастлив! Чудный, незабвенный день».* А Царица до самой смерти носила на шее вместе с крестом жениховский подарок Николая — кольцо с рубином.

События развиваются стремительно. Но к радости обрученных примешивается и горе от случившегося несчастья. Тяжело заболевает отец Николая. За полторы недели до его смерти Алиса приезжает в Россию, чтобы остаться здесь навсегда. 20 октября 1894 года навеки закрывает глаза Император Александр III, а на следующий день Алиса принимает Православие и русское имя Александра Федоровна.

Не проходит и месяца после похорон, и 14 ноября 1894 года происходит бракосочетание уже Императора Николая II с Великой княжной Александрой Федоровной. На браке настаивали близкие родственники Государя, они считали, что таким образом можно как-то успокоить Николая Александровича, потрясенного неожиданной смертью отца и безмерной ответственностью, легшей на его плечи. Огромная роль, которую играл Царь в России того времени, требовала учитывать также психологию крестьянства, которое составляло около 80 процентов всего населения страны. В сознании крестьянства неженатый мужчина не обладал должной мерой дееспособности (русская деревня считала мужчину, достигшего определенного возраста, но неженатого, неполноценным), тем более на Престоле должен быть «не мальчик, но муж».

Конечно, соединение любящих сердец в таких условиях вызывало в них противоречивые чувства. *«Ты можешь себе представить мои чувства, — писала Александра Федоровна своей сестре, — в один день в глубоком трауре, а на другой — в элегантных одеждах для бракосочетания... сначала черные, а потом белые платья».* Но жизнь и любовь побеждают смерть. После свадебных церемоний перед первой брачной ночью Александра Федоровна записывает в дневник своего супруга: *«Наконец-то мы вместе, соединены на всю жизнь, и, если эта жизнь кончится, мы встретимся в другом мире и останемся вместе во веки веков».* А на следующее утро добавляет: *«Никогда бы не могла представить, что в мире есть столь совершенное счастье, такое чувство соединения между двумя смертными людьми. Я люблю тебя — в этих трех словах заключается вся жизнь».*

Это совершенное счастье близости Николай и Александра сумели сохранить до конца своих дней, до последней минуты в Ипатьевском доме. Когда читаешь их переписку, поражаешься свежести их чувств.

И через пять, и через десять, и через двадцать лет после свадьбы они пишут друг другу такие письма, которые по сегодняшним меркам могут писать редкие молодожены.

Трогательный факт. Вся переписка Царя и Царицы во время расставания начиналась еще до их разлуки.

Первое письмо к супругу Царица писала еще до расставания, за день до его отъезда, давала ему при прощании, а он прочитывал его уже в дороге.

Почти с каждым своим письмом Царица посылала супругу либо икону, либо цветы, либо еще что-нибудь. *«Икона эту ночь полежит под моей подушкой, — пишет Царица, — перед тем как я тебе передам ее...»* Возле своей подписи Царица ставила крест.

ГЛАВА 5

*Начало царствования. — Характеристика Николая II
как правителя*

Хотя Николай II получил блестящее образование и всестороннюю подготовку к государственной деятельности, морально к ней он не был готов. Это можно легко понять. Внезапная смерть отца в возрасте 49 лет (которого все считали здоровяком и которому предрекали еще долгое царствование) вначале ввергла Николая в растерянность. Ему только двадцать шесть лет, а он отвечает за судьбу огромной страны. И, к чести его сказать, молодой Царь сумел найти в себе силы принять эту ответственность, не перекладывая ее ни на кого другого.

Основой государственной политики Николая II стало продолжение стремления его отца «придать России больше внутреннего единства путем утверждения русских элементов страны».

В своем первом обращении к народу Николай Александрович возвестил, что «отныне Он, проникшись заветами усопшего родителя своего, примет священный обет пред лицом Всевышнего всегда иметь единой целью мирное преуспеяние, могущество и славу дорогой России и устройство счастья всех Его верноподданных». В обращении к иностранным государствам Николай II заявлял, что «посвятит все свои заботы развитию внутреннего благосостояния России и ни в чем не уклонится от вполне миролюбивой, твердой и прямодушной политики, столь мощно содействовавшей всеобщему успокоению, причем Россия будет по-прежнему усматривать в уважении права и законного порядка наилучший залог безопасности государства».

Образцом правителя для Николая II был Царь Алексей Михайлович, бережно хранивший традиции старины.

Однако время, в которое выпало царствовать Николаю II, сильно отличалось от эпохи первых Романовых. Если тогда народные основы и традиции служили объединяющим знаменем общества, которое почитали и простой народ, и правящий слой, то к началу двадцатого века российские основы и традиции становятся объектом отрицания со стороны образованного общества. Значительная часть правящего слоя и интеллигенции отвергает путь следования российским основам, традициям и идеалам, многие из которых они считают отжившими и невежественными. Не признается право России на собственный путь. Делаются попытки навязать ей чужую модель развития — либо западноевропейского либерализма, либо западноевропейского марксизма. И для тех, и для других главное — поломать самобытность России, и, соответственно, их отношение к Царю как хранителю идей традиционной России, как к врагу и мракобесу.

Трагедия жизни Николая II состояла в неразрешимом противоречии между его глубочайшим убеждением хранить основы и традиции России и нигилистическими попытками значительной части образованных слоев страны разрушить их. И речь шла не только о сохранении традиционных форм управления страной, а о спасении русской национальной культуры, которая, как он чувствовал, была в смертельной опасности. События последних восьмидесяти лет показали, насколько был прав российский Император. Всю свою жизнь Николай II чувствовал на себе психологическое давление этих объединившихся, враждебных российской культуре сил. Как

видно из его дневников и переписки, все это причиняло ему страшные моральные страдания. Твердая убежденность хранить основы и традиции России в сочетании с чувством глубокой ответственности за ее судьбу делала Императора Николая II подвижником идеи, за которую он отдал свою жизнь.

«Вера в Бога и в свой долг Царского служения, — пишет историк С.С. Ольденбург, — были основой всех взглядов Императора Николая II. Он считал, что ответственность за судьбы России лежит на нем, что он отвечает за них перед Престолом Всевышнего. Другие могут советовать, другие могут Ему мешать, но ответ за Россию перед Богом лежит на нем. Из этого вытекало и отношение к ограничению власти, которое Он считал переложением ответственности на других, не призванных, и к отдельным министрам, претендовавшим, по Его мнению, на слишком большое влияние в государстве: “Они напортят — а отвечать мне”».

Воспитатель Наследника Престола Жильяр отмечал сдержанность и самообладание Николая Александровича, его умение управлять своими чувствами. Даже по отношению к неприятным для него людям Император старался держать себя как можно корректней. Однажды С. Д. Сазонов (министр иностранных дел) высказал свое удивление по поводу спокойной реакции Императора в отношении малопривлекательного в нравственном отношении человека, отсутствия всякого личного раздражения к нему. И вот что сказал ему Император: *«Эту струну личного раздражения мне удалось уже давно заставить в себе совершенно замолкнуть. Раздражительностью ничему не поможешь, да к тому же от меня резкое слово звучало бы обиднее, чем от кого-нибудь другого».*

«Что бы ни происходило в душе Государя, — вспоминает С.Д. Сазонов, — он никогда не менялся в своих отношениях к окружающим его лицам. Мне пришлось видеть его близко в минуту страшной тревоги за жизнь единственного сына, на котором сосредотачивалась вся его нежность, и кроме некоторой молчаливости и еще большей сдержанности, в нем ничем не сказывались пережитые им страдания».

«Во внешности Николая II, — писала жена английского посла Бьюкенена, — было истинное благородство и обаяние, которое, по всей вероятности, скорей таилось в его серьезных, голубых глазах, чем в живости и веселости характера».

Характеризуя личность Николая II, немецкий дипломат граф Рекс считал Царя человеком духовно одаренным, благородного образа мыслей, осмотрительным и тактичным. *«Его манеры, — писал дипломат, — настолько скромны и он так мало проявляет внешней решимости, что легко прийти к выводу об отсутствии у него сильной воли; но люди, его окружающие, заверяют, что у него весьма определенная воля, которую он умеет проводить в жизнь самым спокойным образом».* Упорную и неутомимую волю в осуществлении своих планов отмечает большинство знавших Царя людей. До тех пор, пока план не был осуществлен, Царь постоянно возвращался к нему, добиваясь своего. Уже упомянутый мною историк Ольденбург замечает, что у *«Государя поверх железной руки была бархатная перчатка. Воля его была подобна не громовому удару. Она проявлялась не взрывами и не бурными столкновениями; она скорее напоминала неуклонный бег ручья с горной высоты к равнине океана. Он огибает препятствия, отклоняется в сторону, но в конце концов, с неизменным постоянством, близится к своей цели».*

Долгое время было принято считать, что Царь подчинял свою волю воле Царицы, — мол, она обладала более твердым характером, духовно руководила им. Это неправильный и очень поверхностный взгляд на их взаимоотношения. Можно привести множество примеров в их письмах (они встречаются часто) того, как Государь неуклонно проводил свою волю, если чувствовал правильность своего решения. Но его можно было убедить отменить свое решение, если он обнаруживал свою ошибку и справедливость утверждений Царицы. Государыня не давила на супруга, а действовала убеждением. И если она чем-то и влияла на него, то добротой и любовью. Царь был очень отзывчив на эти чувства, так как среди многих родственников и придворных он чаще всего ощущал фальшь и обман. Читая царские письма, убеждаемся, с какой настойчивостью Николай II проводил свои планы и отвергал предложения любимой им жены, если считал их ошибочными.

Кроме твердой воли и блестящего образования Николай обладал всеми природными качествами, необходимыми для государственной деятельности, и прежде всего огромной трудоспособностью. В случае необходимости он мог работать с утра до поздней ночи, изучая многочисленные документы и материалы, поступавшие на его имя. (Кстати говоря, он охотно занимался и физическим трудом — пилил дрова, убирал снег и т.п.) Обладая живым умом и широким кругозором, Царь быстро схватывал существо рассматриваемых вопросов. Царь имел исключительную память на лица и события. Он помнил на лицо большую часть людей, с которыми ему приходилось сталкиваться, а таких людей были тысячи.

Император Николай II, отмечал историк Ольденбург (да и многие другие историки и государ-

ственные деятели России), обладал совершенно исключительным личным обаянием. Он не любил торжеств, громких речей, этикет ему был в тягость. Ему было не по душе все показное, искусственное, всякая реклама. В тесном кругу, в разговоре с глазу на глаз, он умел обворожить собеседников, будь то высшие сановники или рабочие посещаемой им мастерской. Его большие серые лучистые глаза дополняли речь, глядели прямо в душу. Эти природные данные еще более подчеркивались тщательным воспитанием. *«Я в своей жизни не встречал человека более воспитанного, нежели ныне царствующий Император Николай II»*, — писал граф Витте уже в ту пору, когда он, по существу, являлся личным врагом Императора.

Характерной черточкой к портрету Царя является его отношение к одежде, бережливость и скромность в быту. Слуга, бывший при нем еще с молодых лет, рассказывает: *«Его платья были часто чинены. Не любил он мотовства и роскоши. Его штатские костюмы велись у него с жениховских времен, и он пользовался ими»*. Уже после убийства в Екатеринбурге были найдены военные шаровары Царя — на них были заплаты, а внутри левого кармана надпись-пометка: *«Изготовлены 4 августа 1900 г., возобновлены 8 октября 1916 года»*.

Более семидесяти лет правилом для либеральных и советских историков и литераторов была обязательно отрицательная оценка личности Николая II. Много было перевернуто с ног на голову. И чем ближе российский государственный деятель стоял к нашему времени, чем крупнее он был как историческая личность, тем нетерпимей и оскорбительней была оценка его деятельности. Например, по мнению Троцкого, дореволюционная Россия была не-

способна рождать крупных политических деятелей, а обречена создавать лишь жалкие копии западных. В русле этой «традиции» советские историки приписывали Николаю II все унижительные характеристики: от коварства, политического ничтожества и патологической жестокости до алкоголизма, разврата и морального разложения. История расставила все на свои места. Под лучами ее прожекторов вся жизнь Николая II и его политических оппонентов просвечена до малейших подробностей. При этом свете стало ясно, кто есть кто.

Иллюстрируя «коварство» Царя, казенные советские историки обычно приводили пример того, как Николай II снимал некоторых своих министров без всякого предупреждения. Сегодня он мог милостиво разговаривать с министром, а завтра отправить его в отставку. Серьезный исторический анализ показывает, что Царь ставил дело Российского государства выше отдельных личностей (и даже своих родственников). И если, по его мнению, министр или сановник не справлялся с Делом, он убирал его вне зависимости от прежних заслуг. В последние годы царствования Царь испытывал кризис своего окружения (недостаток надежных, способных людей, разделявших его идеи). Значительная часть самых способных государственных деятелей стояла на западнических позициях, а люди, на которых Царь мог положиться, не всегда обладали нужными деловыми качествами. Отсюда постоянная смена министров.

ГЛАВА 6

*Семейная жизнь Царя. — Двор. — Родственники. —
Приближенные*

Царская семья жила в Александровском дворце. Все в нем было устроено по вкусу супругов. Царский кабинет размещался, например, в сравнительно небольшом помещении. В кабинете стояли письменный стол, за которым работал Царь, и еще один стол, на котором лежали карты России. По стенам стояли книжные шкафы, а также ряд кресел и небольшая кушетка. Каждая вещь в кабинете знала свое место. Государь не терпел беспорядка.

Покои Царицы были отделаны в любимом ею английском духе, стены обиты мебельной тканью. Будуар Царицы и все, что в нем находилось, — ковры, занавески, обивка мебели — были выдержаны в лиловых и белых цветах. На столе лежали книги и газеты, разные декоративные безделушки. Всюду висело много икон. Над кушеткой было повешено изображение Богородицы. В будуаре Царица проводила большую часть времени, здесь, лежа на кушетке, она много читала и писала письма. Много времени Царица уделяла вязанию. К будуару примыкала гардеробная с большими стенными шкафами для ее платьев, полками для шляп и выдвижными ящиками для драгоценностей. Супружеская спальня (ее большие окна выходили в парк) находилась рядом с будуаром Царицы. Здесь стояла широкая кровать, на которой Царь и Царица спали с первых дней супружества и до ссылки в Тобольск.

Работать Царь начинал ранним утром, одевался в темноте и шел к себе в кабинет. Николай II не имел личного секретаря, предпочитая все делать сам. На

его столе в кабинете был специальный дневник, куда он по дням и часам записывал свои дела. Многие документы, поступавшие на его имя, он просматривал сам. Своих министров и других приглашенных лиц Царь обычно принимал в непринужденной обстановке. Слушал внимательно, не прерывая. Во время беседы был предупредительно вежлив, никогда не повышал голоса. Примерно в восемь часов Царь обычно заканчивал свой рабочий день. Если в это время у него был посетитель, то Царь вставал и подходил к окну. Это был знак окончания аудиенции. Другой формой окончания аудиенции были слова: «Боюсь, что я утомил Вас».

Когда выпадало время, Царь много читал. Специальный библиотекарь каждый месяц подготавливал для него 20 лучших книг всех стран. Больше всего Николай читал книги на русском языке, но вместе с женой — чаще на английском. И вся переписка между ними шла именно на этом языке, хотя Царица прекрасно говорила по-русски.

Спать Царь шел около одиннадцати часов. Перед сном делал записи в своем дневнике, который вел много лет. После горячей ванны ложился в постель.

Через год после свадьбы у царской четы родилась дочь Ольга, а затем с периодичностью в два года появляются на свет еще три дочери — Татьяна, Мария и Анастасия. В августе 1904 года Александра Федоровна рождает долгожданного Наследника русского Престола — сына Алексея.

Великие княжны, как в свое время и их отец, воспитывались по-спартански. Они спали в двух больших хорошо проветриваемых комнатах на жестких походных постелях без подушек. Каждый день начинался с холодного купания. С самого детства Царица приучала своих детей к рукоделию, ибо не

хотела, чтобы «руки ее дочерей оставались праздными».

Несмотря на свое привилегированное положение, царские дочери вместе со служанками сами убирали свои комнаты и стелили постель. Занятия начинались в 9 часов и велись почти целый день. Княжон учили истории, географии, математике, русскому, французскому и английскому языкам и, конечно, музыке. Девочки много читали и были очень развиты. С детства они привыкли постоянно быть вместе и жили очень дружно, мало общаясь со своими сверстницами вне семьи. Свои письма, которые они часто сочиняли вчетвером, они подписывали «ОТМА» — первыми буквами их имен по старшинству. Впрочем, родители, да и служащие дворца разделяли их на две пары. Старших девушек — Ольгу и Татьяну — называли «большие», младших, Марию и Анастасию, — «маленькие». Внутри своего сестринского «клана» они держались именно такими парами. Каждая из сестер была не похожа на других. Ольга, самая старшая, внешностью выдалась в отца. У нее было широкое русское лицо, длинные каштановые волосы, голубые глаза. Она была очень сообразительна, эмоциональна и вместе с тем застенчива. Много читала. Когда перед войной ее хотели выдать замуж за румынского принца, она сказала отцу: *«Я русская и хочу остаться в России»*.

Самой энергичной и целеустремленной была вторая дочь Царя — Татьяна. Высокая, стройная, с красивыми рыжеватыми волосами и серыми глазами, она производила впечатление настоящей царской дочери. Именно она была особенно близка отцу, она же была любимицей матери. Татьяна умела окружать мать постоянной заботой и никогда не позволяла себе показать на людях, что она не в духе.

Третья дочь, Мария, — самая красивая и эффектная среди всех царских дочерей, хотя и была склонна к полноте. У нее были яркие губы и темно-голубые, как у матери, глаза, только очень большие, в семье их называли «блюдцами Мари». Она имела веселый, жизнерадостный нрав, была очень добродушна и добросердечна, будущее свое представляла в замужестве и в воспитании детей.

Такой же веселой и жизнерадостной была четвертая дочь Царя — Анастасия. Она быстро схватывала смешные стороны жизни, постоянно потешала всю семью. Так, например, когда пушки на царской яхте давали салют, она в притворном ужасе пряталась в углу, испуганно таращила глаза и высовывала язык. У нее были, безусловно, актерские наклонности, которые она проявляла, изображая разговоры взрослых. Она обладала огромным обаянием и вызывала к себе большое расположение. Кроме того, у Анастасии был замечательный музыкальный слух, что позволяло ей усваивать иностранные языки.

Когда дочери подросли и стали настоящими барышнями, холодное купание по утрам отменили. Вместо него по вечерам им устраивали ароматизированную теплую ванну. На столиках появились украшения и духи. У всех четырех это были «Коти», но каждая предпочитала свой аромат. Ольга любила «Чайную розу», Татьяна — «Корсиканский жасмин», Анастасия — «Виолетту». Мария перепробовала множество ароматов «Коти», прежде чем выбрать «Сирень».

Как вспоминал учитель царских детей П. Жильяр, все царские дочери были прелестны своей свежестью и здоровьем. Трудно было найти четырех сестер, столь различных по характерам и в то же время столь тесно сплоченных дружбой. Последняя

не мешала их личной самостоятельности и, несмотря на различие темпераментов, объединяла их живой связью. В общем, по мнению Жильяра, трудно определяемая прелесть этих четырех сестер состояла в их большой простоте, естественности, свежести и врожденной доброте. Свою мать дочери обожали, считали ее непогрешимой и всегда были полны очаровательной предупредительности по отношению к ней, организуя как бы постоянное дежурство при ней. *«Их отношения с Государем были прелестны. Он был для них одновременно Царем, отцом, товарищем».*

Центром этой тесно сплоченной семьи, пишет Жильяр, был Царевич Алексей, на нем сосредоточивались все привязанности, все надежды. Сестры его обожали, и он был радостью своих родителей. Когда он был здоров, весь дворец казался как бы преображенным: это был луч солнца, освещавший и вещи, и окружающих (недаром в переписке родители его так и называли — «Солнечный луч»). Счастливо одаренный от природы, он развивался бы вполне правильно и равномерно, если бы этому не препятствовал его недуг. Недуг, ставший одной из причин трагедии Царской семьи!

Еще в 1906 году Жильяр обратил внимание, с каким трагическим беспокойством Царица стремилась предотвратить каждое резкое движение своего сына. Царица прижимала сына к себе нежным жестом матери, которая боится за жизнь своего ребенка; но у нее эта ласка и сопровождавший ее взгляд обнаруживали так ясно и так сильно скрытое беспокойство, что Жильяр был поражен этим. И только гораздо позже он понял, в чем дело. Царский сын был болен страшной, неизлечимой болезнью — гемофилией.

Болезнь Наследника носила характер государственной тайны. О ней знал только узкий круг лиц и прежде всего доктора, лечившие его. Даже родственники в большинстве своем были в неведении.

Гемофилия — плохая свертываемость крови — проявлялась у многих представителей мужской линии семьи Александры Федоровны. От гемофилии умерли ее брат и дяди. Этой же болезнью страдали ее племянники. Алексей по своей натуре был живой, подвижный мальчик. Но болезнь на многие дни приковывала его к постели, и это, конечно, сильно угнетало его. Глубокая печаль была видна в его голубых глазах с раннего детства.

Зато когда болезнь отступала, мальчик мало чем отличался от других детей — бегал, играл со сверстниками, шалил, катался на самокате по коридорам, врвался в учебные комнаты сестер, мешая их занятиям. Любил ездить по парку на трехколесном велосипеде, сконструированном специально для него. К Наследнику были приставлены два дядьки из матросов, которые охраняли мальчика и помогали ему. Как у всякого мальчика, карманы Царевича были постоянно набиты всякой всячиной — камешками, гвоздями, веревочками, какими-то бумажками и пр. Конечно, у Царевича было огромное количество самых разных игрушек, от оловянных солдатиков до больших моделей железных дорог, шахт и заводов.

Летом Царевич ходил в матросской форме с лентой на бескозырке с надписью «Штандарт». Зимой его нередко одевали в казачью форму с меховой шапкой, сапогами и настоящим кинжалом. У мальчика было много разных домашних животных, среди которых самый любимый — спаниель Джой, очень красивая собака с шелковистой шерстью, длинные

уши которой свисали почти до земли. Царевича научили играть на балалайке, и он нередко забавлял семью звуками этого инструмента.

Чувство постоянной опасности за жизнь сына не покидает Царскую чету. Какие попытки спасти его они только не предпринимают! Но даже лучшие отечественные и зарубежные доктора не могут помочь Алексею. Самым эффективным оказывается психотерапевтическое воздействие Григория Ефимовича Распутина. Силой своего психологического влияния на мальчика он, по-видимому, мобилизовал скрытые в организме ребенка механизмы сопротивления болезни, и она отступала. Можно представить, как благодарны были ему за это Царь и Царица!

Свободное время Николай II предпочитал проводить с семьей. После окончания государственных дел все семейство собиралось на ужин. Еда, как правило, простая, деликатесов почти не было. После ужина семья часто собиралась в одной комнате, где Царь читал вслух книгу, как правило Толстого, Тургенева или Гоголя, а жена с дочерьми что-то вязали или шили. Царь и Царица очень любили эти вечера, на них они отдыхали душой.

Царь любил пешие прогулки по парку. Нередко его сопровождала целая свора шотландских овчарок (которых у него было одиннадцать). Бывало, Царь с детьми садился в шлюпку и катался по водоемам в парке. Да и вообще Царь любил играть со своими детьми в снежки, кататься на лыжах и санях. Зимой возле дворца сооружали снежную гору, с которой дети катались на салазках.

Летом семья Николая II надолго уезжала из Царского Села. В июне около двух недель они проводили на борту своей яхты «Штандарт» на Балтийском

море возле скалистых берегов Финляндии. Якорь бросали в пустынной бухте, вокруг ни души, только лес, скалы, песок. На яхте были все удобства для комфортабельной жизни. Вечером, как и в Царском Селе, собирались за ужином, читали книги, музицировали. На борту был оркестр. Иногда устраивались танцы. Рабочий кабинет был у Царя и на яхте. С внешним миром поддерживалась постоянная связь через специальных курьеров, которые круглосуточно дежурили возле яхты.

В августе семья уезжала в Спаду – охотничье поместье на территории нынешней Польши. Здесь Царь охотился, а дети, если они приезжали с ним, гуляли по сосновому бору.

В марте и сентябре Царская семья жила в Крыму. Здесь, в Ливадии, стоял дворец, который особенно любила Царица. Он был построен из белого мрамора, а внутри обставлен легкой светлой мебелью с лиловой шелковой обивкой. Отсюда на автомобиле Царь вместе с детьми ездил в горы или на ферму, которая поставляла продукты к столу, а также в гости в соседние усадьбы.

Царскую семью невозможно представить вне посещения церкви. Она ревностно соблюдала все праздники, памятные дни и посты.

В Царском Селе было две церкви, которые особенно любили в Царской семье. Одна – придворная Знаменская церковь – находилась на Кузьминской улице, близ Большого дворца. Этот храм пользовался особым почитанием Царской семьи, так как в нем хранилась древняя родовая икона Дома Романовых – Чудотворный образ Божией Матери «Знамение».

Другим храмом Царского Села, который особенно любили посещать Царская чета и их дети, был

пещерный (нижний) храм Федоровского Государева собора, во имя святого Серафима, Саровского Чудотворца. Это было сказочное место. При Федоровском соборе был воздвигнут Русский городок. Городок строился по проекту Комитета восстановления художественной Руси, который включал многих лучших архитекторов, скульпторов и художников. Возглавлял комитет сам Царь. Сохранились описания этого сказочного сооружения. Городок состоял из трех основных зданий и был окружен сказочно красивой кремлевской стеной с башней и тремя воротами, опоясанными «скульптурным кружевом древней русской росписи». Стена прерывалась фронтоном трех больших зданий, выступавших вперед. Главным зданием была так называемая трапезная Государя, состоявшая из многочисленных комнат, включая двухсветный зал со сводами, украшенными гербами всех российских губерний и областей. Трапезная заканчивалась домовым храмом, где каждый образ и каждая лампада говорили о глубокой и драгоценной старине. Два других здания, тоже в древнем русском стиле, со многими архитектурными деталями и мотивами, первоначально предназначались для духовенства Федоровского Государева собора, но вследствие войны они были использованы как лазареты для раненых воинов. Внутри городка также находились дома для служебного персонала, теннисная площадка, конюшни, гаражи и русская баня. Повсюду были цветники, кусты и деревья редких пород. Весь Русский городок был полуокружен большим прудом. В целом художественный образ Федоровского городка отвечал вкусам и представлениям Царской семьи, отражая их любовь к древнерусскому искусству.

Как всякий монарх, Николай II имел большой Двор и множество придворных. Так было заведено столетиями. Жизнь Двора подчинялась строго соблюдаемому этикету. И сам Государь, и его жена, и дети должны были следовать всем правилам, хотя не любили этого. Каждый шаг Царя и Царицы контролировался охраной. *«Эта охрана, — писала А.А. Вырубова, — была одним из тех неизбежных зол, которые окружали Их Величества. Государыня в особенности тяготилась и протестовала против этой “охраны”; она говорила, что Государь и она хуже пленников. Каждый шаг Их Величеств записывался, подслушивались даже разговоры по телефону. Ничто не доставляло Их Величествам большего удовольствия, как “надуть” полицию; когда удавалось избежать слежки, пройти или проехать там, где их не ожидали, они радовались, как школьники».*

Очень важно отметить, что Царь и Царица были заложниками той системы, которая сложилась задолго до них. Из переписки и дневников видно, как одиноко они чувствовали себя в придворной жизни. Искренности, скромности и даже застенчивости Императорской четы противостояла, по сути дела, в моральном смысле глубоко развращенная придворная среда. Здесь было множество лиц, желавших угодить Государю, чтобы получить какие-то выгоды, постоянно интриговавших друг против друга, а в случае неудачи всячески клеветавших на Царя. Конечно, эти люди характерно проявили себя в трудную минуту — после отречения большая часть придворных бежала, никого не предупредив. Самым предательским образом повели себя люди, которых Царь и Царица считали своими близкими друзьями. Непорядочно и даже предательски по отношению к Императору вела себя и часть его родственников.

Говоря о родственниках Николая II, членах Дома Романовых, следует с горечью отметить, что большинство из них были людьми очень заурядными, озабоченными личными проблемами и менее всего думающими о России. Многие из них смотрели на Царскую чету как на возможность получения для себя высоких должностей, финансовых средств и обделывания выгодных дел. Из переписки видно, какими чужими среди них чувствовали себя Царь и Царица.

Исключение составляли ближайшие родственники Царя — его мать, Мария Федоровна, сестры Ксения и Ольга, брат Михаил. Их отношения с Царем были искренними и сердечными. Но и здесь существовали свои проблемы. Хотя Царица глубоко уважала и любила мать своего супруга, в их отношениях был определенный холодок, усилившийся в период травли Распутина. Ибо силы, которые вели эту травлю, пытались втянуть в нее даже родственников Царя и сумели настроить в определенном духе Марию Федоровну.

Черногорские принцессы — сестры Милица и Анастасия (Стана) Николаевны (в переписке они часто именуется «черными») вышли замуж за двух братьев, великих князей Петра и Николая Николаевичей. Недалекие, с большими амбициями, эти две сестры стали причиной многих грустных переживаний для Царицы. Если что было не по ним (а Царице претила их взбалмошность и поверхностность), они начинали распространять разные домыслы и слухи, да такие, чтобы обидеть побольней. О Царице они распространяли слухи, что она пьяница, распутница и даже шпионка, призывали заточить ее в монастырь.

Великий князь Николай Николаевич, масон, женатый на Анастасии Николаевне, по многим свидетельствам, хороший военный служака и никакой политик, в годы войны в планах российских масонов стал одной из возможных кандидатур на Престол в случае смещения Царя.

Слухи об этом ползли упорные, особенно в период, когда он занимал пост Верховного Главнокомандующего. Да и поступки Николая Николаевича говорили сами за себя. Он, как монарх, приглашает к себе министров, выпускает приказы и обращения по армии, которые пристали только монарху, всюду распространяются его портреты. Хотя, судя по характеру Николая Николаевича, вряд ли это была его идея, скорее всего, он был орудием в руках своего масонского окружения, и прежде всего своего личного друга А.И. Хатисова и В.Ф. Джунковского. Как бы то ни было, объективно этот великий князь занимал позицию, враждебную Царю. В эмиграции Николай Николаевич считал себя главой Дома Романовых и в душе, по-видимому, до конца своих дней не любил Царя, что, в частности, выразалось в его отказе принять следователя Соколова, пытавшегося разобраться в трагедии Царской семьи.

Другой родственник, сыгравший большую роль в падении Царя, был великий князь Кирилл Владимирович, занимавший пост командира Гвардейского экипажа. Человек двуличный, готовый прислуживаться, когда это касалось его интересов, чтобы получить какие-то должности из рук Царя. В трагические дни февраля 1917 года, когда от его решительности много зависело, и мятеж мог быть подавлен, он принял сторону мятежников и прибыл к их штабу во главе вверенных ему Царем войск, чтобы присягнуть «революции». Было это за

два дня до отречения Царя, и поступок Кирилла Владимировича иначе, как изменой или предательством, не назовешь. Трудно сказать, чем руководствовался великий князь в своем деянии, возможно, хотел стать революционным императором? Тем не менее, в эмиграции он объявил себя главой Дома Романовых.

Немало беспокойства Царской чете доставляли некоторые представители одной из боковых ветвей Дома Романовых — Михайловичи.

Отец Николая II считал великих князей Михайловичей евреями, так как жена Михаила Николаевича, их мать Ольга Федоровна, была еврейской крови.

Самым вредным среди них, по мнению Царицы, был великий князь Николай Михайлович, историк, но главное — масон, член тайного французского общества «Биксио». Вокруг Николая Михайловича постоянно группировались враждебные Царской семье силы.

Другим масоном из числа Михайловичей был великий князь Александр Михайлович, спиритуалист, сам себя называвший розенкрейцером и филалетом. Этот Михайлович был женат на сестре Государя Ксении. От этого брака родилась дочь Ирина, вышедшая замуж за будущего убийцу Распутина Феликса Юсупова, слабонервного неженку, хлыща и фата, лечившегося от психических расстройств.

Ярчайшим представителем выродившейся части Дома Романовых являлся великий князь Дмитрий Павлович, двуличный, подлый, раздираемый политическими амбициями гомосексуалист. Этот человек постоянно терся при Царской чете, вынашивая свои преступные замыслы против искренне доверявших ему Царя и Царицы.

Дмитрий Павлович был в числе участников убийства Григория Распутина, а потом самым низким образом юлил, пытаясь доказать, что он здесь ни при чем.

Вдова великого князя Владимира Александровича Мария Павловна (старшая)¹, в переписке она именуется Михень, хотела женить своего сына Бориса, уже изрядно потасканного жуира и бонвивана, на царской дочери Ольге. Конечно, Царская чета была против такого брака чистой, романтической, возвышенной девушки с человеком, который по своим жизненным позициям был совершенно противоположен ей. Но его мать проявляла завидное упорство в этом вопросе и неоднократно возвращалась к нему, что не могло не вызвать чувство раздражения, особенно у Царицы.

На фоне двуличия, подлости и интриганства приятно выделялись своей порядочностью и настоящей любовью к России великий князь Константин Константинович, хороший русский поэт, сумевший воспитать в таком же духе и своих сыновей, а также сын великого князя Павла Александровича от мorganатического брака Владимир Палей, тоже многообещающий поэт.

С родственниками по линии Царицы у Царской четы было сравнительно мало контактов, и они почти прервались с начала войны.

В последние годы наступило охлаждение между Царицей и ее старшей сестрой Елизаветой Федоровной (после убийства ее мужа великого князя Сергея Александровича ставшей настоятельницей общины милосердия). Елизавета Федоровна считала, что Царице не следует видаться с Григори-

¹ Кстати говоря, мать печально известного великого князя Кирилла Владимировича.

ем Распутиным и что вообще она должна выслать его домой. Это ее мнение создавалось не без участия людей, близко к ней стоявших в то время, и в частности Н.К. Мекка, члена комитета Елизаветы Федоровны, и В.Ф. Джунковского, товарища министра внутренних дел, шефа жандармов. Оба они были активные масоны, проводившие свою линию по дискредитации Царской семьи. Незадолго до убийства Распутина Елизавета Федоровна приезжала к сестре и настаивала на удалении Распутина. После этого разговора Царица велела подать поезд и немедленно отправила сестру в Москву. После убийства Распутина Царица получила перехваченные полицией телеграммы ее сестры, направленные убийцам, в которых та поздравляла их с «патриотическим» актом. Царица была потрясена этими телеграммами.

Особый узел напряженности создан в отношениях Императрицы со своими придворными. С самого начала Александра Федоровна старалась найти доступ к их сердцам. *«Но она не умела это высказать, — пишет Жильяр, — и ее врожденная застенчивость губила ее благие намерения. Она очень скоро почувствовала, что бессильна заставить понять и оценить себя. Ее непосредственная натура быстро натолкнулась на холодную условность обстановки двора... В ответ на свое доверие она ожидала найти искреннюю и разумную готовность посвятить себя делу, настоящее доброе желание, а вместо того встречала пустую, безличную придворную предупредительность. Несмотря на все усилия, она не научилась банальной любезности и искусству затрагивать все предметы слегка, с чисто внешней благосклонностью. Дело в том, что Императрица была, прежде всего, искренней, и каждое ее слово было лишь выражением вну-*

треннего чувства. Видя себя непонятой, она не замедлила замкнуться в себе. Ее природная гордость была уязвлена. Она все более и более уклонялась от празднеств и приемов, которые были для нее нестерпимым бременем. Она усвоила себе сдержанность и отчужденность, которые принимали за надменность и презрение». «Такая ненависть со стороны “испорченного высшего круга”», – в отчаянии писала Царица супругу 20 ноября 1916 года. Для многих придворных христианские чувства Царя были признаком его слабости. Они не могли понять, что для Царя было проще простого управлять посредством насилия и страха. Но он этого не хотел. Ориентируясь на народные чувства любви к Царю, как выразителю Родины, он, по-видимому, делал большую ошибку, когда распространял эти чувства на придворных, воспитанных в западноевропейском духе утонченного холопства перед сильными и богатыми. И здесь, конечно, права была Царица, когда говорила, что сердца у людей из высшего общества не мягки и не отзывчивы. Именно к ним относились ее слова, что «они должны бояться тебя – любви одной мало».

Круг людей, который находился близко к Царской чете в последние годы жизни, был довольно узок. О родственниках мы уже говорили, среди них почти не было по-настоящему близких Царской чете людей.

Среди министров и высших сановных лиц таких людей тоже было мало. Более того, среди них буйным цветом расцвела тайная зараза – масонство, бороться с которой было трудно или почти невозможно, потому что свою тайную подрывную работу эти люди вели под личиной преданности Царю и Престолу.

Среди царских министров и их заместителей было по крайней мере восемь членов масонских лож – По-

ливанов (военный министр), Наумов (министр земледелия), Кутлер и Барк (Министерство финансов), Джунковский и Урусов (министерство внутренних дел), Федоров (Министерство торговли и промышленности). Масоном был генерал Мосолов, начальник канцелярии министра царского Двора.

В Государственном совете сидели масоны Гучков, Ковалевский, Меллер-Закомельский, Гурко и Поливанов.

Измена проникла и в военное ведомство, главой которого был уже дважды упомянутый мною масон Поливанов. В масонских ложах числились начальник Генштаба России Алексеев, представители высшего генералитета — генералы Рузский, Гурко, Крымов, Кузьмин-Караваев, Теплов, адмирал Вердеревский.

Членами масонских лож были многие царские дипломаты — Гулькевич, фон Мекк (Швеция), Стахович (Испания), Поклевский-Козелл (Румыния), Кандауров, Панченко, Нольде (Франция), Кудашев (Китай), Щербацкий (Латинская Америка), Забелло (Италия), Иславин (Черногория).

Люди, которые в последние годы близко стояли к Царской семье, не принадлежали к высшему руководству, в основном они были далеки от политики, их приближенность к Престолу определялась духовными запросами и личными симпатиями Царской семьи.

Во-первых, это были люди, разделявшие любовь Царской семьи к Григорию Распутину, почитатели этого человека, прежде всего Анна Вырубова, Юлия Ден (Лили), а также вообще люди, духовно настроенные, — Анастасия Гендрикова (Настя), Екатерина Шнейдер (Трина), София Буксгевден (Иза).

Во-вторых, сюда входили несколько высших придворных чинов — начальник Императорского

Конвоя Граббе, начальник походной канцелярии Нарышкин, обер-гофмаршал Бенкендорф, министр Двора Фредерикс, а также женатый на его дочери дворцовый комендант Воейков.

И, наконец, сюда входил ряд любимых флигель-адъютантов и приближенных Царя — Н.П. Саблин, герцог Лейхтенбергский, граф Апраксин, полковник Мордвинов, князь В. Долгоруков (Валя), граф Д. Шереметев (Димка), князя Барятинские, граф А. Воронцов-Дашков (Сашка), Н. Родионов (Родочка).

Две последние категории лиц, стоявших близко к Царской семье, несмотря на любовь и симпатию к ним Царя, в большинстве своем были настоящими придворными в западноевропейском смысле, за словами преданности Царю скрывающими свои личные интересы и постоянно интриговавшими. Царская переписка дает этому много примеров. Скажем, чего только стоит интрига командира Императорского Конвоя графа Граббе, пытавшегося пристроить Царю в качестве любовницы некую Солдатенко, чтобы через нее влиять на Царя. Каким глубоко чуждым Царю человеком надо быть и почти его не зная, чтобы пытаться осуществить это намерение!

И в дневнике, и в переписке Царя нередко встречаются фамилии Саблина, Родионова и Мордвинова, их изображения есть и в альбомах царских семейных фотографий. Эти люди были любимцами Царской семьи, проводили с ней время, играли с дочерьми, Царица постоянно заботилась и спрашивала о них в своих письмах.

Полковник Мордвинов среди царских дочерей слыл за забавника, любил шутить, и над ним любили пошутить. Как потом стало ясно, такое амплуа

его не устраивало, он не был доволен и был в числе первых, кто бросил Государя в трудную минуту.

Но самым большим любимцем Царской семьи в последние годы был Николай Павлович Саблин, сначала офицер, а затем командир личной императорской яхты «Штандарт». После Григория Распутина и Анны Вырубовой это, пожалуй, самый близкий Царской чете человек. Как уже стало ясно позднее, он был ловкий и умный карьерист, человек холодный и расчетливый, игравший роль преданного Престолу офицера, но изменивший ему в первые дни испытаний.

Сразу же после отречения, еще до того как Царь покинул Могилев, многие его приближенные стали разбежаться. Кто под благовидными предложениями, кто без всяких предлогов просто скрывался, даже не попрощавшись. 5 марта уехали в свои имения граф Фредерикс и генерал Воейков. Когда поезд из Могилева прибыл в Царское Село, бегство приобрело повальный характер. Как рассказывает очевидец, «эти лица посыпались на перрон и стали быстро-быстро разбежаться в разные стороны, озираясь по сторонам, видимо проникнутые чувством страха, что их узнают. Прекрасно помню, что так удирал тогда генерал-майор Нарышкин...» Разбежались все любимые флигель-адъютанты, кроме князя Долгорукова, исчезли Граббе, Апраксин, Бенкендорф.

В общем, отречение показало, кто есть кто в царском окружении. Остались только люди, духовно связанные с Царской семьей. Они сохранили ей верность до конца, а некоторые разделили ее судьбу. Впрочем, мы забежали вперед.

Конфликт между высшим светом и Императрицей носил в известном смысле принципиальный

характер. С одной стороны — среда, привыкшая к культуре праздности и развлечений, с другой — застенчивая женщина строгого викторианского воспитания, приученная с детства к труду и рукоделию. Ближайшая подруга Императрицы Вырубова рассказывает, как Александре Федоровне не нравилась пустая атмосфера петербургского света. Она всегда поражалась, что барышни из высшего света не знают ни хозяйства, ни рукоделия и ничем, кроме офицеров, не интересуются. Императрица пытается привить петербургским светским дамам вкус к труду. Она основывает «Общество рукоделия», члены которого, дамы и барышни, обязаны были сделать собственными руками не меньше трех вещей в год для бедных. Однако из этого ничего не вышло... Петербургскому свету затея пришлась не по вкусу. Злословие в отношении Императрицы становилось нормой в высшем свете. В тяжелое для страны время светское общество, например, развлекалось новым и весьма интересным занятием, распусканием всевозможных сплетен об Императоре и Императрице. Одна светская дама, близкая великокняжескому кругу, рассказывала: *«Сегодня мы распускаем слухи на заводах, как Императрица спавает Государя, и все этому верят»*.

В то время как светские дамы занимались такими шалостями, Царица организует особый эвакуационный пункт, куда входило около 85 лазаретов для раненых воинов. Вместе с двумя дочерьми и со своей подругой Анной Александровной Вырубовой Александра Федоровна прошла курс сестер милосердия военного времени. Потом все они *«поступили рядовыми хирургическими сестрами в лазарет при Дворцовом госпитале и тотчас же приступили к работе — перевязкам, часто тяжелораненых. Стоя за хирургом, Государыня, как каждая операционная*

сестра, подавала стерилизованные инструменты, вату и бинты, уносила ампутированные ноги и руки, перевязывала гангренозные раны, не гнушаясь ничем и стойко вынося запахи и ужасные картины военного госпиталя во время войны. Объясняю себе тем, что она была врожденной сестрой милосердия... Началось страшное, трудное и утомительное время. Вставали рано, ложились иногда в два часа ночи. В 9 часов утра Императрица каждый день заезжала в церковь Знаменья, к чудотворному образу, и уже оттуда мы ехали на работу в лазарет... Во время тяжелых операций раненые умоляли Государыню быть около. Императрицу боготворили, ожидали ее прихода, старались дотронуться до ее серого сестринского платья; умирающие просили ее посидеть возле кровати, поддержать им руку или голову, и она, невзирая на усталость, успокаивала их целыми часами».

Один из офицеров, находившихся на излечении в лазарете, где сестрами милосердия были великие княжны, вспоминает: *«Первое впечатление о великих княжнах никогда не менялось и не могло измениться, настолько были они совершенными, полными царственного очарования, душевной мягкости и бесконечной благожелательности и доброты ко всем. Каждый жест и каждое слово, чарующий блеск глаз и нежность улыбок, и порой радостный смех — все привлекало к ним людей.*

У них была врожденная способность и умение несколькими словами смягчить и уменьшить горе, тяжесть переживаний и физических страданий раненых воинов... Все царевны были чудесными русскими девушками, полными внешней и внутренней красоты. Их беспредельная любовь к России, глубокая религиозность, воспринятые от Государя и Государыни, и их подлинно-христианская жизнь могли бы служить

примером в течение веков, и их мученический конец и те страдания, физические и моральные, которые они все перенесли, ничем не отличались от страданий первых христиан. Это была одна семья, навсегда связанная друг с другом великой любовью, сознанием долга и религиозностью».

В условиях духовной разобщенности с придворной средой Царская чета чувствовала себя счастливой и умиротворенной только в семейной жизни, постоянном общении с детьми. Из придворной среды близкие дружеские чувства сложились у Царя и Царицы только с Анной Александровной Вырубовой, безраздельно преданной Царской семье до самоотречения. Трудно сказать, что вначале связало Императрицу и одну из многих придворных дам, бывшую к тому же на двенадцать лет ее моложе. Скорее всего, общее умонастроение, искренность, чувствительность и цельность их натур. Царица очень жалела подругу за ее несложившуюся личную жизнь и относилась к ней почти как к ребенку. Впрочем, своей наивностью Вырубова действительно напоминала ребенка. Анна Александровна приходила в царский дворец почти что каждый день, ездила с ними и в Крым, и в Спаду, и по Балтике. Иногда Царская чета и их дочери посещали маленький домик Вырубовой недалеко от дворца. Исходящая от темных сил клевета приписывала этим встречам характер оргий и дебошей, тем более что иногда в домик Вырубовой приходил и Григорий Распутин. Комиссия Временного правительства, с пристрастием расследовавшая связи и встречи Вырубовой, с разочарованием вынуждена была констатировать лживость всех этих обвинений, более того, медицинская экспертиза установила, что Вырубова никогда не была в интимных отношениях ни с одним мужчиной.

ГЛАВА 7

Григорий Распутин. — Антирусский миф. — Отношения с Царской семьей. — Добротолюбие. — Бессеребренность. — Излечение Наследника. — Советы Царю

«Думаем, что мы не будем далеки от истины, — писала в 1914 году газета «Московские ведомости», — если скажем, что Распутин — “газетная легенда” и Распутин — настоящий человек из плоти и крови мало что имеют общего между собой. Распутина создала наша печать, его репутацию раздули и взмылили до того, что издали она могла казаться чем-то необычайным. Распутин стал каким-то гигантским призраком, набрасывающим на все свою тень».

«Зачем это понадобилось? — спрашивали «Московские ведомости» и отвечали: — Он нужен был лишь для того, чтобы скомпрометировать, обесславить, замарать наше время и нашу жизнь. Его именем хотели заклеить Россию...» Как справедливо отмечал царский врач Е.С. Боткин: *«Если бы не было Распутина, противники Царской семьи и подготовители революции создали бы его своими разговорами из Вырубовой, не будь Вырубовой — из меня, из кого хочешь»*¹.

Все нападки, клевета, ложь, которые обрушились на Распутина, на самом деле предназначались не ему, а Царю, символизирующему собой Родину и Русское государство. Нащупав самое уязвимое место в жизни Царской семьи, враги Царя и России стали с методической старательностью и изощренностью бить по нему, как в свое время они били по отцу Иоанну Кронштадтскому, находившемуся в дружеских отношениях с Александром III.

¹ Мельник Т. Воспоминания о царской семье... М., 1993. С. 39.

Царь и Царица не были религиозными фанатиками. Их религиозность носила органичный, традиционный характер. Православие для них было ядром существования. Идеалом — кристальная вера русских Царей эпохи первых Романовых, вера, неразрывно сплетенная с другими идеалами Святой Руси, народными традициями и обычаями.

Конец XIX — начало XX века характеризовались глубоким духовным кризисом вследствие отказа от российских духовных ценностей, традиций и идеалов, перехода значительной части образованного общества на основы существования по западной шкале координат. Царь, по своему положению являвшийся верховным хранителем народных основ, традиций и идеалов, ощущал трагический исход этого кризиса и очень нуждался в людях, которые были бы близки ему духовно. В этом, на наш взгляд, заключалась главная причина сближения Царской четы и Григория Распутина. Тяга Царя и Царицы к Распутину носила глубоко духовный характер, в нем они видели старца, продолжающего традиции Святой Руси, умудренного духовным опытом, духовно настроенного, способного дать добрый совет. И вместе с тем они видели в нем настоящего русского крестьянина — представителя самого многочисленного сословия России, с развитым чувством здравого смысла, народного понимания полезности своей житейской интуиции, твердо знавшего, что хорошо, а что плохо, где свои, а где чужие.

«Я люблю народ, крестьян. Вот Распутин действительно из народа», — говорила Царица, а Царь считал, что Григорий — «хороший, простой, религиозный русский человек. В минуты сомнения и душевной тревоги я люблю с ним беседовать, и после такой беседы мне всегда на душе делается легко и спокойно».

Эту мысль он неоднократно повторяет в переписке и беседах.

Царь с Царицей уважительно называли Распутина «наш Друг» или «Григорий», а Распутин их «Папой и Мамой», вкладывая в это смысл «отец и мать народа». Беседовали друг с другом только на «ты».

В жизни Царской семьи, по мнению Вырубовой, Распутин играл такую же роль, как святой Иоанн Кронштадтский. *«Они так же верили ему, как отцу Иоанну Кронштадтскому, страшно ему верили и когда у них горе было, когда, например, Наследник был болен, обращались к нему с просьбой помолиться»* (из протокола допроса А.А. Вырубовой).

До последней минуты Царская чета верила в молитвы Григория Распутина. Из Тобольска они писали Анне Вырубовой, что Россия страдает за его убийство. Никто не мог поколебать их доверия, хотя все враждебные газетные статьи им приносили и все старались им доказать, что он дурной человек. Не следует думать, что Царь и Царица были наивными людьми. По обязанности своего положения они неоднократно устраивали негласные проверки достоверности полученной информации и каждый раз убеждались, что это клевета. Более того, Царская семья знала, с каким глубоким уважением к Распутину относились многие почтенные люди.

Известный исследователь русских религиозных движений В.Д. Бонч-Бруевич считал Григория Распутина одной из самых ярких личностей своей эпохи. Передавая свои впечатления от встреч с Распутиным, ученый, в частности, рассказывал: *«Много мне приходилось видеть восторженных людей из народной среды, ищущих чего-то, мятущихся, “взыскующих града”, куда-то стремящихся, что-то строящих и разрушающих, но Г.Е. Распутин какой-*

то другой, на нас непохожий. Не имея никакой политической точки зрения, он что-то стремится сделать. Для кого?..

“Для народушка жить нужно, о нем помыслить...” – любит говорить он».

Святой Иоанн Кронштадтский верил в Григория Распутина, считая его выдающимся странником и молитвенником, т.е. человеком, чья молитва Богу всегда угодна.

Множество людей приходило к Распутину с просьбой помолиться за их дела, присылали телеграммы и письма. В архивах сохранилось немало телеграмм, содержащих эту просьбу. Но больше всего ценился прямой контакт с ним. Непредвзятые источники свидетельствуют, что в личной встрече он просто очаровывал людей своей какой-то особой уверенностью, умением поставить себя, доброжелательностью и просто добротой. Многие старики из его родного села Покровского в Тюменской области говорили, что главное в нем – доброта: *«Он был добрый и хороший человек, зло о людях не говорил».* Это подтверждают показания министра внутренних дел Протопопова: *«...Зло не говорил про людей, это мне нравилось...»*, а также впечатления других людей, встречавшихся с ним. Граф С.Ю. Витте сказал о Распутине: *«Поистине, нет ничего более талантливое, чем талантливый русский мужик. Какой это своеобразный, какой самобытный тип! Распутин абсолютно честный и добрый человек, всегда желающий творить добро...»*

Письма Царицы супругу наполнены глубочайшей верой в Григория Распутина.

«Слушай нашего Друга, верь ему, его сердцу дороги интересы России и твои. Бог недаром его нам послал, только мы должны обращать больше внимания на его

слова — они не говорятся на ветер. Как важно для нас иметь не только его молитвы, но и советы!»

«Ах, милый, я так горячо молю Бога, чтобы он просветил тебя, что в нем наше спасение: не будь Его здесь, не знаю, что было бы с нами. Он спасает нас своими молитвами, мудрыми советами, Он — наша опора и помощь».

И, наконец, незадолго до убийства Григория, 5 декабря 1916 года:

«Милый, верь мне, тебе следует слушаться советов нашего Друга. Он так горячо, денно и ночью, молится за тебя. Он охранял тебя там, где ты был, только Он, — как я в том глубоко убеждена... Страна, где Божий человек помогает государю, никогда не погибает. Это верно — только нужно слушаться, доверять и спрашивать совета — не думать, что Он чего-нибудь не знает, Бог все ему открывает. Вот почему люди, которые не постигают его души, так восхищаются его умом, способным все понять. И когда он благословляет какое-нибудь начинание, оно удаётся, и если Он рекомендует людей, то можно быть уверенным, что они хорошие люди. Если же они впоследствии меняются, то это уже не Его вина — но Он меньше ошибается в людях, нежели мы — у Него жизненный опыт, благословенный Богом».

Мы не имеем морального права комментировать эти слова, ибо еще так мало знаем мир высших чувств, которыми жила Царская семья. Спасение России по пути следования народным традициям, основам и идеалам было отвергнуто большинством образованного общества. Мозг нации был болен недугом чужебесия, при котором отечественные ценности представлялись мракобесием и реакцией.

Царь и Царица часто обращаются к Распутину за помощью и молитвой. Вот довольно характерная

строчка из письма Царицы Царю: *«Я просила Аню телеграфировать нашему Другу, что дело обстоит очень серьезно и что мы просим его помолиться».*

«Наш Друг благословляет твою поездку», — нередко пишет Царица Царю.

Дело доходит до того, что Царица видит особые свойства в вещах, принадлежащих Распутину, рассматривает их как своего рода святыни. *«Благословляю и целую, мой дорогой, не забудь причесаться маленькой гребенкой»*, — говорила Царица супругу в особо ответственные периоды. Гребенка эта была подарена Царю Распутиным. Или в другом месте: *«Не забудь перед заседанием министров подержать в руке образок и несколько раз расчесать волосы Его гребнем».*

Всегда приезжая по первому зову Царской семьи, Григорий денег от них для себя лично не принимал, за исключением сотни рублей, которые они ему посылали на дорогу (а позднее они оплачивали его квартиру). Хотя иногда он брал у них деньги для передачи на разные благотворительные нужды, в частности, получил 5 тыс. рублей на строительство церкви в селе Покровском.

Как отмечается многими современниками, Распутин по природе был человек широкого размаха, двери его дома всегда были открыты; там всегда толпились многочисленные посетители. Если кто-то голодный приходил и просил есть, его не спрашивали об имени, кормили тем, что было у самих хозяев. *«Распутин постоянно получал деньги от просителей за удовлетворение их ходатайств, широко раздавал эти деньги нуждающимся и вообще лицам бедных классов...»* — позднее писал член следственной комиссии Временного правительства Руднев. Когда требовалась большая сумма, он писал запи-

ску тому или иному богатому человеку с просьбой выделить деньги нуждавшимся. Сам Распутин денег почти не имел и, если они появлялись, сразу их раздавал. После смерти старца его собственная семья осталась без гроша.

Удивительно трогательные взаимоотношения складываются у Распутина с царскими детьми. Когда Распутин бывает во дворце, он беседует с ними и наставляет их. Они пишут ему письма и поздравительные открытки, просят его помолиться об успехе в учебе. *«Дорогой, мой маленький! — пишет Григорий Царевичу Алексею в ноябре 1913 года. — Посмотри-ка на Боженьку, какие у него раночки. Он одно время терпел, а потом так стал силен и всемогущ — так и ты, дорогой, так и ты будешь весел и будем вместе жить и погостить. Скоро увидимся».* Перед войной готовилась поездка Царевича Алексея вместе с Распутиным в Верхотурский монастырь к мощам Симеона Верхотурского.

По желанию Царской семьи Распутину специальным указом дается другая фамилия — «Новых». Это слово было одно из первых слов, которое произнес Наследник Алексей, когда начал говорить. По легенде, увидев Григория, младенец закричал: «Новый! Новый!» Отсюда и эта фамилия.

Для Царской семьи Григорий стал олицетворением надежд и молитв. Встречи эти были не часты, но так как проводились негласно и даже тайно, то рассматривались придворными как события огромной важности, о которых на следующий день становилось известно всему Петербургу. Григория проводили, как правило, боковым выходом, по маленькой лесенке и принимали не в приемной, а в кабинете Царицы. При встрече Григорий целовался со всеми членами Царской семьи, а затем уж вели неторопли-

вые беседы. Распутин рассказывал о жизни и нуждах сибирских крестьян, о святых местах, где ему приходилось бывать. Слушали его очень внимательно, никогда не перебивали. Царь с Царицей делились с ним своими заботами и тревогами и прежде всего, конечно, постоянной тревогой за жизнь сына и Наследника, больного неизлечимой болезнью. Как правило, и он, если не был болен, сидел здесь же и слушал.

Как бы это ни объясняли, но Григорий Распутин был единственный человек, способный помочь Наследнику в его болезни. Как он это делал — навсегда останется тайной. Но факт есть факт: страшная болезнь несворачиваемости крови, перед которой были бессильны лучшие доктора, отступала при вмешательстве Григория. Тому есть множество свидетельств, даже со стороны лиц, ненавидевших его. Так, дворцовый комендант В.Н. Воейков писал в своих воспоминаниях: *«С первого же раза, когда Распутин появился у постели больного Наследника, облегчение последовало немедленно. Всем приближенным Царской семьи хорошо известен случай в Спаде, когда доктора не находили способа помочь сильно страдавшему и стонавшему от болей Алексею Николаевичу. Как только по совету А.А. Вырубовой была послана телеграмма Распутину, и был получен на нее ответ, боли стали утихать, температура стала падать и в скором времени Наследник поправился».*

Безусловно, Царь прислушивался к советам Григория. Из царской переписки видно, что Царь со вниманием выслушивал предложения Распутина и нередко принимал их. Особенно это касалось кандидатур на посты руководителей Святейшего Синода и передвижения епископов в различные епархии, хотя на последнем этапе своей жизни Григорий

принимает участие и в подборе кандидатур на посты министров и губернаторов. Во всех случаях он высказывал только свое мнение. Влияние его на Царя было чисто духовным. Царь ждал от Григория высших духовных откровений, как бы санкций Божественной власти.

Только не надо считать Николая II послушным исполнителем указов Распутина. То, что он советовался с Григорием, вовсе не означало, что он принимал все его советы. При решении абсолютного большинства вопросов Николай не ставил в известность ни Распутина, ни даже Царицу. О многих его решениях они узнавали уже из газет или других источников. В одном из писем к своей супруге Николай достаточно твердо и даже жестко говорит: «Только прошу тебя не вмешивать нашего Друга. Ответственность несу я и потому желаю быть свободным в своем выборе».

ГЛАВА 8

Итоги царствования. — Россия перед царевубийством

Царствование Николая II — самый динамичный период в отношении роста численности русского народа за всю его историю. Менее чем за четверть века население России увеличилось на 62 млн. человек, то есть в полтора раза. Рост русского населения опережал рост населения западноевропейских стран более чем в три раза¹.

При Николае II Россия достигла самого высокого в своей истории уровня рождаемости. В 1895—1900 годах на 1000 человек православного населения страны рождался 51 ребенок. Среди других вероисповеданий — иудеев, католиков, мусульман — рождаемость была в 1,6—1,8 раза ниже. Правда, в начале XX века рождаемость стала сокращаться, хотя и продолжала значительно опережать рост населения других вероисповеданий и стран Западной Европы. Одновременно снижались показатели смертности русского населения, хотя здесь успехи России были более скромными, чем в странах Запада. Высокая смертность в России объяснялась, как это ни парадоксально, более высокой рождаемостью, ибо преобладающее число смертей в то время в любой стране приходилось на младенчество и детство. В 1908—1910 годах число умерших в возрасте до 5 лет составляло почти 60 процентов всех умерших русских людей².

Для всех же остальных групп русского населения (20 лет и старше) уровень смертности был зна-

¹ Рассчитано по: *Водарский Я.Е.* Население России за 400 лет. М., 1973. С. 57; *Урланис Б.Ц.* Рост населения в Европе. ОГИЗ. 1941. С. 414—415.

² *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет. М., 1956. С. 5, 224.

чительно ниже, чем в США и западноевропейских странах. Гораздо большим, чем в этих странах, в России было число долгожителей и стариков, достигших преклонного возраста.

Высокие темпы рождаемости, снижение смертности, незначительное количество эмигрантов обусловили непрерывное увеличение естественного прироста народонаселения России. В 1913 году он был в полтора раза выше, чем в 17 других государствах Европы. Причем если в большинстве ведущих европейских держав естественный прирост падал, то в России он увеличивался. Доля России в мировом населении в 1900 году удвоилась по сравнению с 1800 годом и достигла 10 процентов.

Символом экономического процветания России конца XIX — начала XX века является Великая Сибирская железная дорога, воплотившая в себе все предыдущие хозяйственные достижения страны и явившая миру русское экономическое чудо. Дорога протяженностью 7416 км в основном построена всего лишь за десять лет руками примерно 8 тыс. русских строителей, объединенных в рабочие артели. В то время это был самый великий в мире экономический проект, воплощенный в жизнь. Но Великая Сибирская железная дорога была далеко не единственной, построенной в царствование Николая II. При нем ежегодно прокладывалось примерно 2 тыс. км дорог. Металл, рельсы, вагоны, паровозы — все производилось на русских заводах руками русских рабочих. Только высокоразвитая промышленная держава могла освоить железнодорожное строительство такими гигантскими темпами, отражавшими стремительный рост русской экономики.

В 1815—1861 годах число фабрик и заводов России увеличилось в три с половиной раза, а число ра-

бочих — в три раза¹. За 1860—1880 годы объемы промышленной продукции выросли в 2,5 раза².

Однако настоящий рывок в развитии российской промышленности произошел в 1880—1910 годы. Он характеризовался гигантскими темпами роста промышленности и коренными качественными изменениями в технике и технологии. За 1885—1913 годы объемы промышленного продукта России выросли в 5 раз, что значительно превысило темпы промышленного роста наиболее развитых стран мира, заметно повысилось качество продукции, снижались цены на промышленные товары.

В конце XIX — начале XX века осуществлялось коренное техническое перевооружение промышленности. Доля производственного накопления составляла 15—20 процентов национального дохода, что было выше, чем в США³.

Только за 1885—1913 годы крупные акционерные предприятия увеличили свои фонды в 11,1 раза, хотя мелкие и средние предприятия росли значительно медленнее. Средний рост производственных фондов составлял за 1885—1913 годы 596 процентов, или 7,2 процента в год, т.е. выше, чем в США за тот же период⁴.

Механизация производства происходила ускоренными темпами. Если в 1860 году было внедрено машин на 16,5 млн. руб., то в 1870 году уже на 65 млн. руб., а в 1913 году — на 340 млн. руб. В 1860 году в производстве работало механического оборудования на 100 млн. руб., в 1870 году — на 350 млн. руб.,

¹ *Туган-Барановский М.И.* Русская фабрика в прошлом и настоящем. М., 1922. С. 64.

² *Струмилин С.Г.* Очерки экономической истории России. М., 1960. С. 489, 495.

³ *Вайнштейн А.Л.* Народное богатство и народнохозяйственное накопление предреволюционной России. М., 1960. С. 8.

⁴ *Струмилин С.Г.* Избранные произведения. М., 1963. С. 382.

в 1913 году — почти на 2 млрд. руб.¹, то есть **ежегодно обновлялось около пятой части технического парка машин.**

Темпы роста производства средств производства на частных русских предприятиях были в два раза выше темпов роста легкой и пищевой промышленности. В результате удельный вес производства средств производства достиг 43-х процентов всей промышленной продукции. 63 процента оборудования и средств производства, необходимых в промышленности, производились внутри страны, и только немногим более трети ввозилось из-за границы.

Еще в 1890 году США опережали Россию и по темпам роста продукции, и по производительности труда, однако в 1900—1913 годах положение изменилось, разрыв между Россией и США стал сокращаться. **Бурный рост промышленного производства** наблюдался практически во всех отраслях промышленности России,

Особенно высокими темпами в этот период развивается металлообрабатывающая, химическая, нефтеобрабатывающая отрасли промышленности. В результате за 1897—1908 годы структура обрабатывающей промышленности улучшается. Сокращается удельный вес продукции текстильной промышленности (с 39 до 26 процентов), возрастает удельный вес более «передовых» отраслей.

Русская промышленность в этот период продолжала использовать возможность промышленного развития, предоставляемую передовой техникой и технологией, а также импортом капитала. Несмотря на таможенные ограничения, импорт западной техники продолжался в значительном масштабе.

¹ Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России. М., 1960. С. 490.

Возникающие в России новые предприятия, как правило, использовали новейшие достижения техники, технологии и организации производства. Концентрация производства на промышленных предприятиях – самая высокая в мире. В 1910 году в России 53 процента промышленных рабочих работало на предприятиях с числом занятых свыше 500 человек, в США соответствующий показатель составлял 33 процента¹.

На предприятиях с числом рабочих свыше 1000 человек в России было занято 44 процента рабочих, что в два с лишним раза больше, чем в промышленности США.

В приведенные данные фабричной инспекции не вошли наиболее крупные казенные и все металлургические заводы. С учетом и этих заводов норма концентрации рабочих на крупнейших русских заводах повышается в полтора раза. Таким образом, доля крупных предприятий в России была в три раза больше, чем в Германии и США².

Заводов-гигантов с числом рабочих свыше 5000 насчитывалось в Германии в 1907 году всего 12, тогда как в России в одном Петербурге их было больше, чем во всей Германии (14 заводов). По всей же России заводов-гигантов насчитывалось 35.

Вопреки устоявшемуся мнению о какой-то особой зависимости России от иностранного капитала, общий объем зарубежных вложений в промышленность составлял не более 9–14 процентов всех промышленных капиталов, то есть не больше, чем в основных западноевропейских странах, что было связано с общей тенденцией к интернационали-

¹ *Лященко П.И.* Указ. соч. С. 222, 286; История СССР. Т. VI. М.: Наука, 1968. С. 261.

² Там же. С. 540.

зации капитала. Отечественные предприниматели определяли всю промышленную политику России. Иностранные капиталы, как правило, допускались в те промышленные области, куда отечественные предприниматели еще «побаивались» вкладывать свои капиталы. В стране было достаточно внутренних средств, чтобы вложить их в промышленность. Так, за 1885–1913 годы прибыль по отношению к основному капиталу составляла 16 процентов, а реальный прирост основных капиталов достигал 7,2 процента, а кроме прибыли существовали и другие источники образования основного капитала в промышленности.

За первое десятилетие царствования Николая II государственный бюджет России увеличился с 965 до 1947 млн. руб., то есть более чем в два раза. В 1902 году он в полтора и более раза превосходил госбюджеты Англии, Франции, Германии, являясь первым по своим размерам. Примерно половину доходов бюджета составляли косвенные налоги и около четверти — доходы государственного хозяйства (государственных заводов, фабрик, железных дорог и т.п.). Причем доходы государственных хозяйств выросли за десятилетие в 3,5 раза. Это означало, что сосредоточение народных ресурсов происходило не только за счет усиления налогообложения, но и путем развития государственного хозяйства¹.

В 1895 году Россия перешла на систему золотого обращения и установила чрезвычайно строгие условия для выпуска в обращение кредитных билетов, которые должны были обязательно обеспечиваться золотом. Уже к 1904 году золотой запас Государственного банка России составлял 900 млн.

¹ Русское богатство. 1902. № 3. С. 119, 137–138.

руб., тогда как кредитных билетов было выпущено на 580, т.е. золотое покрытие составляло свыше 100 процентов¹. Вместе с положительным торговым балансом страны это составляло условие для существования русского рубля как самой твердой конвертируемой валюты в мире, которую высоко ценили иностранцы.

Начиная с 1876—1880 годов вплоть до 1913 года Россия имела непрерывный **активный торговый баланс**. С 1886 по 1913 годы она вывезла товаров на 25,3 млрд. золотых руб., а ввезла только на 18,7 млрд. руб., т.е. обеспечила приток золота и валюты в страну на 6,6 млрд руб.

Русская экономика не ориентировалась на внешний рынок. Среди русских товаров только лен и сливочное масло производились в большей степени для продажи за рубеж. В 1913 году экспорт льна достигал 54 процентов, а масла — 76 процентов их производства. Экспортная доля других товаров была несравнимо ниже: пшеницы — 15 процентов, ржи — 3, овса — 4, ячменя — 34, яиц — 17, сахара — 8, нефтепродуктов — 12 процентов. В целом же Россия вывозила за рубеж не более 6—8 процентов производимых товаров.

Опережая западные страны по темпам экономического роста, Россия вместе с тем по объему промышленного производства еще отставала от США, Великобритании, Германии и Франции, занимая пятое место в мире. Специалисты, основываясь на анализе промышленных мощностей России и среднегодовых темпов роста продукции, предсказывали выход России к 1930-м годам на один из передовых рубежей мирового хозяйственного развития.

¹ *Кокцов В.Н.* Воспоминания. М., 1991. С. 440—441.

Стремительный экономический рост и динамично развивающиеся трудовые ресурсы русской нации в царствование Николая II дали богатые плоды. Народный доход России, по самым преуменьшенным расчетам, вырос с 8 млрд. руб. в 1894 году до 22–24 млрд. в 1914 году, то есть почти в три раза. Среднедушевой доход русских людей удвоился. Особенно высокими темпами росли доходы рабочих в промышленности. За четверть века они возросли не менее чем в три раза.

Академику Струмилину удалось доказать, что и в начале XX века **заработки российских рабочих в крупной и средней промышленности были одними из самых высоких в мире**, занимая второе место после заработков американских рабочих. Вот ход его рассуждений: средний годовой заработок в обрабатывающей промышленности США по цензу 1914 года достигал 573 долларов в год, 11,02 доллара в неделю, или 1,84 доллара в день. В перерасчете на русскую валюту дневной заработок американского рабочего составлял 3 рубля 61 копейку золотом. В России, по массовым данным 1913 года, годовой заработок рабочих деньгами и натурой достигал за 257,4 рабочих дня 300 рублей, то есть не превышал 1 рубля 16 копеек в день, не достигая, таким образом, и трети американской нормы. Отсюда и делались обычно выводы о резком отставании уровня жизни российских рабочих от американских стандартов. Но с учетом сравнительной дороговизны жизни в этих странах выводы получают другие. При сравнении розничных цен на важнейшие пищевые продукты оказывается, что они стоят в США в три раза дороже, чем в России. Опираясь на эти сравнения, академик Струмилин делает вывод, что уровень реальной оплаты труда в промышленности

России следует оценить не ниже 85 процентов американского. Таким образом, уровень оплаты труда в промышленности России был достаточно высок и опережал плату за труд в Англии, Германии, Франции¹.

Высокий уровень оплаты труда в промышленности вполне соответствовал сравнительно высокой (для того времени) доле оплаты труда в народном доходе, составляя в 1908 году около 55 процентов, то есть опять-таки был близок к американскому.

Высокий уровень заработной платы русских рабочих сочетался с большим, чем в других странах, количеством выходных и праздничных дней. У промышленных рабочих число выходных и праздников составляло 100—110, а у крестьян достигало даже 140 дней в год.

Русские люди богатели своим трудом. За 1894—1914 годы **сумма вкладов населения в сберегательных кассах увеличилась в семь раз. Сумма вкладов и собственных капиталов в мелких кредитных учреждениях за 1894—1917 годы возросла в 17 раз. Вклады в акционерных коммерческих банках за 1895—1915 годы — в 13 раз.**

Многие годы царствования Николая II характеризовались бездефицитным государственным бюджетом, то есть **государственные доходы превышали государственные расходы.** В предвоенное десятилетие превышение государственных доходов над расходами составляло 2,4 млрд. руб. Государственные финансы процветали. За счет бездефицитного бюджета были отменены выкупные платежи крестьян, понижены железнодорожные тарифы, ликвидированы некоторые виды налогов.

¹ Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России. М., 1960. С. 122—123.

Налоговое бремя на одного русского жителя было самым низким в мире. Русская казна при Николае II стремилась повышать свои доходы не за счет роста налогов, как это чаще всего делалось в западных странах, а путем повышения доходности государственных предприятий. Так, например, выплачивание процентов государственных долгов в основном обеспечивалось за счет доходов от эксплуатации государственных железных дорог.

Общая сумма налогов на одного жителя в России была в два раза ниже, чем во Франции, Германии и Австрии, и в четыре раза меньше, чем в Англии¹.

Особенно низкими в России были прямые налоги. По сравнению с Англией их бремя было в 8 раз легче, а с Германией и Францией — в 4.

Весьма показательными для понимания жизненного уровня русских людей в царствование Николая II являются объемы потребления мяса и мясных продуктов, возросшие примерно в 2 раза и составившие в 1913 году в среднем 70,4 кг в год на человека (в США — 71,8). Еще более высоким потребление мяса было в городах — в среднем 88 кг на душу населения, при этом в Москве — 87, в Петербурге — 94, во Владимире и Вологде — 107, в Воронеже — 147. Еще больше мяса потреблялось в городах Сибири и Дальнего Востока². Потребление сахара также более чем удвоилось, достигнув 9 кг в год.

В первую половину царствования Николая II **сокращалось потребление спиртных напитков на душу населения.** За 1894—1904 годы оно снизилось с 7,4 литра до 7 литров³ — один их самых низких показате-

¹ Бразоль Б.Л. Царствование императора Николая II в цифрах и фактах. М., 1990. С. 4—5.

² США: экономика, идеология, политика. 1988. С. 12—17.

³ Большая Советская Энциклопедия, I изд. Т. 11. С. 81 (некоторое увеличение потребления алкоголя — на 20 процентов — произошло во время смуты 1905—1907 годов).

телей потребления алкоголя в мире. В это время в России пили в шесть раз меньше, чем во Франции; в пять раз меньше, чем в Италии; в три раза меньше, чем в Англии; в два раза меньше, чем в Германии.

В области культурного творчества Россия переживала необыкновенный подъем созидательного энтузиазма. *«Россия, — писал И. Бунин, — жила жизнью необыкновенно широкой и деятельной, число людей работающих, здоровых, крепких все возрастало в ней».* *«Отовсюду, — вторит ему молодой тогда писатель Скиталец (С Г. Петров), — как бы выпирало молодую русскую талантливость, все расцветало... В воздухе веяло обновлением, и, казалось, вся Россия пробуждалась, грезилась какими-то сказочными, радужными снами».* Созидательный подъем, отмечаемый многими современниками, был мощным проявлением чувства национально-культурного возрождения, переживаемого Россией. Именно в конце XIX — начале XX века в стране возникли все условия для окончательного разрушения космополитического засилья в культуре, рожденного европоцентристской ориентацией значительной части российской интеллигенции, лишенной национального сознания.

Русское культурное творчество возвращается к истокам и начинает приобретать отчетливо национальные формы, которые совершенствовались и усливались успехами народного просвещения.

За годы царствования Николая II общие расходы на дело народного образования и культуру выросли в 8 раз и более чем в два раза опережали затраты на образование во Франции и в полтора раза — в Англии.

За 1894—1914 годы бюджет Министерства народного просвещения вырос в 6 раз, число учащихся в высших и средних учебных заведениях увеличилось

в три раза, а в начальных — в два раза. Плата за обучение в высших учебных заведениях в России была во много раз ниже, чем в США и Англии, а неимущие студенты часто обучались бесплатно. По количеству женщин, обучавшихся в высших учебных заведениях, Россия занимала первое место в Европе.

С 1908 года в России вводится обязательное бесплатное начальное обучение. Для этого каждый год открывалось дополнительно более 10 тыс. государственных школ, число которых к 1913 году достигло 130 тыс. **Подавляющая часть русского населения умела читать и писать.** Удельный вес неграмотных был незначителен. Из примерно 14 процентов неграмотных большая часть принадлежала к нерусским народам Сибири и Поволжья. Их неграмотность объяснялась традиционными национальными установками этих народов, а не какими-то препятствиями для получения образования.

Искусство является выражением духовного мира народа. В царствование Николая II оно характеризуется обнадеживающим переломом в сторону возвращения к национальным основам, традициям и идеалам. Академизм и передвижничество, господствовавшие в русском искусстве в XVIII—XIX веках, безусловно, внесли свой вклад в его развитие, но вместе с тем отклонили его от национальной почвы. И академизм, и передвижничество усматривали настоящее русское искусство только с Петра I, а до него видели лишь подражательность и примитивность. Прервалась преемственность в развитии духовных начал, которые в любой стране носят, прежде всего, национальный характер. Извращается само понятие духовности. У «академистов» оно представляется в идеальных античных образцах, у передвижников — в «идейности» и тенденциозности. По сути дела,

передвижничество было оппозиционным, антиправительственным течением русской художественной интеллигенции, зачастую лишенной национального сознания и стремившейся показать русскую жизнь односторонне, только в темных тонах — если крестьянина, то обязательно бедного и забитого, если купца, то обязательно толстого и пьяного, если чиновника, то обязательно отвратительного и жалкого. Обличительная тенденциозность, очернение «цветущей сложности» русской жизни считались «славнейшей традицией русского искусства». На самом же деле такое мировосприятие духовно обедняло русских художников, вымывало из-под них национальную почву. С конца XIX века в русском искусстве происходит отторжение передвижнического духа.

Мощным толчком для национального возрождения в живописи и архитектуре стало «открытие» русской иконы и церковного зодчества, долгое время считавшихся в образованном обществе жалкими подражательными примитивами. После расчистки русских икон и реставрации древних русских церквей стало совершенно очевидно, что речь идет о памятниках искусства мирового значения. Перед взором русских людей открылся целый океан великого искусства Древней Руси, носящего духовный характер. Это открытие резко расширило духовное поле и национально-культурный кругозор деятелей русского искусства. Произошло резкое возвышение их духовного потенциала.

Только великий подъем мог родить таких титанов русской национальной живописи, как В. Васнецов, М. Нестеров, М. Врубель, И. Репин, В. Суриков, К. Коровин, В. Серов, И. Левитан, В. Поленов. Росписи В. Васнецова во Владимирском соборе в

Киеве являются высочайшим образцом русской духовной живописи. Образы русских святых и Богоматери во Владимирском соборе в Киеве, картины «Страшного суда» и «Четыре всадника апокалипсиса» поражают своей цельностью и мощью. В картинах Васнецова «Три богатыря», «Аленушка», «Три царевны подземного царства», «Иван-царевич» и во многих других оживает эпический мир Древней Руси, духовно тесно связанный с современной жизнью.

Вершиной русской духовной живописи стали произведения М. Нестерова. Прежде всего, конечно, его участие в росписи того же Владимирского собора в Киеве — Рождество Христово, Воскресение, Святые Кирилл и Мефодий, Константин и Елена, Филарет и Варвара, Борис и Глеб, Михаил и Ольга. Чарующей духовной мощью полны картины Нестерова «Видение отроку Варфоломею» и «Пустынник».

М. Врубель, создавший также целый ряд икон и стенных росписей, поражает обостренным ощущением величия древнерусского искусства, его великой духовности, монументальности и пластической выразительности. Тяготея к древнерусскому искусству, Врубель не подражает ему, а развивает его традиции. Великолепны его оформления спектаклей Римского-Корсакова «Садко», «Царская невеста», «Сказка о Царе Салтане». В картинах «Демон» и «Демон поверженный» Врубель по-новому ставит главный русский вопрос добра и зла, показывает трагическое одиночество личности вне национальной жизни.

Историческая живопись В. Сурикова раскрывает глубокую цельность и полноту духовной жизни России на разных этапах ее развития. «Боярыня

Морозова», «Утро стрелецкой казни», «Покорение Сибири Ермаком», «Переход Суворова через Альпы» и другие его картины стали антологией русской жизни.

В целом же **период царствования Николая II по количеству великих национальных художников не знал себе равных в русской истории.** Существовали целые художественные центры, поставившие своей целью возрождение народного искусства и возвращение к истокам. Такими центрами стали, в частности, Абрамцево, Талашкино, Поленово.

Художественный кружок в Абрамцеве, душой которого был русский предприниматель и меценат С.И. Мамонтов, увлекавшийся пением, музыкой и ваянием, объединял целую плеяду талантливых художников, скульпторов, композиторов, музыкантов, актеров, певцов. Здесь создавались живописные полотна, возводились здания в древнерусских архитектурных формах, возрождалось гончарное производство, разрабатывались и декорировались предметы повседневного быта, ставились самобытные спектакли. Через этот кружок прошли все уже перечисленные нами великие русские художники, возвысив друг друга и русское искусство глубоким национальным порывом.

В Талашкине старанием княгини М.К. Тенишевой были организованы художественные мастерские: столярная, резьбы и росписи по дереву, чеканки по металлу, керамическая, окраски тканей и вышивания. Княгиня собирала «стародавние образцы неугасимой красоты» русского быта и давала им творческое развитие в своих мастерских, превратившихся «в заповедное место, в тот живой родник, у истоков которого взаимно обогащались и декоративно-прикладное профессиональное

искусство прославленных корифеев, и народное творчество»¹. В работе мастерских участвовали тысячи человек. Как писал Н. Рерих: «...У священного очага... творит народ вновь обдуманые предметы... Снова вспоминаются заветы дедов и красота и прочность старинной работы. В молодежи зарождаются новые потребности и крепнут ясным примером».

В поиск новых форм русского искусства большой вклад внесла группа художников, примыкавших к журналу «Мир искусства», душой которого был художник А. Бенуа. Они обогатили русское искусство новыми формами и приемами, создали красочные образы русской жизни и природы. Н. Рерих, А. Головин, В. Борисов-Мусатов, Е. Лансере, И. Билибин, И. Грабарь, К. Юон, Б. Кустодиев стали своего рода вторым кругом русских художников, вольно или невольно формировавшихся вокруг духовного центра русской живописи, рассмотренного нами выше.

В царствование Николая II **новое дыхание и стремительный порыв к национальным русским формам приобретает и архитектура**. Разрозненные проявления русского стиля в предыдущее царствование в 1890-х годах сливаются в широкое художественное движение, объединенное поисками монументального национального стиля под началом и при явной гегемонии архитектуры². Русские архитекторы эпохи национального возрождения отказываются от буквального использования чисто внешних форм древнего русского зодчества, но творчески развивают его дух и мотивы — пластичность, силуэтность, богатырско-эпический строй. Заметными вехами на пути русского возрождения стали сооружения павильона русского прикладного искусства на Всемир-

¹Талашкино. М., 1973. С. 11.

²Кириченко Е.И. Русская архитектура 1830–1910 годов. М., 1978.

ной выставке 1900 года в Париже (худ. К.А. Коровин и архитектор И.Е. Бондаренко), павильоны русского отдела на Международной выставке в Глазго (1901) и Ярославский вокзал в Москве (1904 год, архитектор Ф.О. Шехтель), доходный дом Перцова в Соймаоновском переулке в Москве (1907) и постройки в Талашкине («Теремок», театр, собственный дом, 1902 год, архитектор С. В. Малютин), дом для вдов и сирот художников в Лаврушинском переулке (архитектор Н.С. Курдюков) и старообрядческие церкви в Москве (вторая половина 1900-х — 1910-е годы, архитектор И.Е. Бондаренко).

Великолепные образцы русского зодчества были созданы архитектором А.В. Щусевым: Казанский вокзал на Каланчевской площади в Москве, церкви в Почаевской лавре и Марфо-Мариинской обители.

Даже стиль модерн в архитектуре и искусстве, получивший распространение в самом конце XIX века, носил в России сугубо национальный характер. Недаром у его отечественных истоков стояли Е.Д. Поленова, В.М. Васнецов и К.А. Коровин.

Блестящим выражением возрождения древнерусского зодчества стали сооружения архитектора В.А. Покровского, сумевшего развить декоративные мотивы и конструктивные особенности традиционной русской архитектуры применительно к новым условиям и создавшего функционально удобные и эстетически совершенные постройки: здания ссудной кассы в Москве и Государственного казначейства в Нижнем Новгороде, ряд других построек, которые поражали совершенством форм и современностью устройства. Самым выдающимся произведением Покровского стал Федоровский собор в Царском Селе (1910—1915), нижний пещерный храм которого особенно любила посещать Царская семья.

С творчеством Покровского созвучны выдающиеся произведения архитектора С. С. Кричинского — храм в память 300-летия Дома Романовых и церковь Николая Барийского в Петербурге.

Русская литература эпохи Николая II являлась одним из высших выражений мировой культуры. Недаром Поль Валери, поэт и замечательный знаток мировых культур, считал главными достижениями человечества античную греко-римскую культуру, итальянское Возрождение и русскую литературу XIX века. Одно только перечисление имен великих русских писателей, творивших в царствование Николая II, говорит о гигантском духовном потенциале эпохи: Л. Толстой, И. Бунин, Л. Андреев, А. Чехов, А. Куприн, А. Блок, С. Есенин, Н. Гумилев, М. Цветаева, А. Ахматова, А. Белый, В. Брюсов, А. Ремизов, В. Розанов и кроме них еще десятки выдающихся писателей и поэтов — П. Боборыкин, В. Вересаев, В. Короленко, Д. Мамин-Сибиряк, М. Горький, Д. Мережковский, З. Гиппиус, Н. Гарин-Михайловский, Н. Телешов и др. Русская литература эпохи являла духовный поиск идеала, стремление к преображению души, была литературой больной совести и ответственности перед простым народом.

Символом русской литературы этой эпохи стал роман Л. Толстого «Воскресение» (1899). В нем, по сути дела, отражалось главное духовное противоречие времени — неприглядность, двуличность, лицемерие господствующих слоев общества и интеллигенции и нравственное превосходство простого народа, продолжавшего жить своей традиционной жизнью на началах Святой Руси. В своем романе писатель показал, что залогом счастливого будущего России могут быть только эти начала и осознание огромной ответственности народа за их сохранение и развитие.

Русская музыка и театр времени Николая II – также одно из высших выражений общемировой культуры. В гениальных произведениях П.И. Чайковского, Н.А. Римского-Корсакова, А.К. Глазунова, С.И. Танеева, А.С. Аренского, С.В. Рахманинова, А.Н. Скрябина, С.С. Прокофьева, И.Ф. Стравинского, Н.Я. Мясковского выразилась глубочайшая музыкальная одаренность русского народа. Ни один другой народ в это время не дал столь замечательных музыкантов, как русский.

Глубоко народный характер носило творчество Н.А. Римского-Корсакова, создавшего целый ряд гениальных опер-сказок, отражавших огромное духовное богатство Святой Руси. Оперы «Сказка о Царе Салтане» (1900), «Кашей Бессмертный» (1902), «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии» (1904–1907), «Золотой петушок» (1907–1909) стали выдающимися явлениями национальной жизни. Римский-Корсаков сделал доступными для сценического воплощения оперы М.П. Мусоргского «Хованщина» и «Борис Годунов», оставшиеся недоработанными после смерти их создателя.

Великий русский композитор С.В. Рахманинов завоевывает мир глубоко проникновенными произведениями, отражавшими существо души русского человека – соединение глубокого лиризма и мощных жизнеутверждающих нот: «Второй фортепьянный концерт», «Вторая симфония». Тот же тончайший лиризм в сочетании с «каскадным взрывом страстей», оптимистическим стремлением к идеалу, к Преображению слышится в произведениях другого великого русского музыканта А. Н. Скрябина. Его Первая и Вторая Симфонии, «Божественная поэма», «Поэма экстаза» – величайшие творения мировой музыкальной культуры.

Высочайшими вершинами русской музыкальной одаренности стала балетная музыка И.Ф. Стравинского «Жар-птица» (1910), «Петрушка» (1911), «Весна священная» (1913), воплотившая богатейшие образы Святой Руси.

Русская школа вокального искусства дала миру великих певцов Ф.И. Шаляпина, Л.В. Собина, А.В. Нежданову. Пение Шаляпина в ролях Бориса Годунова, Ивана Грозного, Мефистофеля, донна Базилио; Собина — в ролях Ленского, Лоэнгина, Ромео; Неждановой — в ролях Антонида, Снегурочки, Татьяны, Маргариты утвердили заветы русской национальной школы оперно-исполнительского искусства в мировом искусстве пения.

Всеобщее мировое признание получили звезды русского балета А.П. Павлова, Т.П. Карсавина, В.Ф. Нижинский, балетмейстер М.М. Фокин. Организованные С.П. Дягилевым «Русские сезоны» в Париже поразили европейцев высочайшим искусством и глубиной духовных образов, созданных русскими артистами, выражавшими огромные ценности русской цивилизации. Русский театр достиг также небывалых высот. Сформировалась русская школа сценического искусства, поставившая на новый уровень весь мировой театр.

Национальные реформаторы русского театра К.С. Станиславский, В.И. Немирович-Данченко, В.Ф. Комиссаржевская стали реформаторами всего мирового театра. Система Станиславского, получившая воплощение в деятельности Московского художественно-общедоступного театра, получила широкое распространение во многих странах, обогатив мировую культуру. Художественный театр родил целую плеяду великих русских актеров, служивших примером для многих театров как в России, так и за

рубежом. М.Г. Савина, М.Н. Ермолова, В.И. Качалов, И.М. Москвин, Л.М. Леонидов стали каждый в своем роде вершинами русского театра.

Русское искусство этого периода стремится не отделиться от русского народа, как это нередко происходило в XVIII и большей части XIX века, а вернуться к нему, чтобы жить его духовными ценностями. Возникает большое количество самодеятельных театров, и не только в столицах, но и даже в самых маленьких уездных и заштатных городах. В Народных домах, широко распространившихся по всей России, выступают великие русские артисты.

В традициях русской жизни организовываются народные праздники, имевшие театрализованный характер и сочетавшие в себе все виды искусства — театр, пение, живопись, архитектуру.

В 1902–1904 годах в Москве происходят грандиозные народные гулянья, поставленные известным знатоком и мастером народного театра М.В. Лентовским в городском манеже, в оформлении известного архитектора-художника Ф.О. Шехтеля. Были поставлены «Снегурочка», «Бедность не порок» — А.Н. Островского, «Русская свадьба в исходе XVI века» — Н. Сухонина, «Архангельский мужик М.В. Ломоносов» и «Севастополь» — историческая хроника Оленина, торжественная увертюра П.И. Чайковского и многое другое. Эти зрелища превращались во всенародный праздник и привлекали огромные толпы народа.

Царствование Николая II — это не только расцвет искусств, но и в неменьшей степени **гигантские успехи русской науки**. По сути дела, формирование всех главных направлений мировой науки было осуществлено при решающем участии русских ученых.

В области мировой физики огромную роль сыграли великие русские ученые. П.Н. Лебедев на Международном конгрессе физиков вызвал сенсацию сообщением об установлении им опытным путем давления света. Одним из первых в мире разрабатывал проблему теории относительности и создания цельного воззрения на явления природы Н.А. Умов. Ряд мировых открытий в физике, в частности электромагнитной теории света, принадлежат великому русскому физическому А.Г. Столетову.

В области химии огромную роль сыграл гениальный русский ученый Д.И. Менделеев, внесший также большой вклад в развитие отечественной экономической науки. Ведущим мировым термохимиком был Н.Н. Бекетов, исследования которого послужили отправной точкой для возникновения алюминотермии.

В биологии и медицине получили всемирное признание И.П. Павлов, И.И. Мечников, И.М. Сеченов, Н.В. Склифосовский. Русские ученые стали лауреатами Нобелевской премии: И.П. Павлов — за труды по изучению процессов пищеварения (1904), И.И. Мечников — за исследования проблем иммунологии и инфекционных заболеваний (1908).

В ботанике прославился русский ученый А.Н. Бекетов, организатор русской школы ботанико-географов, который почти одновременно с выходом в свет «Происхождения видов» Ч. Дарвина, но независимо от него, объяснил целесообразное устройство органических форм. Классиком мировой науки стал также К.А. Тимирязев.

Мировое почвоведение складывалось и развивалось на основе русской почвоведческой науки; в мировую почвоведческую терминологию вошли многие русские слова и понятия. Огромную роль здесь сыграл великий русский ученый В.В. Докучаев.

В области мировой астрономии огромную роль играл астроном А.А. Белопольский, бывший ведущим специалистом по исследованию Солнца.

Изобретение радио, радиосвязи принадлежит великому русскому инженеру-электрику А.С. Попову. Им же написаны ценнейшие работы по изучению рентгеновских лучей.

Русский ученый Б.Б. Голицын стал основателем **новой науки сейсмологии**. В 1911 году он был избран президентом Международной сейсмологической ассоциации.

Большой вклад в мировую науку внес отец русской **авиации** Н.Е. Жуковский, который определил подъемную силу крыла самолета и установил метод ее вычисления, тем самым заложив прочную основу теории и практики воздухоплавания.

Стремительным прорывом в науке стали исследования гениального русского ученого К.Э. Циолковского, разработавшего **основы науки полетов в космическое пространство**, сосредоточившегося на теории движения ракет и реактивных приборов. Выходом в свет работы Циолковского «Исследования мировых пространств реактивными приборами» (1903) был совершен переворот в представлениях о ракетах и создана прочная основа для создания космических ракет для межпланетных полетов.

В общем, в области искусства и науки русскими людьми в царствование Николая II были достигнуты такие гигантские успехи, что об этом периоде следует говорить как о золотом веке Русской цивилизации. Никогда еще Россия в столь непродолжительный период не рождала такого количества великих ученых, художников, артистов, музыкантов. Более того, без преувеличения можно сказать, что вся мировая история не знала такого духовного расцвета, невиданного взрыва гениальности и талантливости.

ГЛАВА 9

*Последняя встреча с матерью. — Лишение свободы. —
Прощание с войсками. — Возвращение в Царское Село. —
Отступническое поведение священства. —
Отречение великих князей*

С подписанием отречения ставилась точка в трагедии жизни Императора Николая II, и начался отсчет времени в трагедии его смерти.

Почему Государь принял это роковое решение? Он, обманутый и преданный своим окружением, принял его в надежде (об этом он позднее рассказывал П. Жильяру), что те, кто пожелал его удаления, окажутся способными привести войну к благополучному окончанию и спасти Россию. Он побоялся того, что его сопротивление послужило бы поводом к гражданской войне в присутствии неприятеля. Он не пожелал, чтобы кровь хотя бы одного русского была пролита за него. Он приносил себя в жертву ради России. Но силы, которые настаивали на уходе Царя, не хотели ни победы, ни спасения России, им нужны были хаос и гибель страны. Поэтому жертва Царя оказалась для России напрасной и, более того, гибельной, ибо само государство стало жертвой измены.

После отречения Николай II возвратился в Ставку. Здесь ждала его мать Мария Федоровна, которая приехала проститься с сыном. В Ставке Государь подготовил приказ и последнее обращение к войскам, призывающие выполнить свой долг перед Отечеством в обороне страны от германских агрессоров. Однако Временное правительство запретило опубликовать эти документы и довести их содержание до воинских частей.

Отрекаясь от Престола, Николай II обратился с посланием к главе Временного правительства масону Г.Е. Львову, вверяя ему свою судьбу и судьбу своей семьи. Без всякой охраны сел он в поезд, покидая Могилев, надеясь на благородство власти¹. Однако судьба Царской семьи уже была решена на заседании масонских лож. Тем более что заседания Временного правительства, состоящего только из одних вольных каменщиков, по своей сути были заседаниями одной большой консолидированной масонской ложи². Как впоследствии писал П.Н. Милюков: *«Мне абсолютно не сохранила память ничего о том, как и когда состоялось решение вопроса об аресте Царя и Царицы. Я совершенно ничего не помню по этому вопросу. Представляя себе вообще характер событий того времени, мне кажется, что Временное Правительство, по всей вероятности, санкционировало известную меру, предложенную ему Керенским. В то время НЕКОТОРЫЕ заседания Правительства происходили СЕКРЕТНО, и журнала таких заседаний НЕ ВЕЛОСЬ. Вероятно, в такой же форме состоялось и решение самого вопроса»*³.

Арестовать Царскую семью предложил масон А.Ф. Керенский. А согласно сообщению другого его собрата В.Д. Набокова, окончательно вопрос об аресте Царской семьи был решен в кабинете масона князя Львова. *«Управляющий делами Временного Правительства покойный Набоков, — пишет Соколов, — признает в своих воспоминаниях, что актом о лишении свободы Царя “был завязан узел”, разрубленный в Екатеринбурге»*. Характерную подробность передает Набоков: когда он пришел туда, акт не

¹ Соколов Н. Убийство Царской Семьи. Берлин, 1925. С. 270.

² См. мою книгу «Тайная история масонства 1731—2000».

³ Соколов Н. Указ. соч. С. 12.

имел еще подписей, но аппарат для его выполнения был уже готов. Это были депутаты Государственной думы масоны Бубликов, Калинин, Грибунин и Вершинин, арестовавшие Царя в Ставке¹.

Арест Царя был произведен с истинно масонским коварством. Убаюкивая Государя «гарантиями безопасности и личной неприкосновенности», Г.Е. Львов посылает в Ставку группу вольных каменщиков для его ареста. Глава Временного правительства направляет генералу Алексееву телеграмму: *«Временное Правительство постановило предоставить бывшему Императору беспрепятственный проезд для пребывания в Царском Селе и для дальнейшего следования на Мурманск»*. Телеграмму читал генерал Лукомский. Он показал: *«2 марта была получена от Временного Правительства телеграмма на имя Алексеева, в коей сообщалось, что Временным Правительством командированы лица для “сопровождения” Государя в Царское. Я утверждаю, что эту телеграмму видел сам. Мне помнится, что она была от главы Правительства князя Львова, что в телеграмме не только не сообщалось о факте уже состоявшегося распоряжения со стороны Временного Правительства об аресте Государя и Государыни, но не было об этом ни единого слова. Смысл же ее был тот, что лица, командированные Правительством, будут сопровождать Его Величество как главу государства, отказавшегося от власти; что это — проявление внимания к Государю. Мне известно, что прибывшие по поручению Правительства лица сказали об аресте Государя Алексееву только тогда, когда Государь уже находился в поезде, чтобы ехать в Царское. Они передали об этом Алексееву, и тот по их просьбе передал об этом Государю»*².

¹ Там же. С. 270.

² Там же.

Временное правительство сразу же вероломно нарушило свое обещание Государю обеспечить ему свободное проживание за границей. 7 марта масонское Временное правительство принимает решение о лишении свободы всех членов Царской семьи. Для того чтобы как-то обосновать свое вероломное решение, деятели масонства заявили, что Царь в своей переписке с женой якобы использует непонятный шифр. Из Петрограда для ареста Царя приехали специальные комиссары А.А. Бубликов, В.М. Вершинин, С.Т. Грибунов, И.И. Калинин.

Перед отъездом из Могилева в Петроград Государь пришел проститься со Ставкой. Войдя в зал, он поздоровался с солдатами. «Здравия желаем, Ваше Императорское Величество», — полным, громким и дружным голосом отвечали солдаты. Как вспоминают очевидцы, Государь был одет в серую кубанскую черкеску, с шашкой через плечо. Единственное изменение заключалось в том, что все военные союзнические кресты, учрежденные во время войны, которые он носил постоянно, были сняты. На груди висел один лишь Георгиевский крест, ярко белевший на темном фоне черкески. Левую руку с зажатой в ней папашой он держал на эфесе шашки. Правая была опущена и сильно и заметно дрожала. Лицо было еще более пожелтевшее, посеревшее и обтянутое, и очень нервное. Остановившись, Государь сделал небольшую паузу и затем начал говорить речь. Он говорил громким и ясным голосом, очень отчетливо и образно, однако сильно волнуясь, делал неправильные паузы между частями предложения. «Сегодня... я вижу вас... в последний раз, — начал Государь, — такова воля Божья и следствие моего решения». Далее он сказал, что отрекся от Престола, видя в этом пользу России и надежду победоносно

окончить войну. Отрекся в пользу брата великого князя Михаила Александровича, который, однако, также отрекся от Престола. Судьба Родины вверена теперь Временному правительству. Он поблагодарил присутствовавших за верную службу ему и Родине. Государь призвал всех во что бы то ни стало довести до конца борьбу против коварного, жестокого, упорного — и затем следовал целый ряд отлично подобранных эпитетов — врага. Государь кончил. Правая рука его уже не дрожала, а как-то дергалась.

В зале воцарилась «глубокая, полная, мертвая тишина». Никто не кашлянул, и все упорно и точно не мигая, смотрели на Государя. Поклонившись, он начал обход присутствующих. Подавая руку старшим генералам и кланяясь прочим, говорил кое-кому несколько слов. Напряжение зала, все время сгущавшееся, наконец разрешилось. Сзади Государя кто-то судорожно всхлипнул. Достаточно было этого начала, чтобы всхлипывания, удержать которые присутствующие были, очевидно, уже не в силах, раздались сразу во многих местах. Вместе со всхлипываниями раздались и слова: «Тише, тише, вы волнуете Государя». Однако судорожные перехваченные всхлипывания эти не утихали. Государь оборачивался направо и налево, по направлению звуков, и старался улыбнуться, однако улыбка не выходила, а выходила какая-то гримаса, оскорявшая ему зубы и искажавшая лицо; на глазах у него стояли слезы. Тем не менее, он продолжал обход. Подойдя к офицерам своего конвоя, он никому не подал руки. Зато он поздоровался со всеми офицерами Георгиевского батальона, только вернувшимися из экспедиции в Петроград. Судорожные всхлипывания и вскрики продолжались. Офицеры Георгиевского батальона — люди по большей части несколько раз раненные — не выдержали; двое из них

упали в обморок. На другом конце зала рухнул кто-то из солдат-конвойцев. Государь, все время озираясь на обе стороны, со слезами на глазах, не выдержал и быстро направился к выходу¹.

8 марта царский поезд отправился в Петроград, к вагону, где находился арестованный Царь, прицепили вагон с арестантской комиссией Временного правительства, которая буквально изводила Государя своими ограничениями и мелкими придирадками. Утром 9 марта, в начале 10-го часа, еще в поезде, Николай II попрощался со своей Свитой. Не успел поезд остановиться, как Свита выскочила из вагонов. Государь спокойно сошел с поезда. Одет он был в черкеску 6-го Кубанского казачьего батальона, в черной папахе и пурпурном башлыке на плечах. На груди у него был орден св. Георгия. На поясе висел казачий кинжал. В сопровождении князя В.А. Долгорукова Царь сел в автомобиль и под конвоем отправился в Царское Село.

Семья Государя к тому моменту была тоже лишена свободы. Арест ее произвел генерал Л.Г. Корнилов, в то время доверенное лицо масонов Гучкова, Львова и Керенского. Еще год назад заявлявший о своей преданности Царю, этот изменник вломился в Александровский дворец с огромным красным бантом на груди. Грубо, по-хамски, как почувствовавший свою власть холоп, Корнилов объявил об аресте Александры Федоровны и детей Государя. Приказал покинуть дворец всем близким людям и верным слугам Царской семьи². Вместе с Цари-

¹ Тихменев Н.М. Из воспоминаний о последних днях пребывания Императора Николая II в Ставке. Ницца, 1925.

² Впоследствии Корнилов любил хвастаться своим низким поступком, неоднократно заявляя: «Я имел счастье арестовать Царскую семью и Царицу-изменницу» (Кириенко И. К. 1613 г. От чести и славы — к подлости и позору февраля 1917 года. Воспоминания. Сан-Пауло, 1963. С. 5).

цей в Александровском дворце остался лишь обер-гофмаршал граф П.К. Бенкендорф.

В тот момент, когда арестованный Царь, покинутый всеми придворными и близкими, кроме князя Догорукова, подъехал к дворцу, сопровождаемый конвоем, Царица находилась в комнате сына. Услышав весть, она, по рассказу очевидца, как пятнадцатилетняя девочка, быстро спустилась с лестницы и выбежала к нему навстречу. *«В эту первую минуту радостного свидания, казалось, было позабыто все пережитое и неизвестное будущее, — пишет Вырубова, — но потом, как я впоследствии узнала, когда Их Величества остались одни, Государь, всеми оставленный и со всех сторон окруженный изменой, не мог не дать воли своему горю и своему волнению, как ребенок рыдал перед своей женой».*

Как вспоминает Вырубова, когда Царица вернулась, она поняла по ее бледному лицу и сдержанному выражению все, что она в эти часы вынесла. Гордо и спокойно она рассказала подруге обо всем, что было. Анна Александровна была глубоко потрясена рассказом Царицы, так как за все 12 лет ее пребывания при Дворе она только три раза видела слезы на глазах Царя. «Он теперь успокоился, — сказала Царица подруге, — и гуляет в саду; посмотри в окно!» Как пишет Вырубова: *«Я никогда не забуду того, что увидела, когда мы обе, прижавшись друг к другу, в горе и смущении выглянули в окно. Мы были готовы сгореть от стыда за нашу бедную Родину. В саду, около самого дворца, стоял Царь всяя Руси и с ним преданный друг его, князь Долгоруков. Их окружало 6 солдат, вернее, 6 вооруженных хулиганов, которые все время толкали Государя то кулаками, то прикладами, как будто бы он был какой-то преступник, прикрикивая: “Туда нельзя ходить, г. полковник, вернитесь, когда вам*

говорят!” Государь совершенно спокойно на них посмотрел и вернулся во дворец». Уже находясь в кругу близких ему людей, Царь рассказал, как от него добивались отречения, как друзья и родные, которым он больше всего доверял, оказались изменниками, соучастниками в низвержении его с Престола.

Но, пожалуй, больше всего Царя и его семью угнетало поведение большей части епископов и священников, еще недавно молившихся за Царскую семью, но в трудные для Царя дни оставивших его. Самое чудовищное состояло в том, что главная опора Царя — Православная Церковь в лице своих иерархов — не нашла в себе силы осудить масонских заговорщиков и защитить Царя, как в начале XVII века сделал это патриарх Гермоген, заявивший предателям и отступникам: *«Благословляю верных русских людей, поднимающихся на защиту Веры, Царя и Отечества, и проклинаю вас, изменники»*. Митрополиты и епископы из Синода приняли отступническое решение молиться за масонское «благочестивое Временное правительство». Митрополиты-чиновники из Синода давали благословение России без Царя и тем самым фактически подтверждали совершенное иудейско-масонскими деятелями и революционерами разрушение Православного Царства. Из множества иерархов только единицы выразили свое несогласие с предательским решением Синода. Так, архиепископ Харьковский и Ахтырский Антоний не побоялся высказать отступникам: *«От верности Царю меня может освободить только Его неверность Христу»*. Синодальные митрополиты покорно проштамповали требование Временного правительства уволить на покой самых верных царских слуг — митрополита Петроградского Питирима и митрополита Московского и Коломенского

Макария. В благодарность за угодливое поведение Синода Временное правительство назначило в марте 1917 года новым обер-прокурором Синода видного масона В.Н. Львова. Никогда за всю историю России во главе управления Церковью не стоял враг Христов и масон¹.

Ни в одном из тридцати придворных соборов и храмов, где служило почти полторы сотни священников, дьяконов, псаломщиков, не нашлось ни одного верного, который пришел бы к Царю, чтобы духовным словом облегчить Его участь и разделить с Царем заточение и муки, которые предстояли Царской семье. Большая часть русского священничества нарушила клятву, которую каждый давал в начале своего служения:

«Аз, нижепоименованный, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом и Пресвятым Евангелием в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемилостивейшему Великому Государю, Императору Николаю Александровичу, Самодержцу Всероссийскому, и законному Его Императорского Величества Всероссийского Престола Наследнику верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови... В заключение сего клятвенного обещания моего целую слова и Крест Спасителя моего. Аминь».

После отречения от Престола Государя Николая II и великого князя Михаила Александровича масонское Временное правительство требует такого же отречения и отказа от удельных имений от других возможных наследников российского Престола.

¹ Впоследствии масонский обер-прокурор Синода вступил в Союз воинствующих безбожников и писал атеистические статьи в журнал «Безбожник».

Масонские ложи поручили это дело своему брату А.Ф. Керенскому, который стал действовать здесь через другого масона из среды великих князей — Николая Михайловича, члена тайного французского общества «Биксио». В письме к А.Ф. Керенскому от 9 марта 1917 года великий князь Николай Михайлович сообщает о ходе своих переговоров: *«За сегодняшний день я получил согласие на отказ от Престола и на отдачу удельных земель от великих князей Кирилла Владимировича, Дмитрия Павловича...»* Обнародован текст, о котором идет здесь речь. Он гласит: *«Относительно прав наших, и в частности и моего, на престолонаследие я, горячо любя родину, всецело присоединяюсь к тем мыслям, которые выражены в акте отказа великого князя Михаила Александровича. Великий князь Кирилл Владимирович».*

Дата этого документа, содержание которого с достаточной точностью устанавливается путем сопоставления его с известным актом отречения великого князя Михаила Александровича, явствует из приведенного письма великого князя Николая Михайловича: он написан 9 марта 1917 года, ровно через неделю после отречения Императора Николая II и через шесть дней после отречения Михаила Александровича¹.

¹ АСТМ. Архив Н.Ф. Степанова (Свиткова) (записи).

ГЛАВА 10

Попытка убить Николая II в Царском Селе. — Мандат на цареубийство. — Неудача масона С. Д. Мстиславского. — амыслы Временного правительства казнить Царя и Царицу

Первая попытка убийства Царя после отречения предпринимается сразу же после прибытия его в Царское Село 9 марта. Утром этого же дня в кабинете председателя Петроградского совета масона Н.С. Чхеидзе собирается «чрезвычайное совещание», на котором под предлогом недопущения выезда Царя за границу принимается фактическое решение об убийстве Государя в соответствии с духом времени и ради «углубления революции». Сохранились воспоминания одного из участников этого совещания и главного действующего лица предполагаемого цареубийства масона С.Д. Мстиславского (Масловского). По его словам, *«все созвучно утверждали: Революция должна оградить себя от всякой возможности восстановления монархии; перчатка, брошенная Временным Правительством, решившим этот — существеннейший для судеб Революции — вопрос единолично, за спиной Исполкома, — должна быть поднята... Но как поднять ее? На этом — запинались ораторы. И в нескольких речах — и как ярко — чувствовалось, что заседание наше перекрывала еще тяжелая тень “векового трона”: он был пуст — но он еще не был повержен, разбит в щепы...»*

Слишком долго и слишком путано задерживались ораторы на вопросе о том, в какой мере “лично” опасен бывший монарх — и кто из великих князей может и должен подойти под категорию “угрожающих” будущей Республике... Мерою опасности, естественно, определяется мера пресечения: вот почему столь

безудержно страстные в заявлениях своих об опасности монархии члены ИК тускнели, потупляли глаза, когда логическим ходом мысль заставляла их говорить о судьбе монарха. Были секунды, когда казалось, что столь страшное для меньшевизма, столь ранящее слух слово “царубийство” — уже готово спуститься на нас... как огненные языки на головы апостолов... Но оратору перехватывал горло уже поднятый его мыслью звук — и вновь затягивала собрание зыбкая, туманная пелена — полунамеков, полупризнаний, полуклятв... Все облегченно вздохнули поэтому, когда кто-то торопливо внес предложение о прекращении прений: “Время не терпит, пора к делу”. Чхеидзе ставит на голосование вопрос: “Допустить ли отъезд царской фамилии? Кто против?” Как одна, поднялись дружным, нервным взметом руки. “Но если так, — надо принять меры к тому, чтобы подобные покушения стали раз навсегда невозможны: ведь Временное Правительство может повторить при первом удобном случае попытку. Республика должна быть обеспечена от возвращения Романовых на историческую арену. Стало быть, “опасные” должны быть в руках непосредственно у Петроградского Совета. У нас — не у “временных”. Не у “временных”... “Возражений нет? Более точную формулировку? Излишне: она определится событиями”. И снова — никаких разногласий.

Переходим к практической части. Президиум освещает нас о предварительных мерах, принятых им уже с раннего утра. Весь состав верных Совету офицеров (Союз офицеров-республиканцев) мобилизован. Рабочие боевые дружины в районах поставлены под ружье. Все вокзалы уже заняты ближайшими к ним воинскими частями, под руководством специально командированных Исполкомом эмиссаров. Теперь в связи с состоявшимся решением пленума и

“сообразуясь с духом его” (еще раз мрачно блеснул глазами Чхеидзе), остается довершить начатое — в Царском Селе, где находится царская фамилия»¹.

Возглавлять отряд цареубийц, состоявший из группы солдат Семеновского полка и роты пулеметчиков, по предложению масона Н.Д. Соколова², секретаря исполкома Петросовета, было поручено масону полковнику С.Д. Мстиславскому. Перед отъездом в Царское Село ему выдали два мандата. Первый из них на его имя гласил: «По получении сего немедленно отправиться в Царское Село и принять всю гражданскую и военную власть для выполнения возложенного на Вас особо важного поручения». Второй — на имя царскосельских властей: «о подчинении и всемерной помощи мне (Мстиславскому. — О.П.) “при выполнении порученного мне особо важного государственного акта”».

К счастью, отряду цареубийц не удалось выполнить свою миссию. Охрана Царя не позволила совершить его убийство. На требование Мстиславского выдать ему Царя один из офицеров решительно заявил:

«Вы затеяли игру с огнем... Убить Императора в его дворце, поскольку он под нашей охраной, — полк не может допустить. Если комендант города, комендант дворца пропустили вас, это дело их совести <...> ваше поручение... страшно отредактировано, страшно, много слова не подберу: в нем есть мандат на цареубийство». После долгих пререкательств с охраной Царя Мстиславскому разрешили только посмотреть на него, когда Царь проходил мимо. Обозленный та-

¹ Пять дней. Начало и конец февральской революции. Берлин, 1922. Глава 3.

² Н.Д. Соколов — присяжный поверенный, соратник А. Ф. Керенского, редактор Приказа № 1, разрушившего русскую армию. Впоследствии был уличен в сотрудничестве с германской разведкой.

ким непониманием «духа времени», масон-цареубийца вместе со своим отрядом вынужден был обратиться во свояси, не выполнив возложенного на него поручения по «углублению революции»¹.

Потерпев неудачу, масоны предпринимают новую попытку убить Царя уже по приговору затеваемого ими суда. Масоны А.Ф. Керенский и Н.К. Муравьев создают Чрезвычайную следственную комиссию, которая начинает подготовку к процессу над Царской четой.

Видный русский адвокат Н.П. Карабчевский, бывший в 1917 году председателем Совета присяжных в Петрограде, рассказывает об одной встрече с Керенским, на которой тот проговорился о намерениях масонского Временного правительства в отношении судьбы Царя и Царицы.

Керенский предлагает Карабчевскому пост сенатора, и между ними происходит такой диалог:

«— Нет, Александр Федорович, разрешите мне остаться тем, что я есть, адвокатом. Я еще пригожусь в качестве защитника...

— Кому? — с улыбкой спросил Керенский. — Николаю Романову?

— О, его я охотно буду защищать, если вы затеете его судить.

¹ Об этой попытке убийства Царя рассказывает в своих воспоминаниях юрист Н.П. Карабчевский. Вот что он пишет: «... почти на первых порах царского плена разыгрался следующий эпизод. В Царское прибыл из Петрограда спешно по железной дороге небольшой отряд каких-то вооруженных людей, не то солдат, не то добровольцев, предводительствуемых весьма, по-видимому, энергичным “полковником” (Мстиславским (Масловским). — *О.П.*). В их распоряжении были и три пулемета». Мстиславский заявил, что он с «товарищами» уполномочен принять охрану Царя и препроводить его в Петропавловскую крепость. «Более вероятно, — пишет Карабчевский, ссылаясь на беседу с начальником охраны Царя, — что имелось в виду убийство Царя во имя все упорнее выдвигавшегося тогда лозунга “углубления революции”» (Карабчевский Н. П. Что глаза мои видели. П. Революция в России. Берлин, 1921. С. 148–149).

Керенский откинулся на спинку кресла, на секунду призадумался и, проведя указательным пальцем левой руки по шее, сделал им энергичный жест вверх. Я и все поняли, что это намек на повешение.

— Две, три жертвы, пожалуй, необходимы! — сказал Керенский, обводя нас своим не то загадочным, не то подслеповатым взглядом, благодаря тяжело нависшим на глаза верхним векам»¹.

Таково было тайное желание одного из руководителей российского масонства, которое удалось осуществить только большевикам.

¹ *Карабчевский Н.П.* Указ. соч. С. 148.

ГЛАВА 11

*Под арестом в Александровском дворце. — Унижения
и издевательства. — Вопрос о переезде в Англию. —
Противодействие Временного правительства. —
Отказ английских властей*

Жизнь Царской семьи под арестом в Александровском дворце превращается в сплошную вереницу издевательств. Различные придирки и ограничения доходят до абсурда, имея единственную цель — унижить Царскую семью. У Царевича Алексея отнимают игрушки, даже детям запрещают гулять по парку. На глазах у царских детей тюремщики зарезали двух любимых ими ангорских коз. Качели, на которых любили качаться царские дети, тюремщики исписали похабными словами и рисунками.

Находившийся вместе с Царской семьей под арестом в Александровском дворце граф П.К. Бенкендорф впоследствии рассказывал: *«Во дворце был введен строгий режим. Наши прогулки по парку были нам разрешены на очень небольшом пространстве. Особенно тяжело было для заключенных то, что для их прогулок был назначен преимущественно двор, выходящий на улицу, так что все проходившие могли видеть Царскую семью из-за решетки забора и ворот. Число любопытствующих было огромно, особенно по воскресеньям и праздникам, когда поезда привозили из Петербурга и окрестностей людей <...> Царская семья была обречена на выслушивание часами фанатических, полных ненависти замечаний разжигаемого пропагандой плебса. Дома заключенных ожидали другие мучения. Когда великие княжны или Государыня приближались к окнам, стража позволяла себе на их*

глазах держать себя неприлично, вызывая этим смех своих товарищей»¹.

Масон Керенский, хотя впоследствии и утверждал, что хотел помочь Царской семье, на самом деле сделал все, чтобы отравить ее существование. Прежде всего, 11 марта по его личному приказу уничтожают (подвергают сожжению) тело зверски убитого Григория Распутина, самого близкого Царской семье человека. На каком-то этапе он хотел устроить суд и показательную казнь Царя. Но когда следственная комиссия Временного правительства не смогла найти в действиях Царской семьи состава преступления, этот фальшивый и двуличный человек стал придумывать разные пакости, чтобы удовлетворить свое чувство мести. Керенский ввел для Царской семьи тюремный режим. Встречи Царя с женой и детьми были ограничены временем еды. В остальное время их разводили по отдельным помещениям. Встречались супруги только за столом и при условии, что они будут разговаривать только по-русски. Чай они могли пить вместе, но в присутствии офицера. Разлука с супругом глубоко ранила Царицу, она была возмущена. *«Надо перенести еще и эту горькую обиду, — говорила Царица, — поступать так с Государем, сделать ему эту гадость, после того что он принес себя в жертву и отрекся, чтобы избежать гражданской войны, — как это низко, как это мелко!»*²

Керенский лично приезжает в Александровский дворец, чтобы арестовать самого близкого Царской семье человека — Анну Вырубову, в то время еще не вполне оправившуюся от болезни. Как сообщает в своей книге «Православный Царь-Мученик» игу-

¹ Клейнмихель М. Из потонувшего мира. Берлин, б.г. С. 202.

² Жильяр. П. Император Николай II и его семья. Вена, 1921. С. 45.

мен Серафим (Кузнецов), Керенский большую торопил, не дал самого короткого времени на сборы. Вырубова просила разрешения проститься с Государыней и детьми. Керенский долго не соглашался, но после слезной просьбы дал разрешение проститься в его присутствии. Когда это известие дошло до Государыни и детей, то они так горько заплакали, как никогда. Они все переносили, но этот новый удар был для них особенно тяжел. С Государыней случилось дурно, но она, упавшая в обморок, скоро оправилась и встала. При прощании как Государыня, так и верная ее слуга Вырубова горько плакали. Картина этого последнего прощания была потрясающая. Кажется, смягчилось бы железное сердце, но грубое сердце временщика Керенского не смягчилось, но еще более ожесточилось, ибо он не ожидал такой преданности и взаимной любви хозяйки и слуги. При прощании говорили они очень немного на английском языке, прося друг у друга прощения и молитв, затем крепко неоднократно поцеловались, оградили друг друга крестным знамением; Вырубова, рыдая как дитя, пошла, а Государыня осталась на месте со слезами. Они чувствовали, что это их последнее свидание на земле.

Вырубову из дворца вывели под руки, посадили в автомобиль и отвезли в Петропавловскую крепость, назначив самый строгий режим в сыром каземате.

Государь просил оставить Вырубову при них в качестве служанки на правах арестованной, ибо вся семья к ней была привязана, ценя ее преданность, детскую простоту и искреннюю любовь, но просьба была отвергнута. Лишиться такого преданного человека для Царской семьи было большим ударом¹.

¹ *Серафим, игумен*. Православный Царь-Мученик. Пекин, 1920.

Попытки вырвать Царскую семью из рук масонов и революционных бандитов делались уже в первые дни после отречения. Предпринимались они родственником Царя английским королем Георгом. 8 марта английский король направляет Николаю II телеграмму: *«События минувшей недели меня глубоко потрясли. Я непрестанно думаю о тебе. Остаюсь навеки твоим верным и преданным другом, каким ты знаешь, всегда был. Георг»*¹. Телеграмма пришла в Могилев уже после отъезда Государя. **Она не была передана ему.**

По мере «углубления революции» члены Дома Романовых проявляют все большее беспокойство за судьбу Царя. Именно они, и прежде всего великий князь Михаил Александрович, ставят вопрос о выезде Николая II и его семьи из России в Англию. 21 марта они обращаются к английскому послу Бьюкенену с просьбой о помощи. Посол направляет телеграмму в Англию и вскоре получает ответ короля, в нем сообщается, что он «будет очень счастлив принять у себя своего кузена и его семью»².

Английское правительство готово принять русского Императора и его семью, но оно желает, чтобы инициатива по выезду Царя в Англию исходила от Временного правительства. Последнее же, открыто не возражая против отъезда Царя, закулисно делает все возможное, чтобы не допустить этого. Тем не менее, Временное правительство внешне согласно на отъезд Царя, но обставляет его такими проволочками, которые делают спасение Царской семьи невозможным. *«22 марта вопрос о разрешении императорской фамилии прибыть в Англию был обсужден в военном кабинете и было решено, что в интересах*

¹ Русская летопись. 1925. № 7.

² Возрождение. 4.4.1932.

личной безопасности представляется первою необходимою, чтобы Царь покинул Россию в возможно кратчайший срок. По соображениям политического свойства, и в особенности необходимости избежать риска враждебных интриг в случае пребывания в нейтральных странах, мы пришли к заключению, что лучшее решение было бы, чтобы Государь с Императрицею и семейством прибыл в Англию с условием не покидать ее до окончания войны без согласия великобританского правительства. Согласно этому, военный кабинет уполномочил статс-секретаря по иностранным делам послать телеграмму британскому послу в Петрограде»¹.

23 марта министр иностранных дел Англии Бальфур направляет послу Бьюкенену телеграмму: *«Согласно вашему сообщению о желании русского правительства его величество и великобританское правительство с радостью приглашают Государя и Императрицу принять гостеприимство на время войны. Сообщая о сем русскому правительству, вы должны ему ясно дать понять, что на его ответственности лежит озаботиться, чтобы их величества были снабжены достаточными средствами для приличного существования»².*

Было решено, что Император поедет по железной дороге на Мурманск, как только позволит здоровье великих княжон. Временное правительство обещало полную сохранность в пути по России; дальше Императора должен был отвезти британский крейсер; предполагалось через посредство одной из нейтральных стран добиться обещания от Германии, чтобы крейсер не был атакован в пути. 24 марта Бью-

¹ Коковцов В.Н. Трагедия Царской семьи. Доклад в Обществе ревнителей памяти императора Николая II // Возрождение. 22.1.1936.

² Коковцов В.Н. Указ. соч.

кнен сообщает Бальфуру о переговорах с П.Н. Миллюковым, министром иностранных дел Временного правительства: *«Я вчера передал министру иностранных дел сущность вашего извещения и сегодня сообщил и подробности вашей телеграммы, прося его особенно отметить, что наше приглашение делается исключительно в ответ на указание его правительства. Он особенно озабочен тем, чтобы это обстоятельство не получило огласки, так как левое крыло может возстановить общественное мнение против выезда из России. Хотя он полон надежды, что правительству удастся справиться с оппозицией, оно еще не приняло окончательного решения, тем более что Царь не может воспользоваться им до выздоровления детей. По поводу указания относительно средств мне было сказано, что, по сведениям министерства иностранных дел, Царь имеет достаточные личные средства. Во всяком случае, финансовый вопрос будет улажен на широких основаниях. По вопросу о безопасности его величества нет повода для каких-либо опасений»*¹.

После выздоровления царских дочерей Временное правительство придумывает новый повод, чтобы задержать Царя в России, — делается это якобы ввиду его обязательного присутствия при разборке важных документов. На самом деле, как я уже отмечал выше, Временное правительство планировало устроить суд и казнить Царя. 9 апреля Бьюкенен посылает телеграмму, передавая свой разговор с Керенским, который на его вопрос о положении интересующего вопроса ответил, что он на следующий день, то есть 28-го числа, лично отправляется в Царское Село, но, «по его мнению, Царь не в состоянии выехать в Англию в течение ближайшего месяца, пока не будет окончен разбор документов,

¹ Коковцов В.Н. Указ. соч.

взятых у Императора», и просит его, посла, не производить какого-либо давления с целью ускорить возможность отъезда. На это посол ответил ему, что не имеет такого намерения, но не может настаивать на том, чтобы все возможное было сделано для его безопасности. Керенский не разрешил ему при этом, несмотря на его настойчивую просьбу, переслать Императрице-матери несколько писем от ее сестры, королевы Александры, ссылаясь и тут на опасение недоразумений с крайними элементами¹.

Примерно 9 апреля что-то серьезно изменяется и в английской позиции. Лукавая политика Керенского, скорее всего, находит понимание среди английских масонов, представитель которых, английский премьер Ллойд Джордж, убеждает короля не давать убежища Царской семье. Некоторые подробности принятия этого решения сообщает дочь посла Бьюкенена в своей книге «Развал империи». 10 апреля ее отец вернулся домой сильно опечаленный. *«У меня дурные вести из Англии, — сказал он. — Теперь там отказываются принять Императора. Мне пишут, что там находят предпочтительным отговорить императорскую семью приехать в Англию. Правительство опасается, как бы это не вызвало внутренних волнений. Идут какие-то революционные разговоры в Гайд-Парке, рабочая партия заявляет, что она заставит рабочих бросить работу, если Императору будет разрешен въезд. Мне предписано отменить соглашение с временным правительством. Они перепуганы, вот в чем дело». В этот день имя Ллойд Джорджа не было названо, но впоследствии отец рассказал мне, что весь план был разрушен, потому что Ллойд Джордж сообщил королю, будто в стране крайне враждебно настроены по отношению к русской императорской*

¹ Коковцов В.Н. Указ. соч.

семье. Он в то же время убедил короля, будто опасность для императорской семьи крайне преувеличивается и будто британское посольство в Петербурге излишне склонно прислушиваться к болтовне старых придворных»¹.

Какие-то переговоры о выезде Царя в Англию продолжались и после 10 апреля. Но носили они формальный характер. Сменивший на посту министра иностранных дел масона П.Н. Милюкова масон М.И. Терещенко утверждал в 1932 году, что в мае 1917 года он вел переговоры о выезде Государя и его семьи в Англию в полном согласии с Керенским и что они окончились отказом Англии в конце июня или в начале июля².

События весны-лета 1917 года показали, что ни Временное правительство России, ни английское правительство не были заинтересованы в спасении Царской семьи. Расходясь во многом, обе стороны были солидарны в своем отношении к Русскому Православному Царству, всеми силами желая его гибели. Решая судьбу русского Царя, они, конечно, не думали его спасти.

¹ Возрождение. 4.6.1932.

² Последние новости. 21.6.1932.

ГЛАВА 12

Попытки освобождения Царской семьи. — Создание тайной монархической организации. — Планы спасения. — Через Финляндию. — По Оби. — Противодействие масонов

Еще в конце июня 1917 года группа оставшихся верными Государю монархистов сумела найти надежного человека и передать через него Царю коробку папирос со свернутой под табак запиской. Монархисты спрашивали Царя, разрешает ли он начинать дело восстановления Империи, Русского Православного Царства. Если разрешает, пусть благословит дело св. иконою. В ответ была прислана икона Св. Николая Чудотворца с инициалами Государя и Государыни. Вопрос о спасении из-под ареста тогда не ставился. Монархистам в то время дано было знать, что Государь на это не пойдет. Вероятнее всего, тогда Царь еще не терял надежды на выезд вместе с семьей в Англию.

Монархисты пытаются создать организацию и провести тайную мобилизацию всех сочувствующих восстановлению монархии и верных присяге русских людей. Организация строилась на конспиративной системе троек, где каждый член знал только трех человек, а те, в свою очередь, тоже знали лишь еще троих участников организации. Вся работа была направлена к тому, чтобы создать мощный аппарат, который может совершить в Петрограде переворот, освободив Государя и восстановив его на прародительском Престоле, а в случае его отказа — возвести на трон Наследника¹.

Организация эта в полном объеме так и не сумела развернуться. Вероятно, сказался неудачный выбор

¹ Марков С. Покинутая Царская семья. Вена, 1928. С. 161.

руководителя, которым стал Н.Е. Марков (Марков-Второй), блестящий трибун и публицист, но слабый организатор. Тем не менее удалось создать несколько групп офицеров, сформировать в Москве, Петрограде, Киеве и некоторых других городах ряд слабо связанных друг с другом и малоактивных монархических центров. Уже летом 1917 года монархическая организация вынашивает различные, в основном фантастические планы спасения Царской семьи. По одному из планов, предложенному восемнадцатилетним корнетом С. Марковым, Царскую семью предполагалось выкрасть из Александровского дворца вооруженным путем и, переодетыми, скрыть сначала в Финляндии, а потом переправить в Швецию.

С. Марков сумел найти поддержку 12 надежных офицеров и нескольких солдат, готовых по первому зову принять участие в освобождении Царской семьи. Вот как он сам излагал свой план Н.Е. Маркову-Второму:

«В Петрограде создается офицерская группа человек в 30 из людей, готовых в любую минуту пожертвовать своей жизнью ради Их Величеств, и в эту группу можно влить и моих офицеров. Попутно детально выясняется система охраны Царской Семьи. Группа снабжается штатским платьем, совершенно безупречными документами, а семь человек из наиболее способных, кроме того, соответствующими документами на каждого члена Импер[аторской] Семьи в отдельности. Каждому члену группы, кроме хорошего автоматического ружья, выдаются тринитротолуоловые, т.н. толовые патроны, которые легко спрятать на себе. Таким образом, группа будет иметь при себе 120 фунтов, или три пуда, взрывчатого вещества огромной силы... Заранее, в конспиративной

Е.С. Кобылинский, полковник, начальник охраны Царской Семьи в Тобольске

типографии печатаются несколько сотен прокламаций самого крайнего анархического большевистского содержания, содержащих в себе смертный приговор всей Импер[аторской] Семье, подписанный от имени боевой группы анархистов-террористов, и на дворец производится в выбранную ночь налет. Остается выяснить, как наиболее удачно произвести его.

Мне кажется, что можно привлечь на свою сторону, в помощь нападающим извне, дворцовую прислугу, которая осталась безусловно верной Их Величествам и которым подлежит предупредить Их Величества в точности о ночи, в которую предполагается Их освободить. Что же касается снятия наружных часовых, то это не представляет особой трудности. Их можно бесшумно снять при помощи сильно бьющих духовых ружей, стреляющих стальными стрелками, которые предварительно нужно смазать каким-либо сильно действующим ядом, убивающим человека на месте. После снятия часовых группа врывается во дворец. Думать о переодевании Их Величеств не приходится, так как Государь в своем гардеробе имеет много штатского платья. Единственное, что Его Величество должен сделать, это сбрить свою бороду, и тогда можно быть уверенным, что Его никто не узнает. Их Величества и Их Высочества немедленно выводятся из дворца, а в зеленой гостиной, под роялью, сваливается все наличное взрывчатое вещество и зажигается трехминутный фитиль. На боковых улицах в различных местах предварительно располагаются несколько автомобилей с верными шоферами.

Я полагаю, что от взрыва рухнет не только первый подъезд дворца... Можно себе представить, какой переполох произведет он в патриархальном Царском Селе, и мало вероятно, что при существующем порядке могла бы быть быстро организована погоня за беглецами, тем более что будут найдены разбросанные вокруг дворца прокламации вышеупомянутого мной содержания. Ведь убийство Царской Семьи террористической группой будет звучать весьма правдоподобно, а за это время беглецы будут запряваны в полной безопасности в различных заранее приготовленных местах. Я не настаиваю на том, чтобы Их Величества были

обязательно вывезены в Финляндию, а потом в Швецию, если это будет противно Их желанию. После побега будет легко, но, конечно, не совместно, укрыть Их где-нибудь в глуши северной России, где Их ни одна ищейка не найдет и где Они смогут спокойно выжидать развития событий. Само собой понятно, что это предприятие сопряжено с большим риском, но все же я думаю, что при хорошей подготовке оно может иметь девяносто шансов из ста на успех»¹.

План этот не был осуществлен. Н.Е. Марков отверг его, посчитав фантастическим и рискованным в смысле безопасности Царской семьи. «Этот вопрос, — заявил Н.Е. Марков, — нужно решать иначе». Однако вскоре все варианты освобождения Царской семьи из-под ареста в Александровском дворце отпали сами собой, так как она была переведена в Тобольск.

Осень 1917 — зима 1918 были самым благоприятным временем для спасения Царской семьи. Власть большевиков была еще очень слаба. Формально над Царской семьей надзирал комиссар несуществующего Временного правительства Панкратов. Охрана к январю 1918 года расслабилась, жалование поступало нерегулярно, ухудшилось питание солдат, многие выражали недовольство. В этих условиях небольшой отряд офицеров мог легко, без особого кровопролития освободить Царскую семью и увезти ее в Сибирь навстречу стремительно развивавшемуся Белому движению. Почему это не удалось осуществить? Только сегодня мы можем ответить на этот вопрос определенно, с документами в руках.

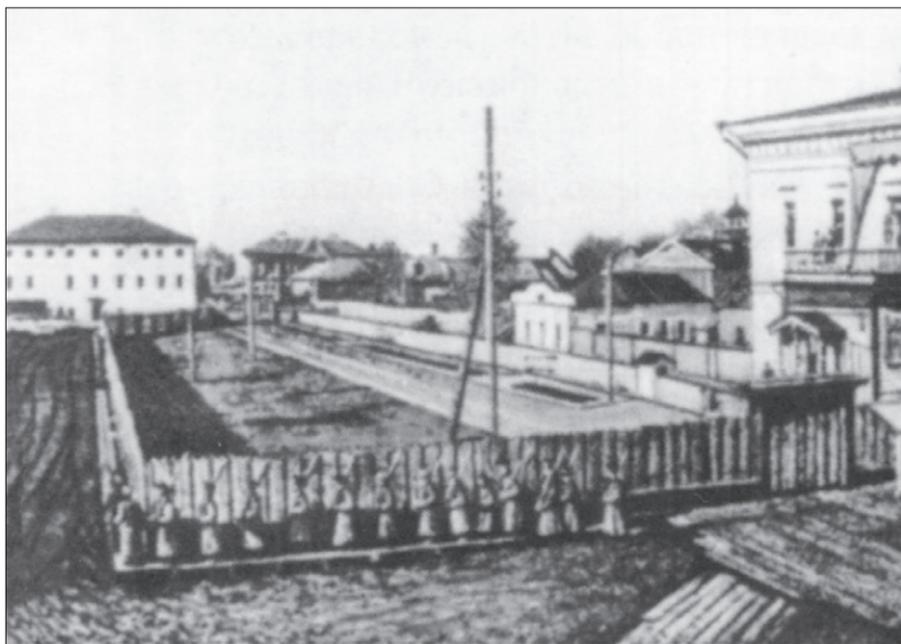
Оказывается, организация спасения Царской семьи была под тайным контролем масонских конспираторов, которые делали все возможное, чтобы

¹ Марков С. Указ. соч. С. 163—164.

помешать предприятию. Контроль осуществлялся по двум направлениям. Во-первых, путем внедрения в окружение ближайшей подруги Царицы Вырубовой масонского агента И.И. Манухина, известного врача, на квартире которого, кстати, в июле 1917 года скрывался Ленин. Манухин был назначен врачом к Вырубовой, которая в то время сидела в Петропавловской крепости. Манухин своим ласковым обхождением вкрался в доверие к Вырубовой. И когда ее освободили (скорее всего, специально), продолжил отношения с ней (это видно из писем Царицы). А через Вырубову шла обильная информация от Царской семьи. Конечно, она говорила Манухину не все, но ему, по-видимому, было ясно, что готовится спасение Царя.

Во-вторых, контроль осуществлялся через масонов К.К. Ярошинского и Б.Н. Соловьева. Ярошинский – крупный банкир, известный Царице своими пожертвованиями на военные госпитали, Соловьев был при нем чем-то вроде секретаря, но Царской семье он больше известен как муж дочери Григория Распутина Матрены. В январе 1918 года Соловьев прибыл в Тобольск с крупной суммой денег от Ярошинского и был тайно принят Царицей, вселив в нее надежду, что избавление близко. Посетил Соловьев и епископа Гермогена, с которым обсуждал возможности спасения Царской семьи. Однако, вместо того чтобы сделать реальные шаги к спасению, Соловьев, взяв все в свои руки, запрещает офицерским отрядам предпринимать какие-либо действия без его ведома. Офицеры послушно ждут, полагая, что так надо для дела.

Первым в сети Соловьева попал офицер Н.Я. Седов, известный Царской семье и направленный к ней для установления связи. Седов не подавал ве-

Тобольск. Вид бывшего губернаторского дома, в котором находились в заточении Царская

стей всю зиму, так что его сочли погибшим. Позднее выяснилось, что виновником его пропажи был Соловьев. Он сумел убедить Седова, что дело спасения Царской семьи налажено, что все с согласия Государя подготовлено и что всякое постороннее вмешательство только повредит успеху предприятия.

В марте из Москвы в Тобольск прибыл В.Н. Штейн. Он привез Царской семье 250 тыс. руб. от московской монархической организации¹. Его миссия также стала известна Соловьеву. Под контроль Соловьева попал и еще один офицер, присланный в Тобольск для связи с Царской семьей. Как впоследствии писал член тайной монархиче-

¹Часть этих денег, вероятно, дал бывший царский министр земледелия А. Кривошей. В воспоминаниях А. Столыпина есть эпизод, как в дом его родственника Штейна, собиравшегося в Сибирь, ночью пришел Кривошей, передал ему деньги со словами: «Бога ради, спасите их!»

Семья и их слуги с августа 1917 по апрель – май 1918. Фото П. Жильяра

ской организации: «Выбор людей для связи у нас был ограничен: помимо особых качеств и личной преданности надо было выбирать из числа людей, лично известных и пользующихся доверием царственных узников. Среди лиц, окружающих их, было очень мало тех, кто бывал при Дворе или во Дворце, другие же изменили или отвернулись от Царской семьи. В течение зимы подготовлялся план освобождения. Нашелся и верный шкипер дальнего плавания, который брался войти со своей шхуной в начале лета в устье Оби и в условленном месте ожидать прибытия беглецов. Разработан был план прекращения во время бегства телеграфной связи вдоль Оби и морского побережья. Постепенно к местам действия стягивались группы офицеров из Сибири и с Урала. В Петрограде была образована офицерская группа генерала З., которая должна была явиться на месте ядром спасательного отряда. Про-

вокаторская деятельность Соловьева, неудачи в деле налаживания связи, а главное, недостаточность необходимых денежных средств привели к тому, что несколько месяцев были потрачены бесполезно, и к весне 1918 года подготовка операции была далеко не закончена. В это время пришла условная телеграмма из Тобольска о внезапном вывозе Государя, Государыни и одной из великих княжон и о предстоящем увозе остальных членов семьи.

Пришлось действовать ускоренно. Группа ген. З., составом в восемнадцать человек, была отправлена одиночным порядком по разным маршрутам к Екатеринбургу. Все офицеры выехали с чужими паспортами под вымышленными именами. Но и эти срочные отправки задержались из-за недостатка в деньгах»¹.

Как выяснилось позднее, все эти группы ничего не сумели сделать. Одна из них, в которую входил П.Н. Шабельский-Борк, оказалась в Екатеринбурге через день после убийства Царской семьи².

В Екатеринбурге небольшая тайная организация монархистов сложилась в Академии Генерального штаба. Ее возглавлял гвардейский капитан Д.А. Малиновский. Первоначально в организацию входило 5 офицеров, обучавшихся в академии, а впоследствии число ее членов возросло до 12 человек. Задача, которая была поставлена генералом Шульгиным, — сбор информации и подготовка «увоза» семьи. С кем-то из охраны дома Ипатьева был налажен контакт, информация поступала и переправлялась в Петроград; однако никаких конкретных указаний и денег группа не получала.

¹ Петров П.П. Три попытки спасения Царской семьи // Русская жизнь (США). 17.7.1943.

² Владимирский вестник (Сан-Пауло, Бразилия). № 15. Сентябрь. 1952.

Впоследствии Малиновский рассказывал следователю Соколову:

«Что же можно было сделать без денег? Стали мы делать, что могли. Уделяли из своих порций сахар... Кулич испекла моя прислуга из хорошей муки, которую удалось достать... Все эти вещи дошли до назначения... Так ничего и не вышло с нашими планами, за отсутствием денег, и помощь Августейшей семье, кроме посылки кулича и сахара, ни в чем ином не выразилась»¹. И это рассуждает русский офицер, человек, имевший оружие и умевший с ним обращаться!

За два дня до освобождения города белыми Малиновский вместе со своей группой и еще 25 офицерами уходит из города и возвращается, когда он был взят чехами. 38 вооруженных офицеров — достаточная сила, чтобы попытаться освободить Царскую семью, тем более в охране дома Ипатьева был свой человек. Но эта попытка не была сделана. У Царской семьи не нашлось достойных им спасителей. Офицеры из группы Малиновского вернулись в город вместе с белочехами, и сразу же пошли в дом Ипатьева, где бродили по комнатам и подбирали разные мелкие вещички на сувениры.

Совершенно прав один зарубежный историк, писавший, что «в аналогичной ситуации красные заслали бы агентов для удара изнутри по тюрьме; иначе продумали бы план наступления, предварительно перерезав коммуникации отступления противника на Москву и Пермь; в случае убийства Ленина не бродили бы по месту преступления в поисках памятных о таком событии вещей. Вышесказанное помогает понять некоторые причины победы красных, а не белых в гражданской войне»². Вожди Белого дви-

¹ Гибель Царской семьи. С. 369.

² Хейфец. Цареубийство в 1918. С. 55–56.

жения, и Колчак в частности, не ставили своей задачей освобождение Царя и тем самым лишали себя самого главного аргумента в борьбе за Россию. Республиканский, космополитический подход Колчака к судьбе Царя губил не только Государя и его семью, но и обрекал на поражение Белое движение. Жалкий конец адмирала Колчака — яркий пример этому.

ГЛАВА 13

Царская семья переходит под охрану большевиков. — Ухудшение положения. — Предложение заточить Царя в тюрьму. — Новые попытки цареубийства. — Перевод из Тобольска в Екатеринбург

В феврале 1918 года масон Панкратов заменяется двадцатитрехлетним большевиком Дуцманом из Латвии. В фондах Тобольского музея хранится его автобиография, где он пишет: «Я был назначен от Запсибсовета комиссаром по охране б. Царя и прибыл в Тобольск 26 февраля, а вскоре вслед за мной туда прибыл из Омска отряд красногвардейцев под командой Демьянова»¹. Вместе с ним начинается большевистская страница тобольского заточения Царской семьи, главным содержанием которой стала подготовка к ее убийству.

Приход большевиков резко изменил всю атмосферу: в разных местах появились неприличные надписи, то тут, то там разносились разухабистые песни, пьяные выкрики. Вокруг дома ходили обвешанные с ног до головы оружием небритые личности бандитского вида, пошли случаи воровства.

Охрана была усилена, а все приближенные и прислуга Царя были переведены на положение арестантов. Один из большевистских вожаков С.С. Заславский требует перевести Царскую семью в тюрьму, и только нежелание солдат охраны нести службу в условиях тюрьмы вынуждает его отклонить это предложение.

Подготовка убийства Царя уральскими боевиками, руководимыми из Москвы, осуществляется

¹ФТКМ.

в несколько этапов. Ключевую роль в ней играли боевики 1905–1907 годов. Они были «вооружены» предписанием Уральского облисполкома: не допустить побега или освобождения Николая II и, если понадобится, – расстрелять его на месте. Это положение легло в основу их дальнейших действий. В связи с этим особо ценно признание председателя Уральского облисполкома А. Белобородова: «...*Необходимо остановиться на одном чрезвычайно важном обстоятельстве в линии поведения облсовета. Мы считали, что, пожалуй, нет даже надобности доставлять Николая в Екатеринбург, что, если предоставятся благоприятные условия... он должен быть расстрелян...*»¹

Однако совершить преступление боевикам мешает все та же охрана под командованием полковника Кобылинского, состоящая в основном из Георгиевских кавалеров. Несколько раз она останавливает попытку террористов убить Царскую семью. Большевики делают все, чтобы заменить эту охрану на своих людей. Им удается создать в царской охране большевистскую ячейку, представитель которой Лупин едет в Москву и 1 апреля выступает на заседании Президиума ВЦИК. «*Слушали: Сообщение об охране бывшего царя... Постановлено: 1) Просить отряд продолжать нести охрану впредь до присылки подкрепления... 2) ...В случае возможности немедленно перевести всех арестованных в Москву*». Через несколько дней, 6 апреля, Президиум ВЦИК дает указание: «*В дополнение к ранее принятому постановлению поручить т. Свердлову снести по прямому проводу с Екатеринбургом и Омском о назначении подкрепления*

¹ Цит. по: Хрусталева В. Тайна «миссии» чрезвычайного комиссара Яковлева // Россияне. 1993. № 10–12. Это признание Белобородов сделал в своих воспоминаниях 1923 года.

отряду, охраняющему Николая Романова, и о переводе всех арестованных на Урал...»¹

Чтобы захватить Царя, уральские большевики проводят тайную операцию, решающую роль в которой играют отряды красногвардейцев из Екатеринбурга и Омска. Во главе операции стоят все те же Ленин и Свердлов. Конечно, большевистские лидеры могут с легкостью отдать открытый приказ об убийстве, но сложившаяся обстановка в стране, мирный договор с Германией делают их очень осторожными. Они ни в коем случае не хотят, чтобы инициатива убийства (которое ими уже было predetermined) связывалась с центральной властью. Поэтому они и устраивают настоящий маскарад с переодеваниями.

В марте Уральский комитет большевиков создаст специальную тайную («чрезвычайную») тройку по подготовке и осуществлению перевода Царской семьи из Тобольска. В нее входят заместитель председателя Уралоблсовета Дидковский, комиссар по снабжению Войков и комиссар по юстиции Голощекин, поддерживающий постоянный контакт со Свердловым. Конкретное выполнение операции возлагается на группу чекистов во главе с 24-летним Павлом Хохряковым, бывшим матросом и комиссаром петроградского ВРК².

Хохряков прибывает на Урал по личной рекомендации Свердлова в качестве представителя Военной комиссии ЦК РСДРП(б) во главе отряда военных моряков. В помощь матросу для выполнения операции командированы два бывших уголовника, отличавшихся, как и П.Д. Хохряков, беспредельной жестокостью: А.Д. Авдеев и С.С. Заславский.

¹ ГАРФ, ф. 1235, оп. 36, д. 6, л. 6.

² Авдеев А.Д. Николай Романов в Тобольске и в Екатеринбурге // Красная Новь. 1928. № 5.

Люди Хохрякова тайно проникают в Тобольск и легализуются там по поддельным документам. Сам Хохряков попадает в Тобольск под видом жениха одной тобольчанки Т. Наумовой и как бы становится постоянным жителем города¹.

П.Д. Хохряков, председатель Тобольского Совдепа

Путем различных незаконных махинаций, проводимых под руководством лидера местной большевистской фракции Исаака Яковлевича Коганицкого², новый местный совет более чем наполовину становится большевистским, а главой исполкома «избирается» новоиспеченный житель Тобольска (жил здесь всего месяц) чекист Хохряков.

Председателем Совета ставится некто Дислер, председателем Губчека — тобольский переплетчик Коганицкий, начальником Красной гвардии — семинарист Пермитин, председателем Губревтрибунала — недоучившийся гимназист Дегтярев. За всеми манипуляциями в Тобольске зорко наблюдает Москва. Она-то лучше всех знает, для чего все это делается.

А тем временем в Екатеринбурге изыскивают способы, как лучше убить Царя. Комиссар здравоохранения Н.А. Сакович, участвовавший в заседаниях Уралсовета, дал показания, согласно которым

¹ Убийство царской семьи Романовых. Свердловск, 1991. С. 21.

² По другим данным, Коганицкий был лишь активным членом большевистской фракции, а возглавляла ее его жена Г.А. Козлова.

еще в апреле 1918 года *«был возбужден вопрос... чтобы устроить при переезде бывшего Царя покушение. Вопрос этот даже баллотировался, было решено перевезти бывшего Царя в Екатеринбург. Помню, случайно узнал, что... центром большевистской власти было ясно сказано, что за целостность б. Государя екатеринбургские комиссары отвечают головой».*

Став «городским головой», Хохряков переходит к непосредственному исполнению операции — перевозке Царя на Урал, но натывается на сопротивление отрядов, его охранявших, — как отряда специального назначения полковника Кобылинского, так и отряда, присланного из Омска Запсибсоветом. Расхождения с Запсибсоветом у Хохрякова возникли, по-видимому, на почве борьбы за власть. Дело в том, что Тобольск находился на территории, подвластной Омскому Запсибсовету, а полковник Кобылинский не пускает большевиков к Царю потому, что осведомлен о их намерениях убить его. Как развивались отношения между охраной Царя и большевиками, позволяют судить воспоминания одного из офицеров охраны отряда полковника Кобылинского¹. Вот что он пишет:

«В марте по Тобольску распространились слухи о прибытии из Тюмени и Омска отрядов Красной гвардии... Прибытие этих отрядов было вызвано слухами о недостаточно бдительном надзоре за бывшим Царем и его семейством не на радость отряда, охранявшего бывшего Царя, которому приписывались контрреволюционные намерения... После шумных разговоров на общих собраниях отряда восторжествовало такое мнение: в дело красноармейцев не вмешиваться, но и не давать вмешиваться им в дело охраны бывшего Царя и его семьи. Даже большевистски настроенные стрелки

¹ФТКМ.

соглашались с такой постановкой вопроса. Наконец в один из последних дней марта в Тобольск прибыли из Омска красногвардейцы на 36 подводах и на двух подводах заметны были 2 пулемета.

... Через несколько дней Демьянов (командир красногвардейцев. — О.П.) просил собрать общее собрание... Около 12 часов приехал Демьянов со своим помощником Перминовым, председателем революционного трибунала Дегтяревым и председателем следственной комиссии Мекке...

Демьянов, пресловутый начальник омской Красной гвардии, по происхождению тоболяк, воспитанник здешней духовной семинарии, был призван на военную службу и, как обладающий образовательным цензом, достиг офицерского звания. На войне не был, хотя утверждает в разговоре, что участвовал в боях и имеет боевое отличие. Блондин с элегантно зачесанными назад волосами, наглое выражение глаз, окаймленных большими ресницами, носит папаху по-казацки, на тоненьком ремешке кавказская шашка, богато украшенная серебром, и неизменная принадлежность всех большевиков — револьвер в кобуре, с которым они никогда не расстаются. Видно, что рисуется ролью вершителя судеб Тобольска. В разговоре сплошное хвастовство, только и слышно, как он ликвидировал контрреволюцию то в одном, то в другом городе, с языка его не сходит “расстрел в два счета”. Одет славно, представляет самодовольного наглеца, упоенного властью. Подобострастно встречен председателем отряда Матвеевым¹, прапорщиком из солдат, малограмотным человеком, произведенным в чин большевиками за заслуги перед революцией.

¹ П.М. Матвеев, прапорщик Сводной роты 2-го полка Отряда особого назначения по охране Царской семьи в Тобольске, оставил воспоминания об этих событиях, которые хранятся в бывшем партийном архиве Екатеринбург (СПА, ф. 41, оп. 1, ед. хр. 149, д. 452).

Демьянов в сопровождении своих помощников прошел сквозь расступившуюся толпу стрелков к председательскому месту, где он со своими сообщниками и уселся, приняв позу атаманов, какими они изображаются на картинах Репина. Председатель комитета Матвеев, пролетев бессвязное приветствие красногвардейцам, предложил собранию выслушать Демьянова. Театральным жестом откинув назад голову, Демьянов встал и начал говорить, видна была привычка произносить речи перед толпой».

С.С. Заславский, уполномоченный Уралсовета

Демьянов вместе со своей свитой направляется в дом Корнилова, где помещается канцелярия отряда, и требует посмотреть Царскую семью, проверяет посты. Но к Царской семье его не допускают. «После осмотра постов Демьянов, — пишет офицер охраны, — нас оставил в покое, занявшись углублением в городе большевистской власти, вербовкой членов компартии, митингами и т.п.

В начале апреля неожиданно для Демьянова прибыл екатеринбургский отряд красногвардейцев численностью 150 человек. Вместе с этим отрядом прибыли главари Совдепа Хохряков и Заславский. Между Демьяновым и Заславским произошли крупные недоразумения, ходили слухи о переговорах по прямому проводу Демьянова с Омском и Заславского с Екатеринбургом. Говорили, что между Омском

и Екатеринбургом происходят какие-то трения по вопросу о судьбе семьи бывшего Царя. Даже охрана Царя не знала характера этих переговоров и о положении дел узнавали из намеков Дуцмана.

9–10-го происходит странная история. Демьянов, явившись в отрядный комитет, потребовал, чтобы его допустили в губернаторский дом. Он утверждал, что заключенным угрожает опасность, чтобы они не подходили к окнам, выходящим на улицу. Он таинственно предупреждает отряд о возможных выступлениях ночью и попытках взорвать губернаторский дом. Хотя он говорил неопределенно, но можно было понять, что он намекает на екатеринбургский отряд с Заславским во главе, настоящим начальником которого был Хохряков. Была объявлена тревога, всем розданы винтовки и патроны, усилены посты и дозоры, приготовлены пулеметы. Одной из отрядных рот было решено на ночь не раздеваться. Но ночь прошла спокойно, и осталось невыясненным, имели ли основание предположения Демьянова или все затеянное им было глупой мистификацией».

Вскоре Демьянов был отозван в Омск, а омский отряд возглавил его помощник Перминов. На своих местах остались Дуцман, латыши и екатеринбургский отряд. Своими прямолинейными действиями Хохряков вызывает острый конфликт. Отряд полковника Кобылинского и отряд омичей объединяются против Хохрякова, и последнему ничего не остается, как просить помощи из Москвы.

Такой помощью становится миссия боевика Яковлева, появившегося в Тобольске с мандатом за подписью Ленина и Свердлова. В галерее убийц Царской семьи Константин Алексеевич Яковлев (настоящая фамилия Мячин) занимает особое ме-

сто. Он готов был лично убить Царя. О нем можно было бы написать не одну книгу — авантюрист и искатель приключений по призванию, он бурно прожил жизнь, закономерно закончив ее от пули. Я уже рассказывал, какие кровавые «подвиги» он совершал, будучи одним из руководителей уральских банд-групп боевиков. В 1908 году ездил в Швейцарию на совещания боевиков.

В.В. Яковлев (Мячин), чрезвычайный комиссар ВЦИК и Совнаркома, особоуполномоченный по перевозке Царской Семьи из Тобольска в Екатеринбург

В 1909-м, после очередного грабежа, скрывается на Капри (Италия) у Горького. В 1917-м он — один из организаторов Всероссийской Чeka, член ее коллегии и даже был избран первым товарищем председателя Чeka. В начале 1918-го — один из руководителей акции по разгону Учредительного собрания, а также ответственный (по поручению Ленина) за выключение всей телефонной сети Москвы в день разгрома Учредительного собрания (обо всем этом он сообщает в своих автобиографических записках).

В своих воспоминаниях Яковлев рассказывает, как однажды его вызвал Свердлов и как старому боевику задал шуточный вопрос: «Много, мол, народу перестрелял?» Таковы были у них шутки, и когда они вволю посмеялись, то Свердлов сказал, что хочет, мол, поручить ему задание государственной важности. И, уловив в глазах Яковлева нетерпе-

ливый блеск авантюриста, почувствовав азарт, сказал: «Ты заветы уральских боевиков не забыл еще? Говорить должно не то, что можно, а то, что нужно...»

Свердлов поручает Яковлеву перевезти Царя из Тобольска по маршруту, который будет сообщен дополнительно. *«Совет Народных Комиссаров, — заявил Свердлов Яковлеву, — постановил вывезти Романовых из Тобольска пока на Урал... Мандат получишь за подписью председателя Совнаркома т. Ленина и моей, с правами [вплоть] до расстрела, кто не исполнит твоих распоряжений»*¹.

«Чтобы окончательно убедиться в правильности понятых мной инструкций, — пишет Яковлев, — я переспросил [Свердлова]: “груз” должен быть доставлен живым (т.е. Яковлев спрашивал, не следует ли Царя убить по дороге. — О.П.)? Тов. Свердлов взял мою руку, крепко пожал ее и резко отчеканил: “Живым. Надеюсь, выполнишь инструкции в точности. Все нужные телеграммы отправлены. Действуй конспиративно”»².

Кроме мандата за подписью Ленина и Свердлова Яковлев получил от Свердлова письмо для Уральского облисполкома, подписанное 9 апреля. *«Доро-*

Д.М. Чудинов, командир отряда охраны, обеспечившего перевозку первой группы Царской Семьи из Тобольска в Екатеринбург

¹ Яковлев В. Последний рейс Романовых // Урал. 1988. № 7. С. 151.

² Убийство царской семьи Романовых... С. 48–51.

гие товарищи! — писал Свердлов. — *Сегодня по прямому проводу предупреждаю Вас о поездке к Вам ходатай т. Яковлева. Мы поручили ему перевезти Николая на Урал. Наше мнение: пока поселите в Екатеринбурге. Решите сами, устроить ли его в тюрьме или же приспособить какой-либо особняк. Без нашего прямого указания из Екатеринбурга никуда не увозите. Задача Яковлева — доставить Николая в Екатеринбург живым и сдать или председателю Белобородову, или Голощекину. Яковлеву даны самые точные подробные инструкции. Все, что необходимо сделайте. Сговоритесь о деталях с Яковлевым. С товар[ищеским] прив[етом] Я. Свердлов».*

Яковлев получает 5 млн. руб. денег в царских ассигнациях (керенки хоть и не были отменены, но принимались населением плохо), специальный поезд и целую свиту в сопровождение, в частности, в качестве секретарей его сопровождают два уфимских боевика-террориста: С.Т. Галкин и Д.М. Чудинов (Касьян), он же начальник отряда.

Не успел боевик Яковлев приехать в Тобольск, как один из членов Уральского совета, С.С. Заславский с места в карьер заявил ему:

— Ну, товарищ Яковлев, нам надо с этим делом кончать.

— С каким? — спросил Яковлев.

— С Романовыми!

Как пишет Яковлев, он убедился, что «есть отдельные попытки покончить на месте с Николаем II»¹. Вот как описывает пребывание Яковлева в Тобольске офицер охраны: «Прибывший утром 25 апреля Яковлев прежде всего явился к полковнику Кобылинскому и в очень корректной форме вел с ним переговоры. Вообще Яковлев произвел на всех

¹ Убийство царской семьи Романовых... С. 63.

«Передача Романовых Уралсовету». Художник В.Н. Пчелин. 1927. МИЕ

хорошее впечатление. Прежде всего видно было — это человек образованный, который мог оценить обстановку без большевистского фанатизма.

В тот же день было собрано общее собрание стрелков, на котором Яковлев по большевистской манере расположил к себе стрелков, заявив, что Совнарком о их примерной службе знает, извиняется, что очень долго оставляет отряд без внимания, и сразу же раздал бойцам жалованье, и в довольно большом объеме. Бойцам были уплачены при расформировании единовременные пособия. Удовлетворив алчность стрелков, устранил с их стороны всякое противодействие¹.

В первом собрании он ничего не говорил о предполагаемом увозе царской семьи. Но отряд сразу же

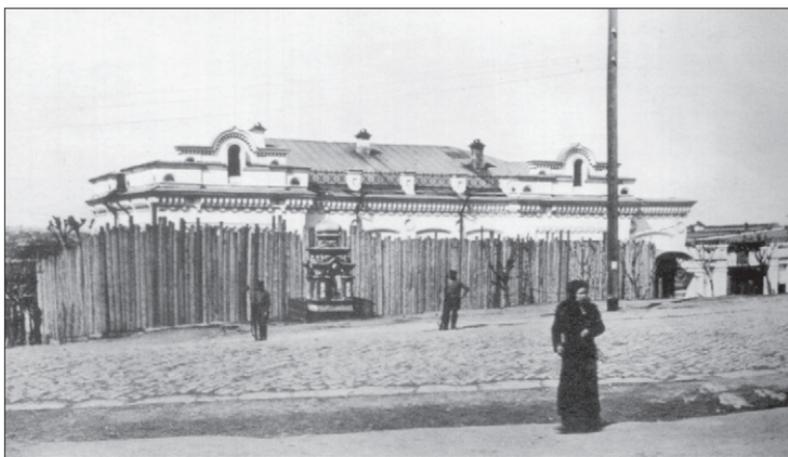
¹ По свидетельству отца Алексея Васильева, Яковлев фактически «купил» Царскую семью. «У него было много денег, и он раздал их охране». О. Алексей видел приказ, согласно которому «выдавалось, кажется (кроме жалованья), по 1000 рублей солдату и по 3000 — офицеру». (См. протокол допроса Б.Н. Соловьева от 29 декабря 1919.)

понял. С Яковлевым прибыли несколько красногвардейцев, сестра милосердия, телеграфист почты и его помощник вроде адъютанта (который охарактеризован автором как глупый человек. — *О.П.*).

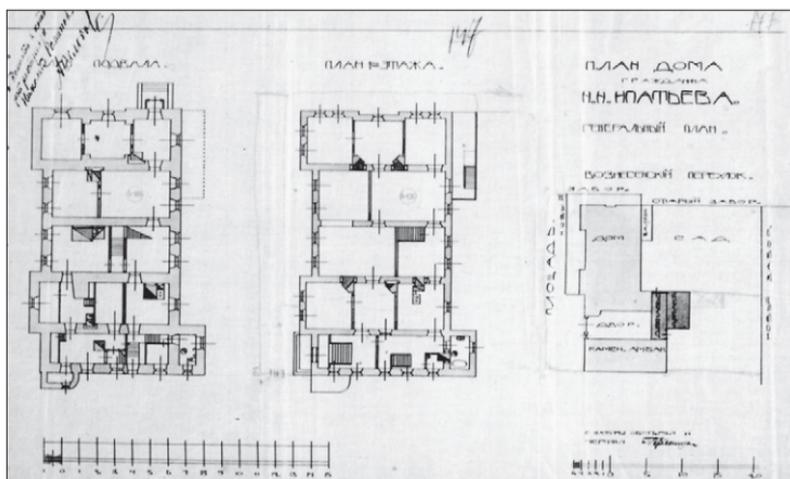
Яковлев несколько раз говорил по прямому поводу и каждый раз обставлял это лишней таинственностью. Все телеграфные чиновники удалялись из аппаратной, и там оставался один Яковлев со своим телеграфистом.

Яковлев со своей свитой разместился во 2-м этаже Корниловского дома, где размещались до перевода в губернаторский дом князь Долгоруков, [граф] Татищев, графиня Гендрикова, Шнейдер. Обедали в офицерской столовой. Свита Яковлева вела себя бесцеремонно, чего нельзя сказать про самого Яковлева. Он держал себя в высшей степени корректно и вежливо. Несколько раз заявлял, что он враг насилия (!!! — *О.П.*).

В отряде для команды Яковлева был приготовлен ужин на 47 человек. Однако на следующий день они стали питаться отдельно.

Екатеринбург. Дом инженера Н.Н. Ипатьева, в котором находились в заключении и были злодейски убиты Царская Семья и их слуги 17 июля 1918. Фото Н. Введенского

План Дома Ипатьева с указанием постов охраны и места расстрела Царской Семьи и слуг с пометкой председателя Уралсовета А.Г. Белобородова. ГАРФ

Утром 26 апреля Яковлев явился к полковнику Кобылинскому и заявил ему, что имеет категорический приказ вывезти всю семью Романовых из Тобольска, но куда определенно не указал, только из некоторых намеков можно было сделать вывод, что имеет приказ вывезти семью в Москву. Видно было, что Яковлев чрезвычайно спешит, он даже не скрывал этого, говоря, что события идут так быстро, что могут наступить обстоятельства, могущие затруднить переезд семьи, и т.д. Осталось невыясненным, опасался ли он препятствия со стороны контрреволюционеров или со стороны правых большевистских элементов вроде упомянутого выше Заславского, которого, между прочим, Яковлев много расспрашивал, его интересовал случай о якобы предполагающемся нападении. Из разговоров Яковлева со своим помощником я слышал, как он бросил фразу: “А это надо доложить в Москву”. После завтрака в губернаторский дом явился Яковлев в сопровождении полковника Кобылинского, приказал доложить о себе. Они вместе с дежурным офицером

поручиком Мельшевым вошли в кабинет бывшего Царя. Яковлев официальным тоном заявил, что по приказанию Совнаркома он должен перевезти его и его семью из Тобольска. Далее Яковлев сказал, что, хотя он и имеет приказание перевезти всю семью, он на свой страх и риск ввиду болезни бывшего Наследника Алексея увезет одного только бывшего Царя. Остальная же семья будет увезена с открытием навигации. Выслушав Яковлева, Николай сказал: “Я не поеду”. Яковлев просил его не заставлять применять силу, т.к., по инструкции Совнаркома, он должен во что бы ни стало вывезти [Царя] из Тобольска. Добавил, что отъезд назначен на 3 часа утра следующего дня, т.е. 27 апреля, и то по новому стилю, и вышел из кабинета вместе с полковником Кобылинским.

В дежурной комнате Яковлев просил полковника Кобылинского вновь подняться в кабинет и уговорить бывшего Царя подчиниться решению Совнаркома. По словам полковника Кобылинского, в кабинете уже находились Императрица Алексан-

Охранники-рабочие ДОНа Сысертского завода (в центре — А. Стрекотин, пулеметчик)

дра Федоровна, князь Долгоруков, Желиховский¹ и другие лица свиты. Бывшая Царица сказала, что они уверены, что Царя вывезут в Москву, чтобы заставить своей подписью закрепить Брестский мир. На это бывший Царь, указывая на свою правую руку, заявил, что он скорее даст отрубить свою руку, чем опозорит себя подписанием предательского мира. Много говорили о том, куда хотят вывезти бывшего Царя, делали предположения, что хотят вывезти в Германию, что будто бы об этом имеется секретная статья в Брестском договоре².

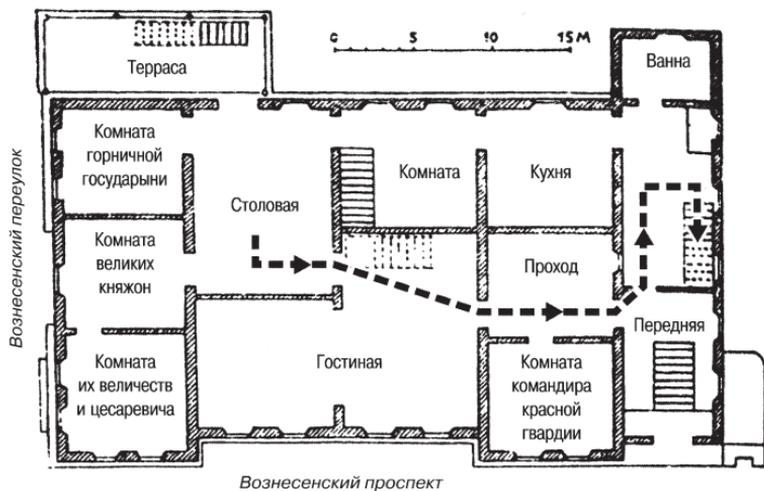
Вся семья была крайне недовольна переездом в Германию, предполагали лучше остаться в России, но если говорят переезжать, то лучше в Англию. В конце концов, бывший Царь согласился не противиться распоряжению Яковлева. Александра Федоровна выразила желание ехать также с мужем. Затем занялись выбором лиц, которые должны были сопровождать царскую чету. Так как Яковлев предупредил, что большее число свиты и имущества он не может разрешить взять с собой, к отъезду стала готовиться также дочь Царя Мария Николаевна. Остаток дня Яковлев и его ближайшие сотрудники провели в хлопотах по отысканию подвод для перевозки семьи, к этому делу был привлечен местный совдеп. Конный отряд был отправлен вперед».

¹ Здесь, по-видимому, у автора записки ошибка. Человека с фамилией Желиховский в окружении Царя не было. Возможно, имеется в виду П. Жильяр (или, как его звала Царская чета, Жилик — *О.П.*).

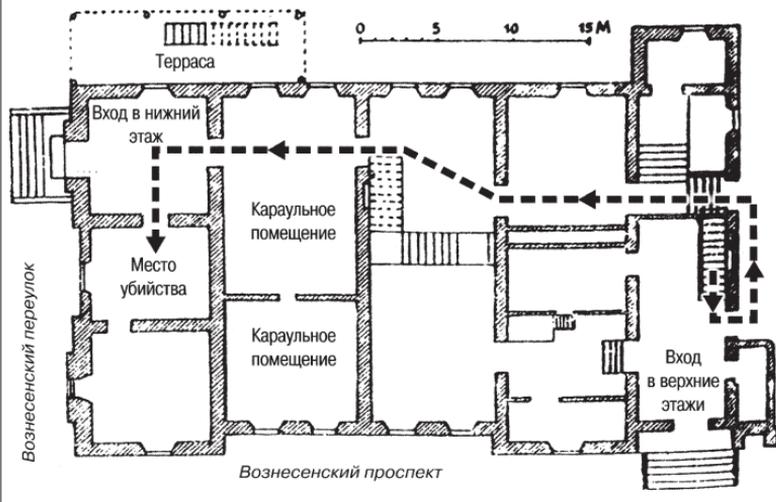
² На самом деле это был миф, широко распространенный среди монархистов. Им хотелось верить, что император Вильгельм проявит благородство и спасет своих русских родственников. Поэтому многие монархисты были убеждены, что перевод Царской семьи из Тобольска совершится по настоянию германского правительства. В частности, генерал Гурко писал: «Для меня совершенно ясно, что вывоз царской семьи из Тобольска произошел по германской инициативе, и ездивший в Тобольск за Государем Яковлев был связан с немцами».

План дома Ипатьева

Верхний этаж

Нижний этаж

План-схема верхнего и нижнего этажей Дома Ипатьева – путь Царской Семьи к месту убийства

Перед самым увозом Царя комиссар Яковлев узнает о новой попытке покушения. Вот что он пишет: «У себя дома я застал некоторых товарищей,

пришедших сообщить под секретом очень серьезную новость... Один из екатеринбургских отрядов имел совещание и решил так или иначе покончить с Романовыми, и если это не удастся в Тобольске, то намечено осуществить покушение между Тобольском и Тюменью».

Яковлев отправляется к тому же Заславскому и требует объяснений, а тот невольно и в порыве злобы проговаривается о своих намерениях.

«— Дадут ли вам Царя увезти — вот вопрос. А кроме того, если повезут, то дорогой может случиться.

— Товарищ Заславский, вопрос слишком серьезный, говорите яснее.

— Я ничего не знаю. За других не отвечаю. Только скажу определенно: повезете Романова, не садитесь рядом с ним.

— Вы хотите сказать, что и меня могут убить? Заславский криво улыбнулся. Я вынул документ.

— Товарищ Заславский, вам очень полезно прочитать его, и прочесть внимательно.

Заславский неохотно взял мой мандат и прочитал.

— Так вот, ваш отряд будет охранять мой поезд от Тобольска до Иевлево. В тарантасе с Романовым буду находиться самолично. И если найдутся сумасшедшие головы, поступающие наперекор инструкциям Москвы по-своему, они жестоко поплатятся... Начальника отряда пришлите ко мне».

Под угрозой расстрела Яковлев приказал начальнику отряда Бусяцкому¹ беспрекословно повиноваться, но в глубине души не был уверен, что его приказ будет выполнен. Яковлев отправляет своего помощника Гузакова, чтобы он страховал движение колонны со стороны Тюмени. Как в

¹ В воспоминаниях офицера охраны он назван Гусяцким.

дальнейшем стало ясно, эта мера оказалась очень полезной.

Царскую семью собирались вывозить на лошадях до Тюмени. Очень торопились, так как ожидалась распутица, которая могла сделать дороги непроходимыми. Заранее на каждом остановочном пункте от Тобольска до Тюмени было оставлено по одному кавалеристу для подготовки троек для пересадки пленников.

Перед отъездом Царя из Тобольска по крайней мере часть его охраны была настроена отпустить его с верными людьми, если бы такие нашлись. Это был очень благоприятный момент для бегства. Однако монархическая организация пребывала в беспомощности, занималась разработкой фантастических проектов и «копила силы», когда нужно было решительно действовать. По показаниям Б. Соловьева, отец Алексей Васильев в разговоре с ним сообщил, что в ночь увоза из Тобольска Государя, Государыни и Марии Николаевны к нему приходили солдаты охраны и говорили ему: «Берите». На вопрос Соловьева: «Почему же Вы не взяли?» — отец Алексей ответил, «что он не мог это сделать ввиду отсутствия к тому технических средств: куда везти, как трудно было, будто бы, это сделать»¹.

В момент выезда (который был назначен на час ночи) по всей дороге от дома губернатора до Иртыша были поставлены караулы из местных большевиков.

Как пишет один из подручных Яковлева Брагин, «бойцы не знали цели приезда в Тобольск. (Большевики не особенно доверяли своим соратникам. — *О.П.*) И нельзя им было объявлять, что отряд двинется этой же ночью обратно и повезет с собой Рома-

¹ См. протокол допроса Б.Н. Соловьева от 29 декабря 1919.

новых. А всему отряду ехать возможности не было, так как достали лишь девятнадцать троек. Брать же лошадей и тарантасы у городских обывателей весьма рискованно: можно было привлечь к себе внимание контры». Кто-то, следовательно, должен был остаться в Тобольске. Но кто? «Пришлось, — рассказывает Брагин, — прибегнуть к обману. Касьян собрал отряд и сказал товарищам:

— Сегодня ночью со мной на север, в Березов, должны поехать семнадцать бойцов. Желающие, записывайтесь. Но имейте в виду, что там стоят еще холода. Поэтому всем плохо одетым и больным придется остаться в Тобольске. Мы скоро вернемся».

Как отмечает Брагин, хитрость удалась. Записались «самые боевые, надежные, крепкие красногвардейцы». К 12 часам ночи отряд был готов к выступлению. Пришел заведующий извозчицей биржей и доложил, что лошади поданы. Сформировалась колонна из девятнадцати троек, запряженных в добротные тарантасы. Семь троек направляются к дому, где заключена Царская семья. Только сейчас бойцы узнают, что отряд едет не в Березов, а в Тюмень и везет с собой Романовых. Незамедлительно осуществляется загрузка багажа. Остающиеся царские дочери со слезами прощаются с отцом и матерью. Посадка завершается в полвторого ночи.

Тройки выехали на улицу, стали на свои места согласно заранее разработанным номерам: в первой тройке сидели два стрелка; во второй — два пулеметчика с пулеметом «кольт»; в третьей — два стрелка; в четвертой — комиссар Яковлев с Царем; в пятой — два стрелка; в шестой — Царица и Царевна Мария в меховых шубах и пуховых шальях поверх шляпок с плюмажем и вуалью; в девятой — князь Долгоруков и лейб-медик Боткин; в десятой — стрелок и завхоз отряда Фотеев; в одиннадцатой — камердинер и гор-

ничная Демидова; в 12-й — граф Татищев с вещами Царской семьи и провизией; в 13-й, 14-й и 15-й — царский багаж; в 16-й — два представителя бывшей охраны Царя; в 17-й — два пулеметчика с пулеметом; в 18-й — два стрелка и в 19-й — командир отряда Касьян с бойцом. Вперед была выслана разведка из пятерых кавалеристов, которым было дано распоряжение по одному остаться в каждом селении и сообщать обо всем тревожном.

Выезд из города прошел благополучно. Правда, сильно всполошились собаки. Ночь — и такая колонна. Подъехали к переезду Иртыша, рядом с впадением реки Тобол. Началась переправа, во время которой жизнь Царской семьи была в опасности. «Лед уже подтаивал, — пишет Брагин, — и дорога по нему была ненадежной». Гололедица мешала спуску к реке. Отпрягли пристяжных и начали по одной перевозить их на другой берег по доскам, настланным на лед. Лед тревожно трещал. После пристяжных начали переводить коренников с тарантасами. В первую очередь по этому ненадежному пути перевезли не бойцов, а Царскую семью. Лед трещал. Очень нелегко было подняться и на обледенелый противоположный берег. Яковлев «благоразумно» слез с тройки и наблюдал за переправой, наблюдали и его подручные. Момент этот для Царской семьи был крайне опасен, если бы лед не выдержал, спасти ее не удалось бы.

Но впереди Царя ждала новая опасность. Ее источником был тот же Заславский со своей бандгруппой. «Не доезжая нескольких станций до Иевлево, — пишет Яковлев, — мы встретили Петра Гузакова. Его тройка была вся в пене, с ним находился какой-то незнакомый мне красноармеец... Он сообщил мне тревожные вести, полученные от перебежчика из отряда Бусяцкого. Нам в пути угрожала большая

опасность... Мы с Гузаковым стали обсуждать дальнейший план действий: с момента прибытия в Тюмень мы будем в полной безопасности, подъезд к Екатеринбургскому тоже сумеем обезопасить. Самое главное — добраться до Тюмени.

— Обрати внимание на Авдеева, — предупредил Гузаков. — Имей в виду, он играет двойную роль... Ведет какие-то переговоры с друзьями Заславского.

... В Иевлево мы приехали поздно вечером. Гузаков окружил арестованных тройным кольцом. Несколько красноармейцев с ручными гранатами находились начеку. Гузаков, Касьян, Зенцов и я дежурили непрерывно. Ночь прошла спокойно».

Немного проехали, и тут у командира сломался тарантас, пришлось заехать в ближайшую деревню. Пока решали проблему, несмотря на ночь, собралась вся деревня, прослышав про переезд Царя. Один дряхлый, беззубый старик с длинной седой бородой, рассказывает очевидец, спрашивает командира отряда:

— Ты уж будь добр, паря, скажи, ради Бога, куда это Царя-батюшку везете? В Москву, что ли?

— В Москву, дедушка, в Москву, — ответил командир, чтобы отвязаться от старика.

— Ну и слава те Господи! Теперяча снова будет порядок в России: Помазанник Божий опять сядет на трон свой! — так думали простые крестьяне.

На пути отряда его ждали заготовленные заранее свежие тройки. Пересадка заняла не более пяти минут. Одним из пунктов смены лошадей было село Покровское — родина и место, где жил друг Царской семьи Григорий Ефимович Распутин. Командир отряда зорко следил за Царской семьей. А тут он увидел, что Царица пристально смотрит на второй этаж ближайшего дома и что-то показывает руками. Коман-

дир отряда тихо зашел за тарантас и увидел, куда она направила свой взгляд. В окне двухэтажного покрашенного в зеленый цвет дома стояли две женщины: пожилая и молодая, а позади них — молодой человек в студенческой форме. Пожилая дама делала Александре Федоровне какие-то знаки руками и носовым платком. Касьян, уфимский боевик-террорист, вынул из кобуры маузер и, направив его на окно, крикнул стоящим у него женщинам и юноше:

— Прочь от окна! А то стрелять буду! — Женщины и студент тотчас скрылись. Так произошло предсказанное Григорием посещение Покровского Царской семьей. А в окне дома были жена, дочь и муж дочери Григория Ефимовича Распутина.

На одной из пересадок Царице и Царевне подали тарантас на очень высоких колесах. Дочь быстро взобралась на него, а Царице было очень трудно: дочь тянула Царицу, а снизу муж пытался ее подсадить.

Двести двадцать верст до Тюмени одолели за двадцать четыре часа фактически без отдыха. В Тюмени Яковлев ведет переговоры со ВЦИКом по телеграфу: «Москва. Председателю Центрального Исполнительного Комитета. Из Тюмени. Маршрут старый или ты его изменил. Сообщи немедленно [в] Тюмень. Еду по старому маршруту. Ответ необходим немедленно. Яковлев»¹. Ответ из Москвы: «Маршрут старый, сообщи груз везешь или нет. Свердлов»². В воспоминаниях Яковлева эти переговоры представлены так: «На телеграфе я пробыл около 5 часов, пока определенно не сговорился со Свердловым, который дал мне инструкцию немедленно ехать в сторону Омска»³.

¹ ГАРФ, ф. 130, оп. 2, д. 1109, л. 54.

² Там же.

³ Яковлев В. Указ. соч. С. 162.

На железнодорожном вокзале Тюмени для Царской семьи и ее конвоя был подготовлен состав из четырех вагонов. Руководство отряда, Царская семья и Царская Свита разместились в вагоне первого класса.

В двух средних купе разместили Царскую семью и их сопровождающих. В одном – Царя, Царицу, Царевну и горничную Демидову: в другом – князя Долгорукова и [графа] Татищева, доктора Боткина и старого камердинера Чемодурова. Два боковых купе заняли Яковлев и другие руководители. Двери в купе Царской семьи и Свиты были оставлены открытыми. На площадках стояли часовые. В других вагонах были размещены вооруженные до зубов бойцы. Царица, пишет Брагин, всю дорогу не выходила из купе, а лежала на нижней полке, устремив свой взгляд в одну точку. С посадкой в поезд начинается какая-то странная игра, разработанная, по-видимому, Свердловым. Поезд следует сначала в Екатеринбург, затем в Омск, а потом снова – в Екатеринбург. Тайный маршрут царского поезда почему-то становится известен уральским большевикам. Проносится слух, что Царь бежал. Объявляется всеобщая тревога. До сих пор в этой истории много неясного, но, скорее всего, в этой суматохе Царя и Царицу собирались просто убить как бы при попытке к бегству или устроить исчезновение, подобное «побегу» Михаила Романова. Какие-то вооруженные люди несколько раз намеревались напасть на поезд. Но что-то им помешало.

Можно только догадываться, что собирался сделать с Царской семьей Свердлов, о чем он не мог сообщить в телеграмме, которую послал Белобородову и Голощекину. В ней говорилось: *«Все, что делается Яковлевым, является прямым выполнением данного*

мной приказа. Сообщу подробности специальным курьером. Никаких распоряжений относительно Яковлева не делайте, он действует согласно полученным от меня сегодня в 4 утра указаниям. Ничего абсолютно не предпринимайте без нашего согласия. Яковлеву полное доверие. Еще раз никакого вмешательства. Свердлов». 30 апреля 1918 года Яковлев привозит Царскую семью в Екатеринбург. Но и тут происходит что-то странное. Екатеринбургские большевики собрали на вокзале вооруженный сброд, пьяные лица, истошные матерные крики, вопли: «Задушить их надо! Наконец-то они в наших руках». «Беспорядочные толпы, — пишет Яковлев, — начали надвигаться на состав. Я... для острастки приготовил пулеметы. Сам вокзальный комиссар... издали громко закричал мне:

— Яковлев! Выведи Романова из вагона! Дай я ему в рожу плюну!

— Приготовить пулеметы!

— Не боимся твоих пулеметов! У нас против тебя пушки приготовлены!

...Действительно, шевелились жерла трехдюймовок».

Назревал бой, который мог окончиться гибелью Царской семьи. Но Яковлеву удалось вывести поезд с вокзала и направить его на станцию Екатеринбург-2 (Шарташ). Здесь и была осуществлена передача Царской четы и дочери в руки екатеринбургских главарей Белобородова, Голощекина и Дидковского. Отсюда их увезли в дом Ипатьева, а близких им людей — Долгорукова и Татищева — отправили в тюрьму.

Остальных членов Царской семьи — Наследника Алексея, Ольгу, Татьяну и Анастасию — поручают перевезти в Екатеринбург уже не Яковлеву, а Хохрякову и Я.М. Родионову. Под именем последнего

скрывался Я.М. Свикке¹, «наглый, в высшей степени нахальный человек с язвительной улыбочкой»². Родионов был руководителем всего конвоя. Он закрыл каюту Наследника снаружи, не разрешая ему выходить, а также запретил великим княжнам запи- раться в своих каютах изнутри.

Подобно Яковлеву Родионов (Свикке) был но- менклатурой Москвы. По его собственным словам, он выполнял роль тайного соглядатая Ленина и Дзержинского; имел собственного шифровальщи- ка Кованова. В своих воспоминаниях «Ясные дали» он рассказывает, что «книжка Лермонтова “Демон” служила между мной и В. И. Лениным для обмена зашифрованными заданиями и соответствующи- ми донесениями Ильичу»³. Из двух представителей Москвы, Яковлева и Родионова, в Екатеринбурге остается только последний.

В середине мая 1918 года Яковлев едет в Москву с отчетом, где его за эти заслуги назначают командар- мом Урало-Оренбургского фронта (без протекции Свердлова и Троцкого получить такой пост было нельзя), а затем командировается в Уфу на форми- рование 2-й армии. Здесь он переходит на сторону Комитета Учредительного собрания и составляет обращение к солдатам Красной армии: «...еще когда я был на Советской территории, мне, безусловно, хо- телось кликнуть клич среди вас, красноармейцы: “До- вольно крови, напрасной крови, бессмысленной нам, борьба напрасна, бесполезна”. Но что я мог сделать. Ведь стоило заикнуться о том специфическом насаж- дении социализма посредством искоренения тех не- счастливых крестьян и рабочих, для которых, собствен-

¹ Свидетельство С. Ильичевой. НБГ. 1991. № 1 (октябрь). Изд. НАПФ. Пардаугава (г. Рига).

² Соколов Н.А. Указ. соч. С. 112.

³ Свидетельство С. Ильичевой.

но, и сулят этот социализм, — как перед вами встали бы тени членов Чрезвычайной Комиссии для отправки в тюрьму, а затем как высшая награда социализма — расстрел...»¹ Несмотря на это обращение, он арестовывается белыми, но чудом спасается от смерти. Бежит в Китай, где, по слухам, выполняет поручение НКВД. По возвращении в Москву в 1928 году был арестован. Тут-то и начинается его тяжба с соратниками за лавры в деле убийства Царской семьи. В письме «Моим старым товарищам боевикам» Яковлев жалуется на «циническую обстановку», которая создана вокруг его имени некоторыми организаторами убийства Романовых, в частности Авдеевым и Быковым. «Мое неожиданное возвращение, — пишет он, — для этих игравших в моем деле “героев общественного мнения”, не в меру расхваставшихся, как спасали они революцию во время перевозки Романовых. Ошеломленные “герои” забегали, заметались... [ведь]... придется расстаться с наградой и доходами и сесть за клевету на скамью подсудимых». А суть дела была в том, что Быков и Авдеев, чтобы поднять себе цену в деле убийства Царя, объявили, что Яковлев пытался его спасти, и только их вмешательство помешало ему осуществить намерение. Но наверху, видимо, знали характер игры, которую вели Свердлов и Яковлев, и оставили навет без последствий. Правда, Яковлева все-таки посадили, но уже по другой статье. С 1929 по 1933 годы он сидит на Соловках и строит Беломорканал; в 1933 году досрочно освобождается со снятием судимости и снова зачисляется в органы НКВД, где занимает руководящие должности по линии тюрем и лагерей. Сначала он становится начальником Осиновской группы 2-го отделения Сиблага ОГПУ, с 1936 года получает назначение в

¹ Цит по: Источник. 1994. № 5. С. 70.

Томск на должность начальника Томского распределительного пункта НКВД, а затем начальника Анжерской КМР. В 1938 году был расстрелян.

Трагическая судьба ожидала и епископа Гермогена. Он был арестован в Тобольске и при отступлении большевиков перевезен в Екатеринбург. В июне 1918 года он в числе других пленников вместе с «Отрядом карательной экспедиции тобольского направления», возглавляемым П.Д. Хохряковым, был отправлен в Тобольск для предания «публичному суду». На пути в Тобольск Хохряков узнал, что город захвачен белыми, и начал лично убивать пленников. В числе первых был епископ Гермоген. Как рассказывали очевидцы, пьяные большевистские бандиты пытали его, а затем живым утопили в реке Туре как раз напротив села Покровского, родины Григория Распутина¹.

А через некоторое время после отхода большевиков из Тобольска бывший комиссар Временного правительства Пигнатти устраивает аукционный торг имущества Царской семьи, которое она не смогла увезти в Екатеринбург². Было это через три дня после убийства Царской семьи большевиками.

¹ ТФГАТО, ф. 772, оп. 2, д. 5, л. 108.

² Там же, л. 59.

ГЛАВА 14

Совершение кровавого ритуала. — Выбор комнаты. — Жертвы расставлены по определенным местам. — Обычай иудейских сект. — Раввин, внук раввина и хасид. — Заклание Царствующей Династии. — Спор цареубийц

Для ритуального убийства заранее была выбрана одна из комнат нижнего, подвального этажа. Ее размер составлял 5,3х4,4 метра. В комнате имелось единственное окно с двойными рамами, обращенное в сторону Вознесенского переулка, покрытое снаружи толстой железной решеткой. Из комнаты этой нельзя было убежать, за ней находилась глухая кладовая. Комната была сильно углублена в землю и закрыта снаружи высоким забором. Шум, исходивший из этой комнаты, в значительной степени поглощался землей. Низкий сводчатый потолок, опиравшийся на каменную арку, тусклая электролампочка и полосатые желтые обои завершали состояние обреченности, которое ощущали жертвы, оказавшиеся в ней. Вероятно, такое же состояние испытывали христианские мученики, связанные по рукам и ногам иудейскими сектантами перед обрядом обескровливания тела для получения крови в ритуальных целях.

Для совершения убийства комнату освобождают от мебели. В смежном помещении прячется команда убийц. В нее входят Я.Х. Юровский, П.З. Ермаков, П.С. Медведев, Г.П. Никулин, М.А. Медведев (Кудрин), позднее к ним присоединились А.Г. Кабанов, и несколько (5—7) «латышей» возглавляемых, по-видимому, Родионовым (настоящая фамилия Свикке). В числе «латышей» кроме самого Свикке были пятеро из команды латышей внутреннего

караула¹. Двое из них «отказались стрелять в девицу» и сразу же были заменены другими латышами. Команда собралась не сразу. Ермаков вместе с чекистом М.А. Медведевым, которым поручено спрятать трупы, опаздывают на полтора часа.

Наконец Ермаков приезжает в дом Ипатьева в легковом автомобиле Р.И. Берзина. Вместе с Ермаковым в автомобиле находился и И.И. Голощекин. Вероятно, раньше их в дом прибывает Белобородов. Чуть позднее к дому подходит управляемый шофером С.И. Люхановым 3,5-тонный грузовик «Фиат», который загоняют во двор и оставляют с работающими двигателями. По замыслу убийц его шум и хлопки должны заглушить выстрелы и крики. В одной из комнат нижнего этажа затаился и, видимо, начал выполнять определенные ритуальные действия еврей «с черной, как смоль бородой»², вероятно раввин.

В ритуальном действе участие принимают три ожесточенных иудея: прибывший тайно раввин, внук раввина Я.Х. Юровский и выученик невеликих хасидов Ш.И. Голощекин. Последний как представитель Я.М. Свердлова лично в расстреле не

¹ Вот имена всех латышей, состоявших во внутренней охране Ипатьевского дома: Я.М. Цельмс, Я. Каяке, Я.М. Сникер, Я. Индриксон, Н.П. Круминыш, К.Б. Круминыш, Э.Озолиныш, Э.Ф. Сирупс, К. Пратник, Э.А. Рубенис (свидетельство С. Ильичевой, встречавшейся с комиссаром Отряда особого назначения, часть которого несла службу внутренней охраны в доме Ипатьева).

² О еврее с черной бородой сообщает участвовавший в следствии Р. Вильтон. По его свидетельству, этот еврей прибыл, по-видимому, из Москвы в сопровождении собственной охраны в обстановке полной секретности (*Вильтон Р. Последние дни Романовых. Берлин, 1923. С. 92*). «О прибытии некоего высокопоставленного еврея из Москвы свидетельствует найденный следствием в камине Ипатьевского дома незаполненный бланк на идише издававшегося в Москве периодического издания — органа центрального комитета еврейской коммунистической организации. Характерно, что редакция располагалась в здании, находившемся на Варварке, как раз напротив палат Романовых» (*Фомин С. Россия перед вторым пришествием. Т. 2. С. 671*).

Царская Семья Романовых: Николай Александрович, Ольга Николаевна, Татьяна Николаевна, Мария Николаевна, Анастасия Николаевна, Алексей Николаевич

участвовал, но должен был проследить за его исполнением. Он был главным ответственным за совершение изуверского обряда перед вождями еврейских большевиков и Я. Шиффом. Не исключено, что во время ритуального убийства Голощекин находился рядом с раввином.

Около двух часов ночи Юровский будит царского врача Боткина (он спал недалеко от двери) и просит его поднять всех остальных. «Ввиду того, что в городе неспокойно, необходимо перевести семью Романовых из верхнего этажа в нижний». Семья одевалась и умывалась около получаса. Затем Юровский свел их по лестнице в подготовленную комнату.

Внук раввина заводит членов Царской Династии Русского Православного Царства через дверь, расположенную в западной части комнаты, и расстав-

ляет их в определенном порядке напротив восточной и частично южной стен. На восток обращены алтари христианских церквей. В наступлении на восток с запада идет движение антихриста. По замыслу организаторов кровавого ритуала Русский Царь, Удерживающий Христианского мира, должен пасть как алтари

Анна Степановна (Стефановна) Демидова, камер-юнгфера (горничная)

христианских церквей. На заклание ставится не простой человек, а Помазанник Божий, его супруга, потомство и верные слуги. Умереть должны все, брызгами своей крови оросив друг друга. Юровский заканчивает последние приготовления к ритуалу. В напряженной готовности за стеной застыли раввин и Голощекин. Молча наблюдает за всем Белобородов. В комнате Император Николай Александрович, Императрица Александра Федоровна, их сын, Наследник Престола четырнадцатилетний Царевич Алексей, их дочери: двадцатитрехлетняя Ольга, двадцатиоднолетняя Татьяна, девятнадцатилетняя Мария и семнадцатилетняя Анастасия, личный врач Царской семьи Евгений Сергеевич Боткин, личный повар Харитонов, царский лакей Трупп и комнатная девушка Царицы Анна Демидова. В комнате нет мебели, и Александра Федоровна просит принести стулья. Приносят только два. На один усаживают Государыню, на другой — Царевича Алексея. На

некоторое время устанавливается напряженное молчание. По установленному сигналу входят двенадцать человек. Юровский зачитывает смертный приговор. И сразу гремят залпы, начинается бойня. Государь и Государыня пали первыми. Другим предстоит испытать еще страшные муки. «Алексей, три из его сестер, фрейлина и Боткин были еще живы, — пишет Юровский. — Их пришлось

Евгений Сергеевич Боткин, почетный лейб-медик

пристреливать. Это удивило... [меня]... т.к. целили прямо в сердце. Удивительно было и то, что пули от наганов отскакивали от чего-то рикошетом и как град прыгали по комнате. Когда одну из девиц пытались доколоть штыком, то штык не мог пробить корсаж»¹. (Позднее, когда начался грабеж и убийцы стали раздевать свои жертвы, выяснилось, что на девушках были надеты корсеты с зашитыми в них бриллиантами, о них и рикошетили пули. Царь с Царицей знали, что им отсюда живыми не выйти, но надеялись на спасение своих дочерей, которым передали свои драгоценности.)

Так излагал события сам Янкель Юровский. Но дам слово и другим участникам. Охранник Стре-

¹ Здесь и далее записку Юровского я даю по экземпляру, хранящемуся в бывшем Свердловском партархиве. По ряду деталей она отличается от опубликованной ранее.

котин вспоминает, что в ту ночь к нему подошел начальник караула Медведев и подал ему револьвер. «— Для чего он мне? — спросил я Медведева. — Скоро будет расстрел, — сказал он мне и быстро удалился. Вскоре вниз спустился с Медведевым Никулин¹ и еще кто-то, не помню. Зашли в одну из комнат и вскоре ушли обратно. Но вот вниз спустилась неиз-

Алоизий Егорович Трупп (А.-Л. Труппс), лакей

вестная для меня группа людей, человек 6—7. Никулин ввел их в эту комнату, в которой он только что был перед этим. Теперь я окончательно убедился, что готовится расстрел. Но я не мог представить — когда, где и кто будет исполнителем. Вверху слышались электрозвонки, потом шорох ходьбы людей (звонками будили царскую семью), наконец слышу шаги людей, вниз спускалась вся семья Романовых и их приближенные. Тут же идут Юровский, Никулин, Медведев и Ермаков, последнего я знал по дутовскому фронту...

Все арестованные были одеты по обыкновению чисто и нарядно. Царь на руках несет своего сына... Царевна, дочь Анастасия, несет на руках маленькую курносую собачку, экс-императорша под ручку со своей старшей дочерью — Ольгой...

¹ Стрекотин по ошибке называет Никулина Окуловым (наверно, по ассоциации с акулой). Всюду в тексте я исправил эту ошибку.

Никулин вскоре вышел обратно, проходя мимо меня он сказал: для наследника понадобилось кресло, видимо, умереть он хочет в кресле. Ну что ж, пожалуйста, принесем. Когда арестованные были введены в комнату, в это время группа людей, что раньше вошла в одну из комнат, и направилась к комнате, в которую только что ввели арестованных. Я пошел за ними, оставив свой пост. Они и я остановились в дверях комнаты.

Юровский коротким движением рук показывает арестованным, как и куда нужно становиться, и спокойно, тихим голосом — пожалуйста, вы станьте сюда, а вы вот сюда, вот так в ряд.

Арестованные стояли в два ряда, в первом — вся царская семья, во втором — их лакеи, Наследник сидел на стуле. Правофланговым в первом ряду стоял царь. В затылок ему стоял один из лакеев. Перед царем, лицом к лицу, стоял Юровский, держа правую руку в кармане брюк, а в левой держал небольшой листок, потом он читал приговор... Не успел он закончить последние слова, как царь громко переспросил: “как, я не понял? Прочитайте еще раз”. Юровский читал вторично, при последнем слове он моментально вытащил из кармана револьвер и выстрелил в упор в царя. Сойкало несколько голосов. Царица

Иван Михайлович Харитонов, старший повар

и дочь Ольга пытались “осенить себя крестным знаменем” (так в тексте. — *О.П.*), но не успели. Одновременно с выстрелом Юровского раздалась выстрелы групп людей, специально призванных для этого, — царь “не выдержал” единственной пули нагана, с силой упал навзничь. Свалились и остальные десять человек. По лежащим было сделано еще несколько выстрелов.

Михаил Кабанов, комиссар, помощник начальника тюрьмы № 2

Дым заслонил электрический свет и затруднил дыхание. Стрельба была прекращена, были раскрыты двери комнаты с тем, чтоб дым разошелся.

Принесли носилки, начали убирать трупы, первым был вынесен труп царя. Трупы выносили на грузовой автомобиль, находящийся во дворе, когда клали на носилки одну из дочерей, она вскричала и закрыла лицо рукой. Живыми оказались также и другие. Стрелять было уже нельзя, при раскрытых дверях выстрелы могли быть услышаны на улице. По словам товарищей из команды, даже первые выстрелы были слышны на всех внутренних и наружных постах. Ермаков взял у меня винтовку со штыком и доколот всех, кто оказался живым. Когда были вынесены трупы, и ушла автомашина, только после этого наша смена была сменена с дежурства»¹.

¹ СПА, ф. 221, оп. 2, д. 849, л. 1–18.

«Арестованные уже все лежали на полу, истекая кровью, а Наследник все еще сидел на стуле, — дополняет Стрекотин в другом варианте своих воспоминаний. — Он почему-то долго не упал со стула и оставался еще живым. Впритруть начали ему стрелять в голову и грудь, наконец, и он свалился со стула. С ними вместе

А.Г. Белобородов

была расстреляна и та собачка, которую принесла с собой одна из дочерей... Трупы выносили на грузовой автомобиль, находящийся во дворе. Второй на носилки стали ложить одну из дочерей Царя, но она оказалась живой, закричала и закрыла лицо рукой. Кроме того, живыми оказались еще одна из дочерей и та особа, дама, которая находилась при царской семье. Стрелять в них было уже нельзя, так как двери все внутри здания были раскрыты, тогда тов. Ермаков, видя, что я держу в руках винтовку со штыком, предложил мне доколоть оставшихся в живых. Я отказался, тогда он взял у меня из рук винтовку и начал их докалывать. Это был самый ужасный момент их смерти. Они долго не умирали, кричали, стонали, передергивались. В особенности тяжело умерла та особа — дама. Ермаков ей всю грудь исколол. Удары штыком он делал так сильно, что штык каждый раз глубоко втыкался в пол. Один из расстрелянных мужчин, видимо, стоял до расстрела во втором ряду и около угла комнаты, и когда их стреляли, он упасть не мог, а просто присел

в угол и в таком положении остался умершим»¹.

«Последней пала, — пишет в своих записках восемнадцатилетний участник убийства Виктор Никифорович Нетребин, — горничная Царицы (Демидова. — *О.П.*), которая защищалась подушечкой, находящейся у ней в руках. Но очень долго были признаки жизни у бывшего

П.Л. Войков

наследника, несмотря на то, что он получил много выстрелов. Младшая дочь б. царя упала на спину и притаилась убитой. Замеченная тов. Ермаковым, она была убита выстрелом в грудь. Он, встав на обе (ее. — *О.П.*) руки, выстрелил ей в грудь»².

Свою версию событий дает П.З. Ермаков. По ней, он был главным организатором и исполнителем убийства всех членов Царской семьи и лично сам убил Царя. О подоплеке этой версии мы еще расскажем позднее, а сейчас слово Ермакову. «Когда позвали меня, — пишет он, — то мне сказали: — на твою долю выпало счастье — расстрелять и схоронить так, чтобы никто и никогда их трупы не нашел, под личную ответственность. Сказали, что мы доверяем как старому революционеру. Поручение я принял и сказал, что будет выполнено точно, подготовил место, куда вести и как скрыть, учитывая все обстоятельства важности момента политического. Когда я доложил Белобородову, что могу выпол-

¹ СПА, ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 164.

² Там же.

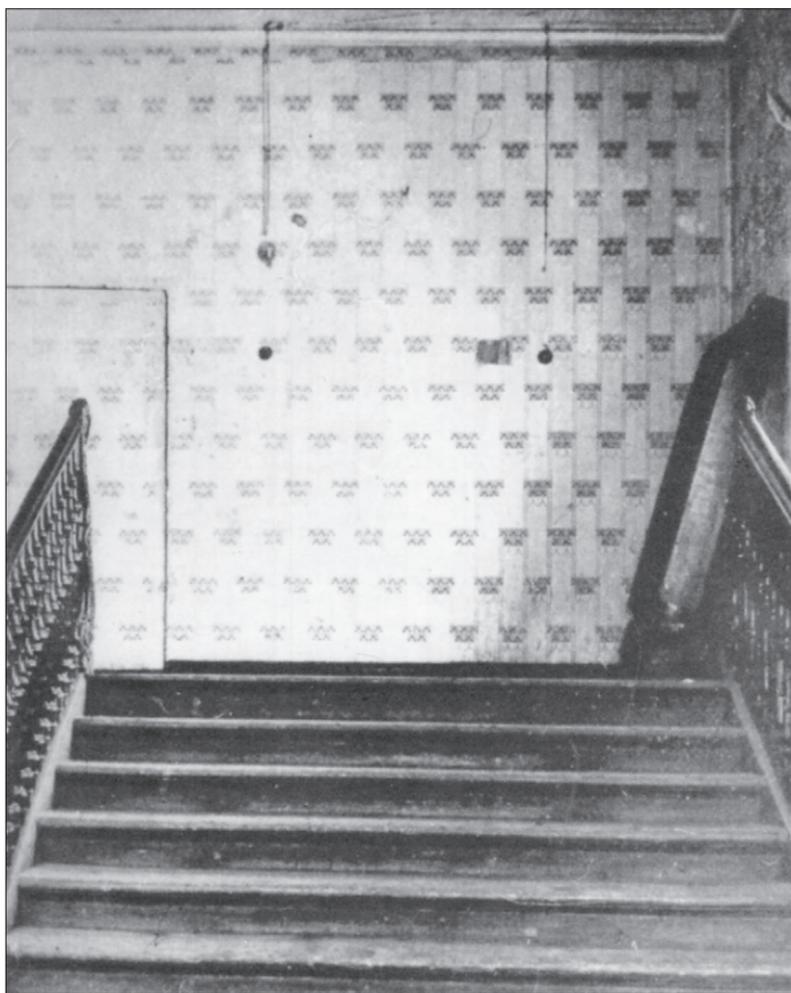
нить, то он сказал: “сделай так, чтобы были все расстреляны, мы это решили”. Дальше я в рассуждения не вступал, стал выполнять так, как это нужно было. Получил постановление 16 июля в 8 часов вечера, сам прибыл с двумя товарищами и др. латышом, теперь фамилии не знаю, но который служил у меня в отряде, в отделе карательном.

И.И. Родзинский

Прибыл в 10 часов ровно в Дом особого назначения, вскоре пришла моя машина малого типа грузовая. В 11 часов было предложено заключенным Романовым и их близким, с ними сидящим, спуститься в нижний этаж. На предложение сойти вниз были вопросы, для чего? Я сказал, что вас повезут в центр, здесь вас держать больше нельзя, угрожает опасность, как наши вещи, спросили, я сказал, ваши вещи мы соберем и выдадим на руки, они согласились, сошли книзу, где для них были поставлены стулья вдоль стены. Хорошо сохранилось у меня в памяти. 1 фланга сел Николай, Алексей, Александра, ст. дочь, Татьяна, далее доктор Боткин сел, потом фрейлина и дальше остальные.

Когда все успокоилось, тогда я вышел, сказал своему шоферу: действуй, он сказал, что надо делать, машина загудела, появились хлопки, все это нужно было для того, чтобы заглушить выстрелы, чтобы не было звука слышно на воле, все сидящие чего-то ждали, у всех было напряженное состояние, изредка перекидывались словами, но Александра несколько слов сказала не по-русски, когда все было

Дом Ипатьева. Парадная лестница. Фото Н. Введенского. 1918 г.

в порядке, тогда я коменданту Юровскому дал в кабинете постановление областного исполнительного комитета, то он усомнился, почему всех, но я ему сказал, надо всех и разговаривать нам с вами долго нечего, время мало, пора приступить. Я спустился книзу совместно с комендантом, надо сказать, что уже заранее было распределено, кому и как стрелять. Я себе самого взял Николая, Александру, дочь,

Алексея потому, что у меня был маузер, им можно *верно работать* (выделено мною. — *О.П.*), остальные были наганы. После спуска в нижний этаж, мы немного обождали, потом комендант предложил всем встать, все встали, но Алексей сидел на стуле, тогда

*Дом Ипатьева. Будуар М.Ф. Ипатьевой, где жили царские дочери.
Фото Н. Введенского. 1918*

*Комната-спальня, где проживал Николай II с супругой и наследником.
Фото Н. Введенского. 1918 г.*

стал читать приговор-постановление, где говорилось по постановлению Исполнительного комитета расстрелять. Тогда у Николая вырвалась фраза: так нас никуда не повезут? Ждать дальше было нельзя, я дал выстрел в него в упор, он упал сразу, но и остальные также. В то время поднялся между ними плач, один другому бросался на шею, затем дали несколько выстрелов и все упали. Когда я стал осматривать их состояние, которые (так и в подлиннике. — *О.П.*) были еще живы, то я давал новый выстрел в них. Николай умер с одной пули, жене дано две и другим также по несколько пуль...»¹.

К воспоминаниям Ермакова следует относиться с большой осторожностью — психически надломленный, постоянно нетрезвый, Ермаков был склонен к хвастовству и вранью. В своей краткой биографии, написанной им в 1932-м, он описывал свое

¹ СПА, ф. 221, оп. 2, д. 774, л. 8–9.

участие в цареубийстве так, как будто он совершил его единолично и сам же уничтожил трупы. Вот его откровения, хранящиеся в бывшем Свердловском партийном архиве:

«Уральским Исполнительным Комитетом я был назначен начальником охраны дома особого назначения, где содержался бывший Царь Романов и его семья под арестом.

16 июля 1918 года по постановлению Областного Исполнительного Комитета о расстреле бывшего Царя Романова я постановление привел в исполнение, сам Царь, а также и семья была мною расстреляна. И лично мной самим трупы были сожжены. При захвате белыми Свердловска остатков трупов Царя найти не удалось.

3 августа 1932 года»¹.

Некоторые подробности об убийстве Царской семьи в 1921 году сообщил один из организаторов преступления П. Быков. Однако в его статье многие сведения намеренно фальсифицируются. Вину за расстрел он пытается переложить на левых эсеров, главным организатором у него представлен Ермаков и ни слова не говорится об определяющей роли Голощекина и Юровского. Вопрос о расстреле Романовых, пишет Быков, ставился на заседании Совета «еще в конце июня». На немедленном расстреле настаивали больше всех Хотимский, Сакович и другие члены Совета из партии левых эсеров. «Вопрос о расстреле Николая Романова и всех бывших с ним принципиально был разрешен в первых чис-

¹ СПА, ф. 41, оп. 2, д. 79; как вспоминал о Ермакове его подельник по преступлению Г.П. Никулин: «И вот этот товарищ Ермаков, о котором я рассказывал, который себя неприлично вел, присваивая себе после главенствующую роль, что это он все совершил единолично, без всякой помощи. И когда ему задавали вопрос: “Ну, как же ты сделал?” – “Ну, просто, говорил, брал, стрелял и все”» (РЦХИДНИ, ф. 588, оп. 3с, д. 13, л. 18).

лах июля. Организовать расстрел и назначить день поручено было президиуму Совета. Приговор был приведен в ночь с 16 на 17 июля.

В заседании президиума В.Ц.И.К., состоявшемся 18 июля, председатель Я.М. Свердлов сообщил о расстреле бывшего царя. Президиум В.Ц.И.К., обсудив все обстоятельства, заставившие Уральский Областной Совет принять решение о расстреле Романова, постановление Урал-совета признал правильным <...>

Организация расстрела и уничтожения трупов расстрелянных поручена была одному надежному революционеру, уже побывавшему в боях на дутовском фронте, рабочему В.-Исетского завода — Петру Захаровичу Ермакову. Самую казнь бывшего царя нужно было обставить такими условиями, при которых было бы невозможно активное выступление приверженцев царского режима. Поэтому избран был такой путь.

Дом Ипатьева. Гостиная, где проходила последняя церковная служба Царской Семьи. Фото Н. Введенского

Семье Романовых было объявлено, что из верхнего этажа, в комнатах которого они помещались, им необходимо спуститься в нижний. Вся семья Романовых — бывший царь Николай Александрович, жена его Александра Федоровна, сын Алексей, дочери, домашний доктор семьи Боткин, “дядька” Наследника и бывшая принцесса-фрейлина, оставшиеся при семье, — около 10 часов вечера сошли вниз. Все были в обычном домашнем платье, т.к. спать всегда ложились позже. Здесь, в одной из комнат полуподвального этажа, им всем предложили стать у стены. Комендант дома, бывший в то же время и уполномоченным Уралсовета, прочитал смертный приговор и добавил, что надежды Романовых на освобождение напрасны — все они должны умереть. Неожиданное известие ошеломило осужденных, и лишь бывший царь успел сказать вопросительно — “так нас никуда не повезут?” Выстрелами из револьверов с осужденными было покончено... При расстреле присутствовало только четыре человека, которые и стреляли в осужденных.

Около часу ночи трупы казненных были отвезены за город в лес, район Верх-Исетского завода и дер. Палкиной, где и были на другой день сожжены. Самый расстрел прошел незаметно, хотя и был произведен почти в центре города. Выстрелы не были слышны, благодаря шуму автомобиля, стоявшего под окнами дома во время расстрела. Даже караул по охране дома не знал о расстреле и еще два дня спустя аккуратно выходил в смену на наружных постах»¹.

В начале 90-х опубликованы материалы о существовании еще одного претендента на «честь» убий-

¹ *Быков П.М.* Последние дни последнего Царя // Сб. «Рабочая революция на Урале. Эпизоды и факты». Екатеринбург, 1921. С. 19–26.

Дом Ипатьева. Столовая. Здесь Царская Семья была собрана перед выходом в расстрельный подвал. Фото Н. Введенского

цы Царя. Всплывает некто Михаил Александрович Медведев (Кудрин), член Уральской коллегии Чека. Ранее это имя нигде не фигурировало. Был известен Павел Спиридонович Медведев, соратник Юровского, начальник караула. О нем упоминает Стрекотин, они оба были земляки, родом из Сысерти. При бегстве красных Медведев попал в плен, был опознан, допрошен следователем Соколовым. Ему он сообщил много подробностей убийства, утаив свое участие в нем (во время убийства его якобы посылали на улицу послушать, не слышно ли выстрелов). При обыске у Медведева были обнаружены вещи Царской семьи. В общем, чтобы спасти свою шкуру, Павел Спиридонович честно «раскололся», заложив всех своих соратников. Умер он в тюремной больнице от тифа в 1919 году. И вот другой Медведев — участник убийства. Есть запись беседы с сыном этого «нового» Медведева.

«— Значит, Царя убил ваш отец?! И вы знали об этом?»

— Разумеется, отец рассказывал. И не только отец... у нас часто собирались участники Екатеринбургского дела.

— Но ведь была, наверное, какая-то договоренность заранее — кто в кого должен стрелять?

— Разумеется, была. И договоренность была такая: Петр Ермаков, верхисетский комиссар, получил право застрелить Царя, Царицу — Юровский, Никулин должен был стрелять в Алексея, отец — в Марию... Но когда они реально вошли в комнату, отец оказался как раз напротив Царя, Никулин — напротив Алексея, Юровский — напротив Царицы... И когда Юровский закончил, отец выстрелил в Царя и убил его первой пулей. Кстати, свой браунинг он сдал потом в Музей Революции»¹.

Сохранились и воспоминания этого участника убийства, в которых главную роль злодеяния он приписывает себе. «Стремительно входит Юровский и становится рядом со мной. Царь вопросительно смотрит на него. Слышу зычный голос Якова Михайловича:

— Прошу всех встать!

Легко, по-военному встал Николай II; зло сверкнув глазами, нехотя поднялась со стула Александра Федоровна. В комнату вошел и выстроился как раз против нее и дочерей отряд латышей: пять человек в первом ряду, и двое — с винтовками — во втором. Царица перекрестилась. Стало так тихо, что со двора через окно слышно, как тарыхтит мотор грузовика. Юровский на полшага выходит вперед и обращается к Царю:

— Николай Александрович! Попытки ваших единомышленников спасти Вас не увенчались успехом! И вот, в тяжелую годину для Советской республики... — Яков Михайлович повышает голос и рукой рубит воз-

¹ Огонек. 1990. № 2. С. 27.

дух: — ...на нас возложена миссия покончить с Домом Романовых! Женские крики: “Боже мой! Ах! Ох!” Николай II быстро бормочет: “Господи, боже мой! Господи, боже мой! Что ж это такое?!”

— А вот что такое! — говорит Юровский, вынимая из кобуры маузер.

Дом Ипатьева. Анфилада дверей западной части. Фото Н. Введенского

Дом Ипатьева. Лестница в ад. Роковые 23 ступени вниз по пути в расстрельную комнату в подвал. Фото Н. Введенского

— Так нас никуда не повезут? — спрашивает глухим голосом Боткин. Юровский хочет ему что-то ответить, но я уже спускаю курок моего браунинга и всаживаю первую пулю в Царя. Одновременно с моим вторым выстрелом раздается первый залп латышей и моих товарищей справа и слева. Юровский и Ермаков

также стреляют в грудь Николая II почти в упор. На моем пятом выстреле Николай II валится снопом на спину.

Женский визг и стоны. Слышно, как лязгают рикошетом пули от каменных столбов, летит известковая пыль. В комнате ничего не видно из-за дыма — стрельба идет уже по еле видимым падающим силуэтам в правом углу. Затихли крики, но выстрелы еще грохочут — Ермаков стреляет из третьего нагана. Слышим голос Юровского:

— Стой! Прекратить огонь!

Тишина. Звонит в ушах. Яков Михайлович предлагает мне с Ермаковым, как представителям ЧК в Красной Армии, засвидетельствовать смерть каждого члена царской семьи. Вдруг из правого угла комнаты, где зашевелилась подушка, женский радостный крик:

— Слава Богу! Меня Бог спас!

Шатаясь, подымается уцелевшая горничная — она прикрылась подушками, в пуху которых увязли пули. У латышей уже расстреляны все патроны, тогда двое с винтовками подходят к ней через лежащие тела и штыками прикалывают горничную. От ее предсмертного крика очнулся и часто застонал легко раненный Алексей — он лежит на стуле. К нему подходит Юровский и выпускает три последних пули из своего маузера. Парень затих и медленно сползает на пол к ногам отца. Мы с Ермаковым щупаем пульс у Николая — он весь изрешечен пулями, мертв. Осматриваем остальных и достреливаем из кольта и ермаковского нагана еще живых Татьяну и Анастасию. Теперь все бездыханны. Яков Михайлович поручает мне проследить за переносом трупов и погрузкой в автомобиль. Первого на одеяло укладываем лежащего в луже крови Николая II. Красноармейцы выносят останки Императора во двор. Я иду за ними. В проходной комнате вижу

Павла Медведева — он смертельно бледен и его рвет, спрашиваю, не ранен ли он, но Павел молчит и машет рукой.

Около грузовика встречаю Филиппа Голощекина.

— Ты где был? — спрашиваю его.

— Гулял по площади. Слушал выстрелы. Было слышно.

Нагнулся над царем.

— Конец, говоришь, династии Романовых? Да...

Красноармеец принес на штыке комнатную собачонку Анастасии — когда мы шли мимо двери (на лестницу во второй этаж), из-за створок раздался протяжный жалобный вой — последний салют Императору Всероссийскому. Труп песика бросили рядом с царским.

— Собакам — собачья смерть! — презрительно сказал Голощекин.

Я попросил Филиппа и шофера постоять у машины, пока будут носить трупы. Кто-то приволок рулон солдатского сукна, одним концом расстелили его на опилки в кузове грузовика — на сукно стали укладывать расстрелянных...»¹

«Приоритет» М.А. Медведева в убийстве Царя «подтверждается» показаниями пулеметчика Дома особого назначения А.Г. Кабанова², писавшего в 1964 году сыну «претендента на честь»: «Тот факт, что от пули Вашего отца умер Царь — это тогда знали все работники уральской Чека».

Кабанов в этом письме вспоминает: «Когда я слез с чердака (на котором находилась пулеметная точка. — О.П.), то увидел такую картину: две младшие дочери царя, прижавшиеся к стенке, сидели на корточках и закрывали головы руками, а в их головы

¹ Совершенно секретно. 1993. № 8.

² О Кабанове упоминает в своей книге Н.А. Соколов.

«Убийство Царской Семьи». Художник С. Сармат

в это время двое стреляли. Алексей лежал на полу, в него также стреляли. Фрельна лежала на полу еще живая. Когда я вбежал в помещение казни, я крикнул, чтобы немедленно прекратили стрельбу (было слышно на улице. — О.П.), а живых dokonчили штыками, но к этому времени в живых остались только Алексей и фрельна. Один из товарищей в грудь фрельны стал вонзать штык американской винтовки “Винчестер”. Штык вроде кинжала, но тупой, и грудь не пронзал, а фрельна ухватилась обеими руками за штык и стала кричать, но потом ее и трех царских собак добили прикладами ружей»¹.

О своей причастности к убийству Царя в 1960-е годы рассказывал журналистке С. Ильичевой быв-

¹ Источник. 1994. № 5. С. 72.

ший военный комиссар Отряда особого назначения, часть которого несла охранную службу внутренней охраны дома Ипатьева, латыш Я.М. Свикке, известный в 1918 году в Екатеринбурге под фамилией Родионов. В 60-е годы это был известный латышский деятель, профессор Латвийского университета. Многие над ним посмеивались, не принимая всерьез. Он так же, как и Ермаков, утверждал: «*Это я убил Царя!*»¹ Как я уже отмечал выше, по словам Свикке, он имел личную связь с Лениным, с которым общался с помощью специального шифровальщика Кованова.

Еще один претендент на «честь» быть убийцей Царя – матрос П.Д. Хохряков. Об этом он сам рассказывал, показывая пистолет «кольт» образца 1911 года, из которого им был якобы убит Император. После смерти Хохрякова, погибшего на фронте, этот револьвер попал к начальнику интернационального отряда в Перми Оржеховскому, который дорожил им как историческим².

Итак, пять человек заявляют о своей личной причастности к убийству Царя – Юровский, Ермаков, М. Медведев, Родионов (Свикке) и Хохряков. Кто же из них в самом деле был «физическим» убийцей? Но вот что сразу же бросается в глаза: сведения об убийстве Царя Юровским даются не только в его записке, но и в воспоминаниях охранников караула. Сведения об убийстве Государя Ермаковым, кроме его записок, не подтверждаются никем. Да и сами записки относятся к более позднему времени. Об убийстве Царя М. Медведевым известно из его воспоминаний и подтверждается Никулиным и А. Ка-

¹ Ильичева С. Указ. соч.

² Дитерихс М.К. Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале. Ч. I. М., 1991 (далее – Дитерихс).

Дом Ипатьева. Расстрельная комната. 1918. Фото Н. Введенского

бановым уже в 60-е годы. Об участии Хохрякова известно только со слов его товарищей.

В начале 30-х годов Юровский выступает с воспоминаниями перед старыми большевиками (сохранилась стенограмма)¹, в зале сидят живые участники событий и люди, знавшие о них из первых рук. Юровский прямо заявляет, что именно он убил Царя. Еще живы Ермаков, Никулин, М. Медведев, Радзинский, Кабанов. Если это неправда, почему они молчат?

А молчат они потому, что еще не настало время переписывать историю. Оно приходит тогда, когда большая часть организаторов екатеринбургского убийства оказывается в числе осужденных за участие в троцкистской оппозиции, за связь с Троцким. Не умри Юровский раньше (тяжелая болезнь спасла его от смерти в лагере), и его бы закопали в одну яму с Голощекиным, Сафаровым, Белобородовым,

¹ Хранится в бывшем Свердловском партархиве.

Сосновским как их старого соратника. Упоминание о нем тянет ниточку к ним. Поэтому о нем следует забыть, что и происходит вплоть до конца 50-х годов, когда память о нем реанимируется усердием его детей. Я еще расскажу, как перед самой войной с Ермаковым «будут работать» люди Берии. И версия Ермакова закрепится в его официальных воспоминаниях (в то же время записка Юровского исчезнет из хранилища Музея Революции). Новую трактовку событий поддержат и силы, заинтересованные представить дело так, что убийство русского Царя совершил русский рабочий, а не внук раввина Янкель Юровский.

ГЛАВА 15

*Продолжение цареубийства. — Отношение к Царю белых
вождей. — Незаинтересованность в расследовании. — Первые
следователи: еврей Наметкин и социалист Сергеев*

17 июля 1918 года русский народ перешагнул мистическую черту, за которой у него уже не оставалось надежды на ближайшее спасение. Пока у России был законный Царь, существовала и надежда на возрождение. С гибелью Царя кончилась Великая Россия. Началась эпоха чуждых и враждебных русскому народу политических лицедеев, приготавливающих страну к пришествию антихриста.

Незадолго до убийства Царя на Соборе Русской Православной Церкви в 1918 году были сказаны слова, которые определили для русских людей содержание всего XX столетия: *«Мы свергли Царя и подчинились евреям!.. Русский народ ныне стал игралищем еврейско-масонских организаций, за которыми виден уже антихрист в виде интернационального царя, что, играя фальшивую свободу, кует еврейско-масонское рабство»*¹.

Совершив свое ритуальное преступление, цареубийцы — еврейские большевики и их иудейско-масонские союзники — делают все возможное, чтобы изгладить из сознания народа память о Православном Царе. Низкие преступники, воры и убийцы, захватившие власть в стране, обрушивают на Царственных мучеников горы лжи и клеветы, предъявляя им самые немислимые обвинения, которые могли родиться только в растленных головах. Большевицкая пропаганда породила целую армию

¹ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. М., 1918. Кн. V. Вып. 1. С. 43.

наемных писак, изощрявшихся в фантастических выдумках и наветах по адресу убитых Царя и его Семьи. Не отставали от них и масонские публицисты, заполнившие книжный рынок желтой литературой о Царе, Царице, Распутине и даже царских детях. Пожалуй, не было такого преступления или порока, которых эти духовные цареубийцы не приписывали бы Царственным мученикам. Конечно, духовные и физические цареубийцы всегда были врагами России. С них спрос особый, но великий грех был и у русского народа, многие представители которого читали эту клеветническую литературу и верили ей, таким образом становясь на одну доску с врагами России.

Желябовский дух ненависти к Царю и исторической России пронизал значительную часть русского народа, сделав его молчаливым соучастником цареубийц. Желябовским духом цареубийства были проникнуты не только еврейские большевики и масоны, но и вожди белых армий. Если большевики погубили Царя физически, злодейски лишив его жизни, то белые генералы пытались убить саму память о Царе, как Православном возглавителе русского народа. *«Желябовы, — писал протоиерей В. Востоков, — знают, что после смерти Царя жив царелюбивый дух в народе, боятся его: вот-вот он воспламенится в живую стихийную силу и сметет своих поработителей, как зловонную пыль, а потому-то они и после убийства Царской Семьи упорно продолжают желябовщину: сылятся убить самую мысль о Царе в сознании народа и, увы, домогаются этого идейного цареубийства чрез глупых и безсовестных русских же людей»¹.*

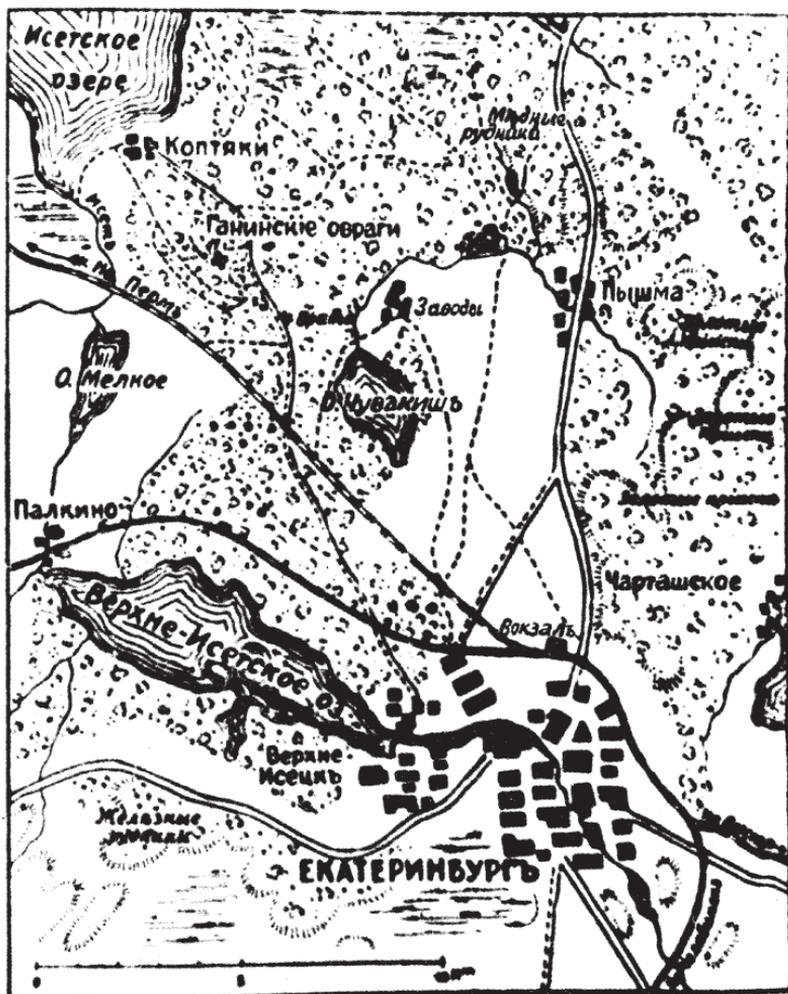
¹ Востоков В., протоиерей. Когда желябовы смеются — Россия плачет. Белград, 1926. С. 8–9.

Белые генералы и их масонское окружение¹ сделали немало, чтобы вытравить дух православной монархии из сознания русского воинства, боровшегося с большевиками, и тем самым обрекли Белое движение на поражение. В белых армиях монархические взгляды осуждались вождями, провозгласившими себя республиканцами, а послушные архиереи не благословляли священников молиться за Царя. Генерал Деникин в разговоре с друзьями откровенничал: *«Вы думаете, что я иду на Москву восстановить трон Романовых? — Никогда!»* Подобные взгляды разделяли Колчак и Врангель. Последний даже официально запретил монархическую пропаганду в войсках.

Как справедливо писал священник Востоков: *«Вожди (Белого движения. — О.П.) постыдились заветов Св. Руси, а Господь их самих постыдился! Много пролито крови, положено трудов, совершено подвигов в Белом движении, и все-таки оно погибло! Не пренебрегай историческими основами народной жизни! Не пресмыкайся перед революцией!»*

Космополитическая идеология большинства белых вождей наложила свой отпечаток на ход первого этапа расследования цареубийства. Назначенные Временным областным правительством Урала сле-

Правительство Колчака возглавлял (а позднее был просто министром) масон П. Вологодский, министром финансов — масон П.А. Бурышкин. Северо-Западное правительство генерала Юденича составляли в большинстве своем масоны во главе с «братом» С.Г. Лианозовым. Министром торговли в правительстве Юденича был видный масонский конспиратор и аферист М. Маргулиес. Министром в этом правительстве был масон Е.И. Кедрин. Под полным контролем масонских конспираторов находилось и правительство Деникина, ибо значительную роль в нем играли такие крупные масоны, как Н.И. Астров, М.М. Федоров, М. В. Бернацкий, Н.В. Чайковский, В.Ф. Зеелер. Правительство Врангеля составляли такой близкий масонам политик, как А.В. Кривошеин, а также старые масоны П.Б. Струве, Н.С. Таганцев, М.В. Бернацкий (состоявший прежде в правительстве Деникина) и М.М. Винавер (подробнее см. мою книгу «Тайная история масонства»).

Карта местности, где заметили следы убийства

дователи, сначала еврей А. Наметкин, а затем социалист И.А. Сергеев, подошли к делу достаточно формально. И тот и другой были республиканцами по убеждениям и поэтому не могли осознать огромного значения порученного им расследования. При обследовании места преступления они по небрежности, а возможно намеренно (Наметкин), пропустили целый ряд важных деталей и улики, и в первую очередь

каббалическую надпись в комнате убийства. Первый следователь, Наметкин, совершенно сознательно тормозил дело, так что местным офицерам, заинтересованным в расследовании, приходилось его заставлять работать. Так, 30 июля они силой вытащили его из постели и заставили обследовать шахту у деревни Коптяки. Но уже на следующий раз Наметкин отказался ехать в Коптяки, чтобы продолжить расследование. Им самостоятельно занялись несколько офицеров-добровольцев. Вплоть до середины августа Наметкин затягивал расследование. Им было неспешно осмотрен только 1-й этаж дома Ипатьева.

14 августа Наметкин был заменен другим следователем — И.А. Сергеевым. Последний взялся за дело более «добросовестно, но без чрезмерного рвения». Почти за полгода он мало что сделал, и

Коптяковский лес

прежде всего не обследовал шахту, возле которой по-прежнему работали офицеры-добровольцы. Тем не менее, Сергееву удалось допросить ряд важных свидетелей, в том числе охранника дома М.И. Летемина и рабочего П.В. Кухтенкова, подслушавшего разговор еврейских комиссаров об убийстве Царской семьи. Кроме того, ему удалось получить показания одного из цареубийц, начальника наружной охраны П.С. Медведева. На основании всего этого в начале 1919 года Сергеев делает следующие выводы: «...надлежит признать:

1) что по собранным следствием данным событие преступления представляется доказанным,

2) что б. Император Николай II, б. Императрица Александра Федоровна, Наследник Цесаревич, в. княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия Николаевны убиты одновременно, в одном помещении, многократными выстрелами из револьверов,

3) что тогда же и при тех же обстоятельствах убиты состоявший при Царской семье лейб-медик Евгений Сергеевич Боткин, комнатная служанка Анна Демидова и слуги Харитонов и Трупп,

4) что убийство задумано заранее и выполнено по выработанному плану, что сопровождалось оно такими действиями, которые носили характер жестокости и особенных мучений для жертв преступления, причем убийцы завладели имуществом убитых».

ГЛАВА 16

Расследование Н.А. Соколова. — Следственное дело и вещественные доказательства. — Кража части следственных материалов, собранных Соколовым. — Царские останки в руках масонов. — Тайная коллегия хранителей. — Исчезновение реликвий

Настоящее расследование ритуального убийства Царской семьи начинается только с приходом следователя Н.А. Соколова, который заменил Сергеева 24 февраля 1919 года, получив широкие права для проведения расследования. Соколов внимательно изучил материалы, собранные его предшественниками, и нашел их не вполне удовлетворительными. Ограничив время сна и отдыха до минимума, Соколов допрашивает свидетелей, производит дополнительный осмотр дома Ипатьева. В комнате ритуального убийства он находит надписи (в том числе каббалическую), следы крови и пуль, не отмеченные Сергеевым. В мае-июне Соколов пешком прошел и внимательно исследовал путь, по которому везли тела Царской семьи, подробно изучил район Ганиной Ямы и прилегающую к ней местность. Для прочесывания и охраны местности генерал Дитерихс выделил свыше тысячи солдат, с помощью которых было найдено много частей одежды, украшений, а главное, разрубленных и подвергнутых воздействию кислоты костей и салоподобного вещества, вероятно, элементов жира, выделившегося из тел при их сожжении.

Соколов продолжал свою работу вплоть до 10 июля и, не закончив ее, был вынужден уйти вместе с отступающей Белой армией. Впервые основные результаты своего следствия Соколов изложил в 1919 году в докладе вдовствующей Императрице

Марии Федоровне (см. Доклад судебного следователя по особо важным делам Н.А. Соколова...). Он с большой степенью точности описал организацию убийства, его руководителей и участников, способы уничтожения тел. Соколов писал, что «следственная власть не питает никаких сомнений и совершенно убеждена в том, что трупы Августейших Особ и всех остальных, погибших вместе с ними, около одной из шахт сначала расчленили на части, а затем сжигали на кострах при помощи бензина (к шахте было доставлено 30 ведер бензина и 11 пудов серной кислоты. — *О.П.*). Трудно поддававшиеся действию огня части разрушались при помощи серной кислоты».

Соколов не успел произвести экспертизу найденных им обгорелых и изрубленных костей, а также салоподобного вещества. Он хотел это сделать позднее, понимая, что от этой экспертизы многое зависит. Все собранные Соколовым материалы и вещественные доказательства были упакованы в 50 ящиков (100x75x75 см) и отправлены поездом во Владивосток. Однако по дороге неизвестные личности подкупили охрану и украли 21 ящик с этими бесценными материалами. Но на этом злоключения с вещественными доказательствами не закончились. Оставшиеся 29 ящиков были погружены на британский крейсер «Кент». По прибытии в Англию ящики были переданы великой княгине Ксении Александровне, бывшей замужем за масоном и убийцей Г.Е. Распутина Феликсом Юсуповым. Когда ящики открыли, то оказалось, что большая часть их содержимого была подменена разным хламом. Неизвестно, было ли их содержимое подменено еще на корабле или это сделал кто-то из окружения Юсупова. К счастью, сафьяновый синий сундучок с предполагаемыми останками тел членов Царской

семьи, а также три экземпляра следственного дела переправлялись отдельно.

В январе-феврале 1920 года Соколов вместе со всеми экземплярами следственного дела и сундучком с останками Царской семьи приехал в Харбин, где встретился с генералом Дитерихсом, Вильтоном и П. Жильяром. Материалы дела и реликвии спрятали в вагоне Вильтона, а потом по очереди Вильтон и Соколов день и ночь сторожили их.

В марте положение в Харбине ухудшилось, принимается решение об отправке всех материалов и сундучка в Европу.

Первый экземпляр следственного дела через генерала Жанена передавался родственникам Царя. Второй — увезен с собою Соколовым. Со второго экземпляра была также снята копия для генерала Дитерихса. Третий — взят Р. Вильтоном в Лондон.

Дитерихс намеревался отослать первый экземпляр дела и вещественные доказательства великому князю Николаю Николаевичу. Перевозку собирались осуществить через английские дипломатические каналы. «Спросили разрешения английского правительства. Между тем, революционное настроение в Харбине подымалось, а ответа не было. Консул Англии в Харбине — еврей, по слухам женатый на родственнице Троцкого, — относился враждебно к пересылке следственного дела и вещественных доказательств.

17 марта Жанен узнал, что из Англии последовал отрицательный ответ. Жанен пишет, что он был счастлив показать, насколько остались верными французы в несчастье: он заявил, что готов взять на себя перевозку дела и приложений. Просил только, чтобы Дитерихс ему выдал письмо, удостоверяющее, что посылка “будет принята”. Кроме того, Жа-

нен поставил условие, чтобы ему дали на память монету в 50 коп., принадлежавшую одному из убитых в Екатеринбурге.

20 марта Дитерихс с Жильяром и одним офицером прибыли к Жанену с тремя тяжелыми чемоданами. 21 марта Дитерихс доставил Жанену сундучок, до того времени хранившийся в банке и заключавший в себе частицы тел, а также предметы, имевшие для следствия большое значение. Вместе с тем он передал письмо, предназначенное вел. кн. Николаю Николаевичу, а также опись предметов, заключавшихся в сундучке и чемодане, — всего 311 номеров.

Между прочим, Жанен в примечании указывает, что в числе вещественных доказательств, собранных на том месте в Екатеринбурге, где сжигались тела, не оказалось зубов, так как головы были отделены от туловищ и увезены неизвестно куда человеком по фамилии Апфельбаум, в ящиках, наполненных опилками.

При провозе “посылки” через Пекин Бонне поставил печать посольства на чемоданах, и в Шанхае Жанен объявил об их содержимом с просьбой осведомить великого князя во Франции для принятия “посылки” в Марселе.

Во время перехода на “Арман Бедик” начальство парохода обеспечило хранение чемоданов. В Марселе, к изумлению, ничего не было сделано для принятия с должными знаками внимания столь чрезвычайной посылки. Явился офицер от марсельской комендатуры и указал Жанену, что посылка должна быть передана “в дело” Министерства иностранных дел, которое передаст посылку по назначению. Но это Жанену показалось противоречащим полученному им поручению»¹.

¹ Возрождение (Париж). 28.12.1933.

Одно время чемоданы хранились у него на вилле под Греноблем, где жила его семья. Затем Жанен, по-видимому, согласно договоренности с Дитерихсом, решил передать дело великому князю Николаю Николаевичу, но последний не только отказался от следственных материалов, но даже не пожелал принять Жанена и Соколова. В этом, безусловно, проявилась связь великого князя Николая Николаевича с масонскими ложами. Великий князь заявил, что он «является частным лицом, а таковое не может быть хранителем вещественных доказательств Екатеринбургского злодеяния и Останков Царской Семьи».

Называя себя частным лицом, великий князь Николай Николаевич отнюдь не отрекался от своих великокняжеских прав и несколько позже, в обход Основных законов, объявил себя претендентом на российский Престол, «вождем царского корня», как представил его эмиграции П.Б. Струве, масон и марксист, бывший друг Ленина¹. В трагические часы, предшествовавшие отречению Государя от Престола, великий князь Николай Николаевич вел себя недостойно — по инициативе генерала Алексева присоединился к представлению главнокомандующих фронтами с требованием отречения Государя, причем достойно внимания, что свою телеграмму он подписал «коленопреклоненно». За свое содействие революции великий князь получил благодарность от революционного Временного правительства, назначен Верховным Главнокомандующим, и только последовавшее «углубление революции» и вмешательство Петроградского совдепа не позволили ему вступить в должность.

¹ Былов Н. О судьбе священных останков Царственных мучеников // Владимирский вестник. № 80. 1959. Сентябрь. С. 22.

Николай Николаевич фактически передал следственное дело и предполагаемые Царские останки в руки масонов. Через состоявшего при нем масона барона Стааля великий князь распорядился передать все масону М.Н. Гирсу, бывшему послу Временного правительства в Риме, во время эмиграции избранному председателем Сопещения русских послов за границей¹.

Пока Жанен хранил чемоданы у себя. Он их отвез в другое свое имение в долине Драка, около Мане. Только 16 октября генерал Жанен встретился с Дмитриевым. Дмитриев передал Жанену письмо Гирса. В письме Гирс уполномочивал Дмитриева быть его представителем. Кроме того, было передано письмо великого князя, который просил Жанена «лично передать М. Гирсу документы, а равно все то, что было ему доверено ген. Дитерихсом по делу об екатеринбургском следствии». Относительно передачи был составлен в трех экземплярах протокол, после чего генерал Жанен счел, что его миссия окончена.

По поручению Гирса следственное дело и сундук с реликвиями забирал все тот же Дмитриев, ко-

¹ Такой поступок великого князя вызвал возмущение в монархических кругах. Как отмечал Н. Былов: «Николай Николаевич как член Дома Романовых должен был бы прежде всего предоставить родственникам Царской Семьи право распоряжаться Останками. Великих Князей проживало тогда в эмиграции много, но никакого совещания их по этому поводу созвано не было. Кроме того, в Дании проживала Вдовствующая Государыня Мария Федоровна, мать Государя Мученика. Казалось бы, что самой естественной хранительницей Останков сына и внуков должна была быть она. Если бы Останки были перевезены в Данию, то там в королевской резиденции они несомненно сохранились бы и по сей день. Несомненно были бы преданы земле. Но ни один из этих естественных вариантов не удаётся В. К. Николая Николаевича и он делает хранителем Останков посла Временного Правительства. И с этого момента начинается печальная, загадочная, позорная в своей загадочности и недомыслии история Останков, которая, в конце концов, привела к тому, что Останки исчезли без малейшей надежды быть когда-либо найденными» (Владимирский вестник. № 80. 1959. Сентябрь. С. 23).

торый позднее сообщал: *«Насколько я помню, первое время они хранились в имении Гирса под гор. Драгиньян (деп. Вар), в часовне, и незадолго до своей смерти он передал их для хранения графу В.Н. Коковцову, который положил их в сейф Русского для Внешней Торговли Банка... Перед своей смертью граф Коковцов передал все последнему оставшемуся российскому послу В.А. Маклакову. Где хранил сданные ему вещи В.А. Маклаков, я не знаю...»*

Сообщалось, что Гирс в 1921 году якобы поручил хранение ящичков особой тайной коллегии, заверив, что члены этой коллегии не унесут секрета в могилу. Установлена преемственность. Живые заменяют мертвых. Последний известный хранитель святынь масон Маклаков категорически отказался сообщить местонахождение следственного дела и предполагаемых Царских останков и отказался назвать имена членов коллегии хранителей. Маклаков опроверг сообщение о том, что хранит Царские останки в «грязном подвале между вином и углем».

Первоначальный состав тайной коллегии неизвестен, вероятно, в начале 20-х годов он состоял только из масонов. Как они распорядились предполагаемыми останками Царской семьи, тоже неизвестно. Можно предположить, зная их обряды и обычаи, что они использовали останки в ритуальных целях. Во всяком случае, после передачи предполагаемых Царских останков в руки масонов местонахождение их теряется. В 1943 году тайная коллегия хранителей состояла из В.А. Маклакова, К.К. Миллера, А.А. Гувлевича и В.В. Свечина¹. Два первых совершенно точно состояли в масонских ложах, членство двух последних в рядах вольных каменщиков не установлено (хотя и возможно).

¹ Былов Н. Указ. соч. С. 26.

Присвоив в своих, возможно ритуальных, целях Царские останки, масоны отказываются передать их родственникам Николая II. В связи с этим в 1924 году великий князь Кирилл Владимирович обращается с воззванием: *«Русские Люди! В ноябре 1923 года Я обратился письменно к бывшему послу Вр. Правительства М.Н. Гирсу с тем, чтобы он сообщил Мне, где хранятся вещественные доказательства по делу об убийстве Государя Императора и Его Семьи, на что Я получил короткий уклончивый ответ, что предметы эти хранятся в надежном месте и под его, Гирса, ответственностью. Но за последнее время и Я и все русские люди за границей узнали из сообщения генерала Жанена, бывшего представителя Франции при адмирале Колчаке, что, кроме означенных вещественных доказательств, он вывез и найденные в кострищах Священные Останки убиенных в Екатеринбурге Царственных Мучеников. Останки эти, как заявил генерал Жанен, он, по распоряжению Е. И. В. Великого Князя Николая Николаевича, передал вышеозначенному г-ну Гирсу, а потому Я через уполномоченное Мною лицо ныне обратился вновь к М.Н. Гирсу, дабы выяснить, действительно ли хранятся с вещественными доказательствами также Останки Государя Императора и Его Семьи и, в случае утвердительном, Я поручил высказать Гирсу Мое желание, чтобы Останки эти были помещены в достойном хранилище и под действительной ответственностью. М.Н. Гирс, не отрицая факта, что им приняты на хранение Останки, принадлежащие Государю Императору и Царской Семье, все же уклонился от прямых ответов на предьявленные от Моего Имени вопросы.*

Исчерпав, таким образом, имеющиеся у Меня возможности обеспечить надежное хранение Священных для всего Русского Народа Останков, Я обращаюсь к

Русским Людям и заявляю им из глубины возмущенного сердца, что Останки, столь для нас священные, принадлежат всему Русскому Народу и не могут быть присвоены и скрыты частными лицами, под каким бы ни было предлогом. Кирилл»¹.

В обращении Кирилла Владимировича есть упоминание об «уполномоченном лице», которое вело разговор с Гирсом. Гирс, придя в ярость от попыток Кирилла Владимирович пролить свет на это дело, бросил его уполномоченному фразу: *«Откуда я знаю, что там в этих ящиках — собачьи кости или царские?..»*

Другой великий князь, Андрей Владимирович, провел свое расследование судьбы предполагаемых Царских останков и составил специальный документ, который был опубликован только частично² и не давал ответа, где же хранятся предполагаемые Царские останки.

Все дальнейшие попытки выяснить судьбу предполагаемых Царских останков были также без-

¹ АСТМ. Фонд Н.Ф. Степанова (Свиткова).

² Как сообщает Н. Былов, генерал Позднышев делает краткий пересказ документа и цитирует отдельные 2–3 фразы. Самое существенное, что выплывает из него, это последний состав тайной коллегии, которая была учреждена в 1921 году Гирсом. Остается неизвестным, как понимал все дело великий князь Андрей Владимирович. Генерал Позднышев цитирует фразы великого князя, из которых как будто вытекает, что он организацию хранения одобрил — «с этой стороны принятые меры были правильны». Но сама фраза говорит о том, что была и другая сторона, которую великий князь никак правильной не посчитал.

Генерал Позднышев, давая разъяснения всего этого дела, ставит вопрос, что, быть может, ящики были вскрыты и из них выделено то, что составляет Священные Останки, «не были ли они переданы для хранения в другое, более соответствующее место». Эти оптимистические предположения почтенного генерала, по-моему, гораздо логичнее развить не в оптимистическом направлении, а в весьма пессимистическом. Очень возможно, что ящики, пробывшие 23 года в руках у утайщиков, были вскрыты и останки выделены. Но вот что при этом они были «помещены в более соответствующее место, как надеется ген. Позднышев, это сомнительно. Учитывая злую волю утайщиков, гораздо правильнее предположить, что их попросту уничтожили» (Былов Н. Указ. соч. С. 26).

успешны. После Второй мировой войны масон В.А. Маклаков заявил, что они были изъяты немцами 8 февраля 1943 года из парижского банка, в который он их положил на хранение. Заявлению этого масона нельзя верить, тем более он даже не сообщил, из какого банка они были изъяты. Скорее всего, прав Н. Былов — останки были просто уничтожены масонами.

ГЛАВА 17

Продолжение расследования убийства Царской семьи. — Новые важные данные об организаторах убийства. — Смерть Н. А. Соколова. — Попытки масонов наложить руки на имущество убитого Царя. — Крушение мифа о баснословном богатстве Николая II за рубежом

Н.А. Соколов не доверял Гирсу и пытался препятствовать передаче следственных материалов в руки этого известного масонского конспиратора. Чтобы продолжить следствие, он сохранил у себя часть подлинного дела. В письме от 22 апреля 1922 года Соколов сообщает: «Мне не оставалось ничего больше делать, как попытаться изъять то, что можно было, дабы изъятые — идеальный дубликат подлинника, мог бы заменить подлинное дело. Всего достичь было нельзя. Была усвоена точка зрения, что Следователь — это техник, т.е. лицо, равносильное чернорабочему.

Много скандалил с Гирсом. Кое-как удалось достигнуть прикосновенности к делу. Изъял все главные документы, на коих основан самый подлинник»¹.

Соколов продолжил дело об убийстве Царской семьи по собственному почину, по зову совести православного русского человека. Никто его почти не поддерживал, радостное исключение составлял князь Н. Орлов. Сильно нуждаясь, отказывая себе в самом необходимом, Соколов продолжил розыск и допросы свидетелей. В апреле 1922 года к семи первоначальным томам его комплекта следственного дела добавилось столько же новых томов.

¹ Цит. по: Гибель Царской семьи. С. 16.

Враждебные расследованию силы пытаются воспрепятствовать его делу. Левая печать травит Соколова. Не понимают его даже оставшиеся в живых члены Дома Романовых, отказываясь выполнить свой долг перед Россией и дать показания по делу. В 1921 году комната в Берлине, где жил Соколов, подверглась ограблению, часть собранных им документов пропала. Не останавливая интенсивную следственную работу, Соколов систематизирует собранные материалы и подготавливает книгу об убийстве Царской семьи¹.

Соколов собрал много новых данных об организаторах и исполнителях убийства. В частности, во время работы в США ему удалось установить, что приказ об убийстве Царской семьи исходил от Я. Шиффа. Ленин, Свердлов и другие еврейские большевики, конечно, были заинтересованы в этом убийстве, но ритуальный характер расправе придал приказ одного из ведущих иудейских вождей Я. Шиффа. По некоторым сведениям, Соколов собирался выступить с разоблачением роли иудейских вождей в подготовке и организации этого преступления².

Однако Соколову не удалось завершить свое расследование. За несколько месяцев до суда, на котором он собирался выступить со своими разоблачениями, 23 ноября 1924 года его нашли мертвым в саду дома французского города Сальбри (депар-

¹ Его соратники по Екатеринбургскому расследованию генерал Дитерихс и Р. Вильтон не собирались дожидаться конца расследования. Вильтон в 1920 году совместно с Тальбергом, опираясь на вывезенные им экземпляры следственного дела, выпустил книгу «Последние дни Романовых», где говорил о ритуальном характере убийства. Генерал Дитерихс использовал копию следственного дела Соколова для создания книги «Убийство Царской семьи и членов Дома Романовых на Урале» (Владивосток, 1922), где также отмечал ритуальный характер убийства.

² АСТМ. Фонд Н.Ф. Степанова (Свиткова).

тамент Луар-э-Шэр), где он тогда жил. Внезапная смерть сорокадвухлетнего, полного энергии мужчины вызвала разные толки среди эмиграции. Соколова похоронили на местном кладбище, где и поныне стоит над его могилой крест с надписью: «Правда Твоя — Правда во веки».

Незавершенная книга Соколова вышла в 1925 году в Берлине на средства князя Орлова.

Цареубийцы даже после гибели Императора не переставали тревожить его покой. В конце 20-х годов во Франции и некоторых других европейских странах разворачивается клеветническая кампания о «заграничных имуществах Николая II». Инициаторами этой кампании были масонские ложи. В свое время организации российских масонов совету послов, возглавляемому М.Н. Гирсом, удалось захватить в свои руки денежные средства, переведенные царским правительством за границу. На этот раз они решили произвести расследование, чтобы выявить «царские капиталы» и предъявить на них свои требования. Соучастники цареубийства хотели получить «свою долю» в имуществе умученных ими жертв.

26 февраля 1930 года в Париже проходило заседание крупнейших российских масонов, на котором присутствовали М.Н. Гирс, граф В.Н. Коковцов, М.В. Бернацкий, Л.Ф. Давыдов, князь С.В. Гагарин, барон Б. Э. Нольде. Все участники масонского совещания до 1917 года и в период Временного правительства были причастны к высшим государственным финансам. После многочасового совещания надежды масонов рухнули. Выяснилось, что Николай II не владел ни деньгами, ни имуществом за рубежом, за исключением небольших сумм, которые имел на счетах его дочери.

Хотя масоны проводили свое совещание негласно, известие о том, что масоны хотят наложить руки на мифические зарубежные имущества Государя, просочилось в печать и вызвало возмущение монархической части эмиграции. Тогда от имени участников масонского совещания выступил Гирс и заявил, что оно проходило исключительно в интересах «чести и достоинства покойного государя».

Монархистам удалось достать протоколы совещания и опубликовать извлечения из них. Ниже даются отдельные выдержки из этой публикации, помещенной в русской эмигрантской газете в Китае¹:

«Граф В. Н. Коковцов вынужден был признать, что за все время его управления министерством финансов (1904—1913) он не располагает какими-либо сведениями об операциях по переводу денег или процентных бумаг Царя и его семьи за границу. Равным образом и в бытность его товарищем министра финансов (1896—1902) при министре финансов Витте <...>

В 1905 некоторая часть денежных средств Николая II была отправлена в Берлин без его согласия, а затем возвращена в Россию. В Берлине остались небольшие капиталы, принадлежавшие дочерям Царя. <...>

Графу Коковцову пришлось иметь беседу с одним лицом, близким к дому “Мендельсон и К^о” и из его осторожных реплик он вынес впечатление, что после 1918 года оставались на хранении в банкирском доме небольшие остатки, в виде германских процентных бумаг, которые были во время войны изъяты по распоряжению германского правительства на хранение в одно из государственных учреждений и там, после денежного кризиса, сопровождавшего

¹ Гун Бао. 4.05.1930.

инфляцию, конвертированы по тому курсу, который был установлен для ликвидации всех прежних долгов.

М.В. Бернацкий сказал, что прямых показаний по вопросу о “находящихся за границей сумм императорского семейства” он дать не может.

Л.Ф. Давыдов, со своей стороны, в качестве директора кредитной канцелярии, подтвердил сделанные графом В.Н. Коковцовым выводы. Князь С.В. Гагарин от своего имени и от имени не имевшего возможности прибыть в заседание графа М. Е. Нирода высказал, что во время бывших в России в 1905—1906 гг. беспорядков, по распоряжению министра Императорского Двора, были переведены за границу принадлежащие детям Государя суммы. Средства эти образовались путем накопления отпускаявшихся, согласно основным законам, ассигнований на содержание детей царствующего императора. Деньги эти были помещены на хранение в банкирский дом Мендельсона в Берлине. Были ли они перевезены обратно в Россию — им неизвестно. Относительно нахождения у Императора Николая II где-либо за границей каких-либо принадлежащих ему капиталов, у князя Гагарина и графа Нирода сведений не имеется. Что же касается главного управления уделов, то в заведование сего управления никаких принадлежащих Государю сумм не находилось.

Барон Б.Э. Нольде сообщил, что в первые месяцы существования Временного Правительства он в качестве юриста был привлечен к работе совещания для определения юридического положения имущества императорского дома. В этом совещании, в котором приняли участие представители всех учреждений министерства императорского дома, было оглашено, что Государь и его семья никаких

имущества за границей не имели, кроме небольших капиталов дочерей Государя в банке Мендельсона в Берлине. Зная законодательство военного времени, барон Б.Э. Нольде не сомневался, что суммы эти были секвестрованы, и затем, не востребованные, подверглись, вероятно, всем последствиям инфляции и превратились в ничто.

М.Н. Гирс, сводя воедино сообщенные данные, высказал, что, таким образом, можно считать, что никаких сколько-нибудь значительных имуществ за границей у Государя и его семьи не было и что, по всей вероятности, то небольшое, что лежало на счетах его дочерей в Германии, подверглось последствиям инфляции и практически более не существует».

Таким образом, сами того не желая, участники масонского совещания развеяли миф о баснословных богатствах Николая II за границей.

ГЛАВА 18

Сведение масонских счетов с останками убитых великих князей. — Российский посланник запрещает захоронение Царственных мучеников в Пекине. — Крестный ход на загородное кладбище Духовной Миссии

Еврейские большевики и масонские конспираторы не переставали преследовать членов Царской Фамилии даже после их смерти. В этом смысле очень показательна судьба останков великих князей, убитых в Алапаевске.

При отступлении белых останки великих князей, похороненных в склепе Алексеевского собора в Алапаевске, во избежание осквернения их еврейскими большевиками были вывезены в Китай. Но с появлением их на границе этой страны в дело вмешался крупный масон, российский посланник в Пекине князь Н.А. Кудашев. Этот вольный каменщик сделал все, чтобы не допустить захоронения Царственных мучеников в Харбине, городе, где в то время значительную часть населения составляли русские эмигранты. Кудашев убедил местные власти запретить ввоз останков великих князей в черту города.

Игумен Серафим, сопровождавший останки великих князей, принял решение перевезти их в Пекин. 8 апреля 1919 года митрополит Пекинский Иннокентий получает телеграмму от архиепископа Мефодия из Харбина: *«В субботу вечером из Харбина выезжаем для временного погребения в Миссии тел восьми замученных Великих Князей; сопровождает игумен Серафим. Благоволите распорядиться встретить на вокзале и разрешить погребение в Миссии».*

Телеграмма эта была тотчас же сообщена посланнику Кудашеву. Посланник высказался против

перевоза останков в Пекин и отдал распоряжение задержать вагон с ними в Мукдене.

Игумен Серафим отказался подчиниться распоряжению масона и 13 апреля сообщил с пути, что направляется из Мукдена в Пекин. Митрополит Иннокентий снова обратился в посольство, но получил оттуда категорический отказ принять какое-либо участие во встрече и устройстве останков Царственных мучеников. Митрополиту ничего другого не оставалось, как уведомить коменданта Пекинской крепости об ожидаемом прибытии гробов с телами великих князей и погребении их в склепе, находящемся в центре расположения Миссии. Но на следующий день комендант крепости по телефону сообщил ему, что российское посольство не только против встречи, но даже против того, чтобы останки великих князей были внесены в столицу.

Пришлось подчиниться странному противодействию посольства и устроить погребение на кладбище Миссии в 2 верстах от г. Пекина. 16 апреля, в Пасхальную пятницу, в 2 часа утра, вагон с гробами прибыл на главный вокзал г. Пекина, а в 8 часов был передан на площадку у Аньдинмыньских ворот. Здесь прибытия вагона с останками великих князей ждал крестный ход из Духовной Миссии во главе с митрополитом Иннокентием. По распоряжению масона Кудашева никто из представителей российского посольства на встречу не явился. Бросалось в глаза также отсутствие русских людей. Даже некоторые духовные лица, проживавшие в стенах Миссии, запуганные Кудашевым, пытались уклониться от встречи. Зато много было китайцев. День выдался тихий и солнечный. Медленно подошел поезд к площадке и остановился. Как впоследствии вспоминал митрополит Иннокентий: *«Мы вошли в*

вагон и были поражены: вагон с останками царственных мучеников оказался простым товарным вагоном, грязным, неубранным, даже внутри. Гробы были простые, деревянные и грязные. Не видно было никакого проявления уважения к останкам мучеников, в вагоне не было ни аналая, ни иконы. Все это производило удручающее впечатление. Всем стало стыдно за тех, кто допустил такую небрежность. Удрученные всем виденным, мы постарались поскорее вынести гробы из вагона и в сопровождении крестного хода перенесли их в церковь преп. Серафима Саровского на миссийском кладбище. Но когда гробы с останками царственных мучеников были внесены в церковь, и когда раздалось пение тропаря “Да воскреснет Бог”, настроение наше резко изменилось и на душе стало радостно. Верилось, что Господь не допустит окончательной гибели России, и Россия вновь возстанет в прежних величии и мощи, слава Воскресшего из мертвых»¹.

Преследование мертвых Романовых Кудашев продолжал и после их захоронения на кладбище Духовной Миссии. Все время он не переставал плести интриги, распуская нелепые слухи, и категорически отказался помочь средствами на поддержание в порядке склепа, в котором покоились останки мучеников.

Однако справедливости ради отмечу, недостойно вели себя не только масон Кудашев и подчиненные ему служащие, но и немалая часть русских людей, не принадлежавших к масонству, но проникшихся его духом. Достаточно сказать, что от родственников Царственных мучеников за все 20-е годы не поступило никаких взносов на поддержание гробов в порядке, и не было даже просьб о совершении поминальных молений. Как вспоминал митрополит

¹ Царский вестник. № 128. 25.1.1933.

Иннокентий: *«Из русских же людей никто не посетил места упокоения царственных мучеников и не вспомнил о них. Только однажды Шандунская группа войск прислала депутацию, которая возложила от имени группы на гробы мучеников серебряный венок и устроила торжественное поминальное богослужение. Такое внимание тронуло искренно русских людей. Но это было только однажды. С тех пор о царственных мучениках никто не вспоминал»*¹.

В 1920-м по настоянию английской родственницы великой княгини Елизаветы Федоровны ее гроб вместе с гробом инокини Варвары перевезли в Иерусалим, где похоронили в усыпальнице русского монастыря Марии.

¹ Царский вестник. № 128. 25.1.1933.

ГЛАВА 19

Распространение слухов о спасении Царственных мучеников. — Дезинформация большевиков и масонов. — «Перелет» Николая II на самолете в Тибет. — Десятки других ложных версий

«Вопрос о жизни и смерти Дома Романовых, — писал следователь Соколов в начале 1920-х годов, — был решен задолго до смерти тех, кто погиб на территории России. Эта работа не прекращена и ныне, изменив приемы своей деятельности. Лица, ею руководящие, стараются всякими способами внести разложение в ряды русских людей, продолжающих интересоваться политическими вопросами и, в частности, посеять рознь и устранить активность действий Августейших Особ»¹. Самым главным приемом в этой деятельности является распространение версии о спасении членов Царской семьи.

Распуская ложные слухи о спасении Царской семьи, царевубийцы тем самым как бы снимали с себя часть вины за чудовищное преступление, совершенное ими. Комиссар Временного правительства по охране Царской семьи в Тобольске масон В.С. Панкратов сообщал о якобы широко распространенном слухе, что Николай II сбежал от Александры Федоровны к другой женщине². Даже в 1922 году один из вождей еврейских большевиков Г. Чичерин на Ге-

¹ Еще в первой половине 20-х годов многие члены Дома Романовых не верили в гибель Государя и его семьи. Считалось, что он спрятан большевиками в одном из монастырей, а его брат Михаил находится в Шанхае (ОА, ф. 772, оп. 1, д. 96, л. 1). В 1924-м мать Николая II Императрица Мария Федоровна писала великому князю Николаю Николаевичу: «...до сих пор нет точных известий о судьбе моих возлюбленных сыновей и внука» (Мельгунов С. Судьба императора Николая II после отречения. Париж, 1951. С. 412).

² Панкратов В.С. С Царем в Тобольске. М., 1990. С. 26.

нуэзской конференции заявлял, что дочери Николая II живут в США¹.

По данным историка В. В. Алексеева, в 20-е годы только на Урале и в Сибири заявляли о себе как о спасшихся членах Царской семьи 18 самозванцев². Некоторые эти выступления, возможно, были специально инспирированы чекистами.

Начиная с лета 1918 года, ложь о спасении Царской семьи проникает во все слои общества, дезориентируя русских людей, в чем-то даже примиряя их с преступным режимом еврейских большевиков. Вероятно, чаще всего встречались следующие ложные версии спасения Царской семьи:

– Николай расстрелян, а семья вывезена в Германию. Версия возникла на основе переговоров российского и германского правительств об обмене Царской семьи, имевших место до 15 сентября 1918 года, то есть уже после расстрела Царской семьи;

– Николай расстрелян, а Царская семья вывезена большевиками в Пермь (вариант – Верхотурье);

– Николай и прислуга расстреляны, а члены семьи после инсценирования убийства в доме Ипатьева вывезены к Ганиной Яме, где их одежда и вещи были сожжены, здесь они переоделись и благополучно скрылись;

– вместо Николая расстрелян некий граф, пожертвовавший собой, а Царь скрылся;

– в доме Ипатьева расстреляна семья, по возрастным и половым признакам схожая с Царской, а Романовы скрылись, и т.д.³.

¹ Тайна Царских останков. Материалы научной конференции «Последние страницы истории царской семьи: итоги изучения Екатеринбургской трагедии». Екатеринбург, 1994. С. 14.

² Правда о Екатеринбургской трагедии. С. 43.

³ Авдонин А. Тайна старой Коптяковской дороги. Об истории поисков останков императорской семьи // Источник. 1994. № 5. С. 67.

В следственном деле об убийстве Царской семьи имеются несколько протоколов, из которых следует, что якобы Царица Александра Федоровна и ее дочери не погибли в доме Ипатьева, а были вывезены живыми в Пермь и затем отправлены в сторону Глазова. С женщинами очень плохо обращались, и одна из них, по-видимому, Анастасия, пыталась бежать, была поймана и избита. Проводивший дознание по этой версии А.Ф. Кирста (сначала начальник уголовного розыска, а затем сотрудник контрразведки) допросил доктора Уткина, который рассказал, что был вызван чекистами для оказания медицинской помощи молодой женщине, назвавшей себя «дочерью Государя Анастасией». Близкие к этим показаниям удалось получить еще от нескольких «свидетелей». Одна из этих «свидетелей», Н.В. Мутных, показала, что сама видела Государыню и четырех ее дочерей. «Были они в ужасном состоянии, но я их хорошо узнала»¹. Некоторые «свидетели» даже утверждали, что после побоев Анастасия умерла в тюрьме.

Версии о спасении соответствуют также показаниям сотрудничавшей с большевиками (а значит, и с чекистами) официантки советской столовой Е. Томиловой, которая приносила обед в дом Ипатьева. 4 ноября 1918 года она показала: *«Я хорошо помню и категорично это утверждаю, что в тот день, когда большевики на митинге объявили о расстреле бывшего государя, я носила в тот день обед для царской семьи и лично видела в столовой Государя и всю его семью... Спустя один день после объявления в газете о расстреле бывшего государя мне выдали обед для царской семьи только на девять человек и я опять унесла в Ипатьевский дом, но бывшего Государя, доктора и третьего мужчину я не видела, а видела лишь дочерей Государя...*

¹ Гибель Царской семьи. С. 179.

23 июля в советской столовой уже не было поваров, и обед для царской семьи я не носила... я решила сходить за посудой... во всех комнатах было пусто и никого из царской семьи уже не было видно»¹.

Есть еще показания сестры одного из организаторов царевубийства Ф. Лукоянова. В. Лукоянова, арестованная белыми, призналась на допросе, что якобы брат сообщил ей секретную информацию о том, что убит только Николай II, а его семья вывезена в Пермь.

Безусловно, что все эти сведения о спасении Царицы и ее дочерей, скорее всего, являлись результатом специальной операции, проводимой Чека для дезинформации населения. Подобные операции, как я уже рассказывал ранее, проводились чекистами в случае убийства великого князя Михаила Александровича в Перми и великих князей в Алапаевске. Чека был разыгран спектакль, в котором роль Анастасии, вероятно, исполнила одна из сотрудниц этого учреждения. Во всяком случае, вся эта версия зацикливалась на нескольких эпизодах и не имела продолжения во времени, как это было бы, если бы Царице и дочерям удалось действительно спастись.

Тем не менее, эта операция «пустила круги по воде», появилось множество версий о спасении Царской семьи, множество самозванцев и «спасшихся царских дочерей».

П. Жильяр рассказывает, что еще в Омске ему был показан мальчик, выдававший себя за Царевича Алексея. Однако позднее мальчик сознался в самозванстве².

Распространяется множество ложных слухов о заточении Царя в одном из монастырей под Суху-

¹ ГАРФ, ф. 130, оп. 23, д. 51, л. 18–19.

² Жильяр П. Император Николай II и его семья. Вена, 1921. С. 279.

ми или о плавании его по Белому морю на крейсере, который никогда не пристаёт к берегу.

Одним из первых создателей ложных слухов о спасении Царской семьи был масон Б.Н. Соловьев, в свое время сыгравший предательскую роль в судьбе Царственных мучеников. Соловьев распространял слух, что «Государь спасся, перелетев на самолете в Тибет, к Далай-Ламе»¹.

Возможно, на этом слухе основывается версия о спасении Николая II, якобы нашедшего убежище в горах Алтая. Об этом мне рассказывали мои читатели из Барнаула.

В 20-х годах во многих местах России ходят слухи о «спасенных царских детях». В Барнауле, Челябинске, Свердловске (Екатеринбурге) появляются «чудом оставшийся жив» «Наследник русского Престола Царевич Алексей (на самом деле сын бедного крестьянина А.И. Шитов. — *О.П.*) и великие княжны Мария Николаевна и Анастасия Николаевна». Вокруг них тайно возникает кружок почитателей Царской власти, доверившихся самозванцам, некоторые распространяют даже антибольшевистские листовки. За это «преступление» чекисты арестовали 42 человека. Восемь из них (включая самого А.И. Шитова и женщину, выдававшую себя за Великую княжну Марию Николаевну) были расстреляны, остальные получили значительные сроки заключения (8 человек — на 10 лет) и ссылки².

¹ *Вильтон Р.* Указ. соч. С. 121. В Германии, где Соловьев некоторое время жил, он сотрудничал с полицией как осведомитель, вместе с тем подозревался в сотрудничестве с большевистскими спецслужбами. По данным Соколова, Соловьев в Германии жил на средства Симановича и Рубинштейна (Гибель Царской семьи. С. 571).

² Источники. 1995. № 6. С. 41–49.

ГЛАВА 20¹

Ложь о спасении Царской семьи в эмиграции. — Оповещения Бехтеева. — Разоблачение аферистов

В начале 1929 года жертвою самозванцев становится известный поэт-монархист Сергей Бехтеев. Самозабвенно обожавший Царя, поэт был готов поверить любым известиям о спасении Царской семьи. В 1928 году в его окружении появляется некая Варвара Вишневская (она же Оболенская, Каттар, Баулина, Капнист, Андрушкевич, Николаева), вероятно, сотрудничавшая с НКВД². Эта женщина ранее совершала многочисленные мошенничества и кражи. Не зная ничего о похождениях авантюристки, Бехтеев влюбился в нее и на веру принимает ее сообщение о спасении Царской семьи. Авантюристка привлекает к делу каких-то людей, которые в корыстных целях начинают выдавать себя за чудом спасшихся секретаря великого князя Михаила Александровича Джонсона и фрейлину Царицы А.В. Гендрикову. Штаб-квартирой самозванцев становится г. Новый Футог (Сербия). Каким образом Вишневской удалось убедить Бехтеева в «подлинности» самозванцев, до сих пор остается загадкой.

Вскоре после встречи с самозванцами Бехтеев выпускает оповещение, в котором заявил, что Государь Император жив и готов вернуться на Престол, если народ покается и позовет своего Царя. Вот некоторые выдержки из оповещения Бехтеева:

¹ Глава написана на основании тематических материалов, хранящихся в АСТМ, фонде исследований Н. Ф. Спепанова (Свиткова), а также расследования А.Н. Крупенского, опубликованного в журнале «Двуглавый Орел» (№ 30 и 33 за 1929 год).

² Поговаривали, что авантюристка даже стала гражданской женой Бехтеева.

«Днем 15 февраля 1929 года, предварительно списавшись со мной, меня посетил в селении (Королевство С. Х. С.), хорошо мне известный еще по России Н.Н. Джонсон, состоявший личным секретарем Е. И. В. Великого Князя Михаила Александровича в момент загадочного исчезновения Его Высочества, увезенного вместе с Н.Н. Джонсоном и позднее якобы убитых и сожженных в доменной печи возле города Перми.

Беседа со мной, Джонсон сообщил мне, что Его Величество Император Николай Александрович, Ее Величество Государыня Императрица Александра Федоровна, Их Августейшие Дочери Великие Княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия Николаевны, а равно и Его Императорское Высочество Великий Князь Михаил Александрович, за исключением Наследника Цесаревича Алексея Николаевича, скончавшегося от воспаления почек 17 февраля 1922 года, находятся в добром здравии после своего чудесного спасения, впоследствии после благословения Патриарха Тихона, приславшего Их Величествам копию Чудотворной Иконы Державной Божией Матери.

Мой продолжительный разговор с Джонсоном, которого в течение стольких лет все считали погибшим вместе с Е. И. В. Великим Князем Михаилом Александровичем, наполнил мою душу неописуемым восторгом, ибо я воочию убедился в том, что моя заветная мечта наконец осуществилась, и мой Пресветлый Царь и Его Великодержавная Семья живы, как равно и Его Императорское Высочество Великий Князь Михаил Александрович, что я сим клятвенно и удостоверяю.

По понятным для всех причинам я не расспрашивал Джонсона, где находятся в настоящее время Их Величества, дабы случайно не проговориться и не повредить Им.

Свой разговор со мной Джонсон закончил словами: “Да, Государь Император жив, и теперь от нас всех зависит, чтобы Он вернулся к Престолу Своему, ибо Его Величество, уступив мольбам лучших сынов нашего Отечества и получив благословение Святейшего Патриарха Тихона, согласился покинуть Свое заключение, удалясь с Августейшей Семей и возлюбленным Братом в отшельническое уединение, все в течение долгих лет проводит время в молитвах, трудах и неустанных заботах о благе и спасении горячо Им любимой Родины. Его Величество не раз высказывал Свой взгляд, что вне России — нет России и не может быть Русского Царя, так как Русский Царь не может быть эмигрантом и возглавлять какую-либо партию или политическую организацию, ибо это значило бы бороться за власть. Царская власть дается Богом, и силой, как равно и партийной работой, добываема быть не может, потому Государь Император с Августейшей Семей и Великим Князем Михаилом Александровичем, твердо уповая на то, что не долго будет длиться попущение Божие над горячо любимым русским народом, решил уйти от мира в отшельническое уединение и пребудет в нем, неустанно молясь и заботясь о благе и спасении народа Своего до той поры, когда Волею Божию не очнется русский народ и не вернется к Богу, сбросив с себя иго слуг дьявола — своих угнетателей — большевиков. И если тогда прозревший русский народ позовет к себе Своего Царя, то Русский Царь, подобно евангельскому Отцу, забыв все перенесенные Им оскорбления и муки, с широко распростертыми объятиями пойдет навстречу к Своему горячо любимому, заблудшемуся, но вновь вернувшемуся на правый путь детищу — народу и отдаст всего Себя на служение ему для его блага...”»¹

¹ АСТМ. Фонд Н.Ф. Степанова (Свиткова).

В оповещение Бехтеева была помещена фотография Джонсона, на которой он был снят еще до революции. Бехтеев утверждал, что во время двухкратных отлучек из Югославии он лично встречался с великим князем Михаилом Александровичем и Великой княжной Татьяной Николаевной, которая также удостоила Бехтеева своим личным посещением в Новом Футоге. Он беседовал с ними и получил от них все необходимые инструкции. Бехтеев сообщал, что в самом непродолжительном времени (т.е. к концу октября) Государь Император Николай Александрович открыто появится и что к этому времени принятые им меры будут осуществлены и советская власть будет свергнута.

После длительного расследования русским монархистам удалось установить имена и других лиц, вместе с Вишневской обманывавших их. Ими были Георгий Поляков и генерал Комиссаров. Последний в свое время издал в США клеветническую книгу о Царской семье.

Поляков два или три месяца жил на Афоне, а затем был выселен оттуда греческими властями. Перебравшись в Париж, Поляков утверждал, что встречался на Афоне с Государем Николаем II и имел с ним длительные беседы.

Известному русскому монархисту А.Н. Крупенскому удалось установить, что «на Афоне проживает монах Константин, имеющий некоторое сходство с Императором Николаем Александровичем и в силу этого принимаемый несколькими простоватыми и мистическими монахами за спасенного Государя. Происхождение этого монаха и его жизненная история нам известны; к тому же сам он и не думает выдавать себя за Государя».

Аферисты строили большие планы по одурачиванию монархического движения. Предполагалось,

например, создание отрядов «государевых опричников», которым сулили первенствующую роль в «восстановленной России».

Однако аферистам удалось обмануть немногих. Уже первого августа 1929 года Русское объединение верноподданных в Новом Саде дает полное опровержение оповещению Бехтеева. Со специальным письмом в «Двуглавый Орел» обращается брат якобы спасшейся графини А.В. Гендриковой граф П.В. Гендриков. *«В связи со вторым оповещением¹ г. Бехтеева, — писал он, — сообщаю Вам краткое сведение о судьбе моей покойной сестры, графини А.В. Гендриковой. Сестра моя была окончательно разлучена с Царской Семьей по приезде ее из Тобольска в Екатеринбург вместе с Наследником и Великими Княжнами. Из Екатеринбурга вместе с гофлектриссой Е.А. Шнейдер и камердинером Государя Волковым она была привезена в Пермскую тюрьму, где помещалась в одной камере с Княгиней Еленой Петровной.*

В начале сентября 1918 г. она вместе с Е.А. Шнейдер и Волковым была увезена из тюрьмы и была убита на пермском шоссе, так же, как и Е.А. Шнейдер. Волкову удалось бежать из-под расстрела, и он затем дал подробное показание по этому делу следователю Соколову. Показание это я лично читал. Тела моей сестры и Е.А. Шнейдер, брошенные у шоссе, были найдены весной 1919 г. Так как тела всю зиму пролежали на морозе, под снегом, они почти не разложились и были опознаны. Тела графини Гендриковой и Е.А. Шнейдер были похоронены в Перми. Последние сведения мне сообщил г. Вильтон (ныне покойный), корреспондент газеты “Times”, с которым я был близко знаком и который лично присутствовал на похоронах моей сестры в Пер-

¹ Именно во втором оповещении помещались сведения о беседе Бехтеева якобы с А.В. Гендриковой.

ми. У г. Вильтона на руках, вообще, был очень большой материал, т.к. он был командирован своей газетой в Сибирь для выяснения судьбы Царской Семьи.

Из вышеизложенного совершенно ясно, что сведения г. Бехтеева о каких-то неоднократных свиданиях с моей покойной сестрой в феврале 1929 г. являются либо плодом больного воображения, либо гнусной ложью.

Ко всему этому добавлю, что и я, и мой брат, живущий в настоящее время в Париже, настолько были близки с нашей сестрой, что, конечно, какая бы ни была конспирация, она, так или иначе, дала бы о себе знать нам, если бы она была действительно у г. Бехтеева в Сербии.

Прошу принять уверение в искреннем уважении и преданности.

Гр. П. Гендриков»¹.

Боясь разоблачения, аферисты сообщают всем, что вскоре после свидания с Бехтеевым Джонсон был отравлен в Венгрии в доме графа Андраши и похоронен на Афоне в присутствии великого князя Михаила Александровича и своей супруги, урожденной графини Гендриковой. Последняя же уехала после похорон в Сиам, где и скончалась от горя, оставив после себя трехлетнего сына, конечно, Алексея.

Монархисты довольно быстро разоблачили эту аферу, установив, что следы организаторов ее ведут в лагерь царевубийц. А.Н. Крупенский, проводивший собственное расследование, сделал вывод, что «налицо новая крупная провокация, вроде пресловутого “Треста”, со стороны большевиков, ставивших себе целью завлечь под предлогом посещения спа-

¹ Двуглавый Орел. № 30. 18 июля. 1929. С. 1430–1431.

сенного Государя в СССР или в свои заграничные подвалы честных, но чрезмерно наивных монархистов. Обстоятельства, однако, сложились не благоприятно для большевиков: В. Вишневская, перекрасив свои волосы и похитив паспорт знакомой, бежала из Югославии в Берлин под именем Николаевой. Там она была арестована полицией за проживание по фальшивому паспорту. В то же время многие горячие сторонники Бехтеева образумились, так как убедились в подложности различных предъявленных им документов и в явно провокационной деятельности В. Вишневской и, вероятно, и самого Бехтеева».

ГЛАВА 21

*Лже-Анастасии. — Анна Андерсон. — А.С. Карпенко. —
Н.В. Иванова-Васильева. — Диагноз — шизофрения*

Большинство самозванок, объявлявших себя Царскими дочерьми, присваивали имя Анастасия. Известное мне число лже-Анастасий достигает двух десятков человек. На самом же деле количество самозванок с этим именем, по-видимому, гораздо больше. Самая обаятельная и непосредственная среди Царских дочерей, Анастасия больше всех имела шансов на людские симпатии.

История самой известной самозванки, выдававшей себя за Анастасию, начинается в 1920 году в Берлине. Полиция задерживает неизвестную девушку, пытавшуюся покончить жизнь самоубийством, и помещает ее в психиатрическую клинику. Там среди многочисленных Наполеонов, Александров Македонских и Клеопатр девушка объявляет себя спасшейся русской Царевной Анастасией.

Самозванка была действительно похожа на настоящую Анастасию, но она совершенно не говорила по-русски. Ее сторонники объясняли это результатом шока, полученного ею во время расстрела. В обычной жизни лже-Анастасия первое время именовала себя госпожой Чайковской. Немецкая полиция провела расследование и установила, что «именующая себя Чайковской и претендующая быть спасенной великой княжной Анастасией Николаевной, в действительности является работницей Францишкой Шанцковской из местечка Боровиша (в Германии)»¹. В Германии лже-Анастасии

¹ Двуглавый Орел. № 27. 1929. С. 1288.

грозило предание суду за присвоение чужого имени. Однако какие-то заинтересованные лица решаются переправить ее в США.

Как сообщал изучивший этот вопрос А.Н. Крупенский, «из Соединенных Штатов был вызван Глеб Боткин, сын лейб-медика, последовавшего в Екатеринбург за Царской Семьей и убитого там за свою верность. Глеб Боткин, видевший Великую Княжну Анастасию Николаевну в детстве всего два раза, прибыл в Зеон — поместье герцога Г.Н. Лейхтенбергского, около Мюнхена, где проживала самозванка. Не колеблясь, признал он в ней Великую Княжну и после двухдневного пребывания вместе с герцогом Г.Н. Лейхтенбергским и самозванкой в Париже был уполномочен состоять неотлучным спутником и опекуном самозванки на время ее дальнейшего путешествия и пребывания в Соединенных Штатах. Первое время по прибытии в Нью-Йорк самозванка пользовалась гостеприимством г-жи Лидс (Княжны Татьяны Георгиевны, дочери Великого Князя Георгия Михайловича), вначале поверившей в тождество Чайковской с Великой Княжной. Через некоторое, однако, время самозванке было предложено покинуть дворец г-жи Лидс и искать приюта в ином месте»¹.

Американские газеты и иллюстрированные журналы запестрели статьями о чудесно спасенной Великой княжне, беседами с ее «другом детства» Глебом Боткиным и изображениями самозванки, для которых пользовались ретушированными фотографиями настоящей Великой княжны Анастасии (факт этот был официально установлен научной экспертизой). В этом отношении было сделано решительно все, чтобы взволновать общественное мнение и возбудить подозрение, что члены Россий-

¹ Двуглавый Орел. № 27. 1929. С. 1285.

ской Императорской Фамилии умышленно отказываются признать спасенную Великую княжну, дабы самим воспользоваться громадным наследством, якобы оставшимся после убийства Государя в разных европейских и американских банках. Особенно отличался в этом отношении сам Глеб Боткин, позволивший себе написать невероятно наглое и дерзкое письмо великой княгине Ксении Александровне, в котором он заявлял, что непризнание ее высочеством в Чайковской своей племянницы является фактом более преступным, нежели убийство Государя чекистами. Возмутительность этого письма усугубляется еще тем, что оно было написано немедленно после кончины Государыни Императрицы Марии Федоровны¹.

Несмотря на то, что по неясным причинам самозванку признали великий князь Андрей Владимирович и родственники Романовых герцоги Лейхтенбергские, подавляющее большинство членов Императорского Дома выступили с категорическим протестом.

В журнале «Двуглавый Орел» публикуется заявление членов Императорского Дома²: «Газеты сообщали, что некая женщина, именующая себя госпожой Чайковской, утверждает, будто она Великая Княжна Анастасия Николаевна, чудесно спасенная от смерти; газеты добавляют, что авторитетные лица признали в ней Великую Княжну Анастасию Николаевну.

К нам часто обращаются с вопросами, насколько это утверждение верно, и наше молчание истолковывают как допущение этой возможности.

¹ Двуглавый Орел. № 27. 1929. С. 1286.

² Там же. № 22. 1929. С. 1071–1073.

Ввиду этого, для предупреждения ложных толков и предположений, мы считаем своим долгом сделать следующее заявление.

Великая Княгиня Ольга Александровна, близко знавшая детей Государя, виделась и говорила с женщиной, которая именуется себя госпожой Чайковской и в которой некоторые лица узнают Великую Княжну Анастасию Николаевну. Великая Княгиня Ольга Александровна категорически заявляет, что эта женщина не имеет ничего общего с личностью Великой Княжны.

Фрейлина Их Величеств Баронесса Буксгевден, бывший воспитатель Наследника Цесаревича и преподаватель французского языка Августейших Дочерей Государя г-н Жильяр и г-жа Жильяр, бывшая при них няней, остававшиеся при Царской Семье вплоть до момента ее заточения в Екатеринбурге в мае 1918 года, также виделись и говорили с этой женщиной и точно так же самым определенным образом заявили, что они не узнали в ней Великой Княжны Анастасии Николаевны.

С.С. Кострицкий, зубной врач Их Императорских Величеств, лечивший зубы всех детей Государя и видевший их в последний раз в Тобольске в 1918 году, имел в руках гипсовые слепки верхней и нижней челюсти г-жи Чайковской и удостоверил, что эти слепки по расположению зубов и форме челюстей совершенно не походят на зубы, их расположение и строение челюстей Великой Княжны Анастасии Николаевны.

Профессор Бишоф (Директор Института научной полиции Лозанского Университета) после тщательной экспертизы и сличения фотографий категорически заявил: “Невозможно допустить сходства между личностями г-жи Чайковской и Великой Княжны Анастасии Николаевны”.

На основании этих свидетельств мы заявляем свое твердое убеждение, что женщина, именуемая себя г-жой Чайковской и находящаяся в настоящее время в С.Ш. Северной Америки, не есть Великая Княжна Анастасия Николаевна.

Настоящее заявление одобрено Ее Императорским Величеством Государыней Императрицей Марией Феодоровной».

Подлинник подписан: великой княгиней Ольгой Александровной, великой княгиней Ксений Александровной, великим князем Александром Михайловичем, князем Андреем Александровичем, князем Феодором Александровичем, князем Никитой Александровичем, князем Дмитрием Александровичем, князем Ростиславом Александровичем, князем Василием Александровичем, княжной Ириной Александровной, великим князем Дмитрием Павловичем, великой княгиней Марией Павловной; братом и сестрами Государыни Императрицы Александры Феодоровны: великим герцогом Эрнст Гессенским, принцессой Викторией Мильфорд Хавен, принцессой Иреной Прусской.

Свидетельство великой княгини Ольги Александровны, написанное в Копенгагене, 28 февраля 1927 года, на английском языке:

«В последних числах октября 1925 года я посетила г-жу Чайковскую в санатории Момсена в Берлине; ни в лице, ни в голосе, ни в личности ее я не нашла сходства с моей племянницей Анастасией.

Она всеми способами пыталась убедить меня в том, что она действительно Анастасия. Она знает о семейной жизни (Государевой Семьи) и вообще о всем, что ее касается, не больше того, что было опубликовано или общеизвестно.

На все мои вопросы, которые касались прежних дней, друзей, или интимной стороны жизни, она ровно ничего не могла ответить.

Она произвела на меня впечатление искренно верящей в то, что она действительно Анастасия.

Она была подготовлена к моему посещению и сама мне передала, что ее предупредили: “во вторник вы будете иметь большую радость” и что “кто-то придет из Дании”.

Конечно, из этого она сообразила, в чем дело, и ожидала меня.

ОЛЬГА».

Заявление великого князя Александра Михайловича:

«Женщина, именующая себя 2-гой Чайковской, не имеет ничего общего с личностью Великой Княжны Анастасии Николаевны, погибшей в Екатеринбурге в 1918 году.

Нам, близким родственникам Царской Семьи, и всем чтившим и любившим ее, трудно и больно примириться с мыслью, что нет более в живых на земле никого из тех, кто в тиши счастливой семейной жизни несли величайший подвиг служения своей Родине и своему народу.

Хотелось бы верить, что кто-нибудь из них избег мученической смерти, хотелось бы на оставшегося в живых сосредоточить нашу любовь, которая уже 10 лет не имеет возможности и цели своего выражения; хотелось бы в эту любовь вложить все накопившееся в наших душах искреннее раскаяние в том, что не сумели мы сберечь от врагов и охранить от гнусной клеветы тех, души которых были чисты, и не было в них ничего, кроме добра и любви ко всем.

Вот почему легенда о том, что есть женщина, в которой некоторые узнали Великую Княжну Анаста-

сию Николаевну, мила нашему сердцу, но долг повелевает нам громко сказать, что, к сожалению, в данном случае мы имеем дело с ошибкой или недоразумением: нельзя оскорблять чистой памяти ушедших, оставляя легенде жить и распространяться.

Великий Князь АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ».

Несмотря на столь твердую отповедь притязаниям самозванки, ее попытки официально утвердиться под именем Анастасии Романовой не прекращаются. Приняв после замужества фамилию Андерсон (а позднее Мэнэхэн), лже-Анастасия с маниакальным упорством добивается признания статуса царской дочери. С 1938 по 1977 год она ведет судебную тяжбу, однако ничего не добивается. К концу 70-х годов она окончательно теряет рассудок и в 1984 году умирает в психиатрической клинике, и с непонятной поспешностью (через несколько часов после смерти) ее кремируют. Урна с ее прахом была захоронена в фамильном склепе герцогов Лейхтенбергских в Германии. Но даже после смерти самозванки заинтересованные лица пытаются продолжать отстаивать ее притязания.

Только в 1994 году генетический анализ частиц кожи самозванки поставил в этом деле точку, показав, что она не имеет ничего общего с родом Романовых.

История другой лже-Анастасии развивалась в Приморье. В обычной жизни ее знали как Анастасию Спиридоновну Карпенко¹. Перед смертью она якобы рассказала своему сыну, что она «дочка Николая II». «*Меня одели в одежду служанки, — рассказывала она, — и увезли*». За ними была погоня. Пря-

Сведения о А.С. Карпенко излагаются по публикации В. Кашица в газете «Литературная газета» (31.7.1991).

тались около озера. Сопровождал ее «дядя Филипп». Он скрывался первоначально в монастыре недалеко от села Борисовка. Там ее фиктивно удочерил некто Спиридон. Примерно в 1920 году ее привезли в село Ново-Никольское в семью Мирошниченковых и выдали замуж за Федора Васильевича Карпенко.

Анастасия уверяла, что неграмотная, но дети часто видели ее с книгой в руках. «Она всегда кутала лицо в платок, — рассказывали дети, — и рот прикрывала рукой».

Исследователь этой лже-Анастасии В. Кашиц рассказывает несколько случаев из жизни этой, по-видимому, психически больной, женщины, научившейся скрывать свой недуг от мужа и детей.

«Как-то соседка дома рядом пригласила к себе маленькую Шуру (Александру Федоровну, дочь Анастасии. — О.П.), достала из сундука шкатулку расписную с изображением Царя и Царицы и сказала: “Вот твой дед и бабка”. А когда Шура рассказала об этом матери, то Анастасия, не отрицая, лишь спросила: “Правда? И они красивые? Понравились?..”»

Был и такой случай. К Анастасии приехала сестра из города, и они пошли в огород. И вдруг из соседнего дома по ним, женщинам, прогремело несколько выстрелов. Стрелял какой-то приезжий. Это очень встревожило Анастасию, и она скомандовала мужу, чтобы он тут же увез сестру на станцию, а семья переселилась жить в дом на окраине.

У Анастасии, отрицавшей в разговорах свое родство с Мирошниченковыми, было немало на стороне родни «городской, из бывших господ»: сестры, то ли двоюродные, то ли даже родные; был и памятный для всех детей загадочный высокий «старик» в темных очках, походивший на Анастасию. «Такой же лоб высокий и поворачивал голову, как мама».

Муж Анастасии, вернувшись в конце сороковых из заключения, где погибли двое его братьев, рассказывал за столом в присутствии детей, что, когда он был арестован, следователь не раз спрашивал: «А знаешь ли ты, что женат на царевне?» Он пожимал плечами, тупо отвечал: «Не-е. Моя с Борисовки». И, смеясь, добавил: «Обманула нас бабка-то. Хорошо, что Сталина нет, и я реабилитирован, а то бы снова сидеть». Анастасия молчала слушала его и улыбалась.

Александра Федоровна пишет мне: «В Омске вызывали в КГБ, после войны уже, что-то проверяли, я не знаю, помню, спросили: “А кто такой Василий за границей, дядька твой богатый, ты бы хотела туда?” Говорю: “Не знаю никого”. Расписалась, отпустили и больше не вызывали никогда. Значит, там знают про нас”»¹.

Так постепенно складывалась новая легенда. Даже после смерти А.С. Карпенко в 1976 году в Омске, в Приморье и Омской области осталось немало людей, которые до сих пор верят, что Царевна Анастасия жила среди них.

Еще одна лже-Анастасия под именем Надежды Владимировны Ивановой-Васильевой умерла в 1971 году в Свяжской психиатрической больнице. Эта самозванка провела всю свою жизнь в тюрьмах и психиатрических больницах и в односторонней переписке с НКВД.

В архивах НКВД сохранились документы, в которых она сама рассказывала о себе. *«Когда же мы находились в Екатеринбурге, в Ипатьевском купеческом доме, то мы были приговорены к смертной казни. Я была ранена в обе руки и в голову. Тут же я потеряла*

¹ Литературная газета. 31.7.1991.

сознание, только помню последние слова своего брата Алексея Николаевича: «Хорошо, вы расстреливаете моего отца, он виновен вы находите, но в чем ведь я виноват?» О дальнейшем ничего не помню ввиду потери мною сознания. Когда я пришла в сознание, то оказалась у командира Николая Владимировича Владимирова на квартире в Екатеринбурге. Было у меня платье облитое известью. Я спросила: «Скажите, где же остальные?» Он мне ответил, что все расстреляны. Я опять потеряла сознание»¹.

В 1920 году Н.В. Иванова-Васильева пыталась бежать за границу, но в Иркутске была арестована и приговорена к расстрелу, который был заменен тюремным заключением. В 1929 году ее выпустили, и она переехала в Ялту. «Через некоторое время, — указывала Анастасия, — я была вызвана в Ялтинское ГПУ и было мне предъявлено обвинение в том, что я являюсь дочерью Николая II, но я от этого отказалась и была освобождена. Через полгода, в ночь 6 ноября 1930 г., я была вновь взята с квартиры в Москве, Москворецкая улица, дом 13/2, и отправлена в концлагерь Вишерский. В Вишерском концлагере я встретила из нашего дворца Казакова, княжну Гагарину Александру Николаевну и княжну Урусову Лидию Яковлевну». После Вишеры еще несколько лагерей и затем короткий миг свободы.

«Я узнала, что Анна Вырубова, наша бывшая фрейлина, проживает в Финляндии, в Гельсингфорсе, — описывала Анастасия дальнейшие события, — я была очень обрадована и сейчас же ей написала о себе. Когда же она получила от меня письмо, то долгое время не могла понять, как я могла остаться живой из-под расстре-

¹ Здесь и далее архивные материалы о Н.В. Ивановой-Васильевой приводятся по публикации Р. Валитова и Е. Светловой в газете «Совершенно секретно». 1994. № 1.

ла. Она затребовала мои фотографические карточки. Я же ей отправила и ждала визы для выезда».

Вместо «визы» ее направили на обследование. Врачи установили, что Иванова-Васильева страдает шизофренией, «она целиком наполнена бредовыми мыслями о своем происхождении из семьи Романовых. Бред этот никакой коррекции не поддается».

Вероятно, так же надо было в свое время обследовать Анну Андерсон и А.С. Карпенко. Скорее всего, именно психическое заболевание превратило их в лже-Анастасий. Но главное, конечно, не в них, а в тех, кто, преследуя определенные цели, стал доказывать их подлинность.

Во время моих поездок по Уралу и Сибири мне не раз приходилось слышать о спасавшихся где-то в глухих лесных сторожках или скитах Царских дочерях, их детях и внуках. В деревне Кошухи Верхне-Тавдинского района Екатеринбургской области на сельском кладбище я видел могилу еще одной «царевны Анастасии». По местным преданиям, она умерла от простуды на пароходе по дороге из Тобольска в Тюмень. На каменном надгробии сохранились слова: «Здесь покоится девица Анастасия Романова, 1898—1918». Сколько еще таких могил может быть на Руси?

ГЛАВА 22

Череда самозванцев. — Голеневский. — «Царскую семью уберег Юровский». — Спасение в Сухуми. — Еврейский миф о Николае II

В 1960-е годы в недрах американских спецслужб рождается еще один самозванец, выдававший себя за Царевича Алексея. Им был кадровый американский шпион Михаил Голеневский, в течение многих лет служивший в американской резидентуре в Польше, а в начале 60-х годов вернувшийся в США.

Новым заданием шпиону стало проведение специальной операции по реабилитации евреев в деле злодейского убийства Царской семьи.

Объявив себя сыном русского Царя, Голеневский начал «свидетельствовать», что евреи не только не принимали никакого участия в этом самом страшном преступлении XX века, а наоборот, что непосредственный руководитель убийства Юровский спас и тайно вывез за границу всю Царскую семью.

Об этой цели самозванца свидетельствовали его «признания», опубликованные в нью-йоркской газете «Лонг Айланд Пресс»¹. Приписав спасение Царской семьи из Ипатьевского дома Юровскому и напомнив, что Юровский был евреем, самозванец утверждал, что Юровский и его семья скрылись из Екатеринбурга через два дня после якобы совершившегося царубийства. «Я узнал, — заявил лжецаревич, — что сын человека, который командовал стражей, получивший приказ о расстреле Царской Семьи, живет теперь в Нью-Йорке. Он должен знать правду. Я думаю, что это рассеет значительную часть того недоброжелательства, которое русские испыты-

¹ Long Island Press 11 January 1965.

вают по отношению к евреям вследствие приписываемого им участия в убийстве Царской Семьи. Это изменит положение евреев, особенно в России»¹.

Опираясь на специалистов американских спецслужб, лже-Алексей Голеневский разработал новую версию событий, совершившихся в Екатеринбурге. По этой версии, «убийства царской семьи не существовало». Сведения о нем сфабриковано советским правительством. «На самом деле, – утверждал Голеневский, – вместо Царя был убит какой-то офицер»².

С помощью Юровского вся Царская семья бежала в Польшу, где долгое время скрывалась в еврейских семьях. В Польше Царь сформировал «Имперское Антибольшевистское подпольное движение».

Лже-Алексей Голеневский утверждал, что мать Императора Мария Федоровна «знала, что вся Семья жива», и даже привлек на свою сторону в качестве свидетелей некоторых продажных монархистов. Более того, он нашел поддержку у некоторых иерархов Русской Зарубежной Церкви, зависимых от американских спецслужб.

30 сентября 1964 года протопресвитер Русской Зарубежной Церкви Георгий Граббе на частной квартире, без предварительного оглашения, повенчал жившего в Нью-Йорке М. Голеневского, назвав его в свидетельстве о бракосочетании Алексеем Николаевичем Романовым, кощунственно указав в документе дату и место рождения настоящего Царевича Алексея. Этим актом Зарубежная Церковь признала самозванца³. На бракосочетании самозванца присутствовали «спасшиеся великие княжны Татьяна и Ольга».

¹ Цит. по: Григорьев И. Как Ленин, Свердлов, Голощекин и Юровский «спасали» Царскую семью. Б.м., б.г. С. 1.

² Попов А. Уши самозванца // Владимирский вестник. № 108. 1966. Август.

³ Наша Страна (Буэнос-Айрес). 7.8.1973.

С помощью специалистов ЦРУ фабрикуется ряд фотографий с изображениями «спасшейся Царской семьи». На одной из фотографий, снятой якобы в мае 1942 года, были представлены «великая княжна Мария Николаевна, Ее отец Царь Николай II и царевич Алексей Николаевич». Во многих американских газетах и журналах публикуется фотография с подписью: «Русская Императорская фамилия: царица и царевич Алексей Николаевич, великие княжны Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна». Американские режиссеры сняли «сенсационный» фильм «Спасение Царской семьи» со вставками бесед со «спасшимся Наследником Царевичем Алексеем» (Голеневским).

В интервью газете «Русская жизнь» от 24 августа 1966 года самозванец сообщал о якобы «крупном капитале, вложенном в различных банках за границей Императором Николаем II, всего 400 миллионов, который Романов-Голеневский считает своим, по наследству, как Цесаревич Алексей; он знает, в каких банках лежат деньги и акции — в Англии, Германии, в Париже и в США. Он намерен эти деньги, выросшие в настоящее время в миллиарды долларов, употребить на борьбу с коммунизмом во всем мире, желая освободить мир от небывалого в истории людей гнета».

В течение не менее четверти века Голеневский при поддержке американских властей продолжал свой кощунственный спектакль, выпуская периодический информационный бюллетень, а в 1984 году издал так называемую Белую книгу, в которой якобы документально обосновывал факт спасения Царской семьи Юровским¹.

¹ *Romanoff A.* White book. Vol. I. Intelopers Durevs publishing corporation, 1984.

Впрочем, Голеневский не был единственным самозванцем зарубежья, выдававшим себя за спасшегося Царевича Алексея. Лже-Алексеем объявляли себя В. В. Щетинин из Багдада, гражданин Испании А. Бримейер, гражданин Бразилии А. Романов, гражданин Канады А. Романов (ум. 1977).

Внуком спасшейся дочери Николая II Великой княжны Марии объявил себя испанский принц Алексис Д'Анжу де Бурбон-Конде, более того, он даже заявил о своих правах на российский Престол¹. Этот самозванец утверждал, что его бабушка, дочь Николая II Мария, спаслась и всю жизнь прожила в Мадриде. Самозванец написал книгу, в которой сообщал, что Царица Александра Федоровна и четыре ее дочери остались живы согласно особому секретному пункту Брестского договора. Самозванец также утверждал якобы со слов Александры Федоровны, что Царевич Алексей не был убит, а умер от болезни².

В России за Царевича выдавал себя некто Ф.Г. Семенов, который, подобно лже-Анастасии Ивановой-Васильевой, проводил свою жизнь то в психиатрической больнице, то в лагере. В январе 1949 года Семенов был помещен в психиатрическую больницу № 1 Карельской АССР. Лагерный врач, направивший его в больницу, описывает острое психопатическое состояние больного, указывает, что Семенов все время «ругал какого-то Белобородова». «В психиатрическую больницу, — пишет врач, — [Семенов] поступил в ослабленном физическом состоянии, но без острых признаков психоза... За время лечения окреп физически. С момента поступления был вежлив, общителен, держался с достоинством

¹ Известия. 2.2.1995.

² ОРТ, информационная программа. 31.10.1993.

и скромно, аккуратен». Врачом в истории болезни отмечено, что он в беседе не скрывал своего происхождения. «Манеры, тон, убеждение говорят за то, что ему знакома была жизнь высшего света до 1917 года». Ф.Г. Семенов рассказывал, что он получил домашнее воспитание, что он сын бывшего Царя, был спасен в период гибели семьи, доставлен в Ленинград, где жил какой-то период времени, служил в Красной Армии кавалеристом, учился в экономическом институте (по-видимому, в городе Баку), после окончания работал экономистом в Средней Азии, был женат, имя жены Ася, затем говорил, что Белобородов знал его тайну, занимался вымогательством. В феврале 1949 года был осмотрен врачом-психиатром из Ленинграда Генделевичем, которому Семенов заявил, что «у него нет никакой корысти присваивать чужое имя, что он не ждет никаких привилегий, так как понимает, что вокруг его имени могут собраться различные антисоветские элементы, и, чтобы не принести зла, он всегда готов уйти из жизни». В апреле 1949 года Семенову была проведена судебно-психиатрическая экспертиза, был признан душевнобольным, подлежащим помещению в психиатрическую больницу МВД¹.

В 1993 году А. Гряник выдвигает версию о том, что Царь Николай II не был убит, а спасся вместе с семьей и с 1920 года проживал в Грузии, в Сухуми, под фамилией Березкин, где и умер в 1957 году. Супруга и дочери Царя жили под другими фамилиями. На пресс-конференции в 1993-м Гряник заявил, что одна из дочерей Царя, Татьяна Николаевна, до сих пор живет в Сухуми.

По версии Гряника, в доме Ипатьева были убиты двойники членов Царской семьи. В основе версии

¹ Огонек. 1990. № 38. С. 31.

Гряника две экспертизы внешнего сличения лиц фотографий членов Царской семьи и фотографий Березкина и других «сухумцев», которых Гряник считает членами Царской семьи.

Поток самозванцев, в большинстве своем психически ненормальных людей, не прекращается до сих пор, не прекратится и в будущем. Всегда, когда появляются новые самозванцы, вокруг них возникают некие личности, готовые использовать их в своих антирусских или корыстных целях.

Характерный пример – история бывшего завхоза Гнесинского училища Н.А. Романова-Дальского, объявившего себя внуком Цесаревича Алексея и претендующего на русский Престол. В другое время известность о его претензиях на Престол не пошла бы дальше круга его знакомых или архивов психиатрических больниц. Но в середине 90-х годов самозванец встречался с некими Киприаном и Адрианом, выдававшими себя за православных священнослужителей, на самом деле принадлежавшими к секте «Украинская Православная Церковь Киевского патриархата». Секта эта была сформирована иудеями и масонами для проведения раскольнической работы в Русской Православной Церкви. В состав секты вошли убежденные враги России. На некоторое время сектантам удалось захватить Богоявленский собор в Ногинске (Богородск) и сделать его центром антиправославной и антирусской деятельности. В 1996 году сектанты устроили в соборе (незадолго до их выдворения) антирусский шабаш «коронации» всероссийского императора Николая III.

Самозванец Николай III поведал свою историю спасения Царевича Алексея в 1918 году. Помог ему спастись, оказывается, сам Юровский, подменив-

ший его племянником царского повара. Мальчик был воспитан в семье евреев Объектовых. Его болезнь оказалась не опасной, он выздоровел, стал кандидатом сельскохозяйственных наук. Перед своей смертью в 1965 году он открыл сыну тайну своего происхождения, завещав открыться миру в 50 лет. Как и в случае с Голеневским, русский народ должен благодарить за спасение Царевича Янкеля Юровского и еврейскую семью, вырастившую Наследника. Подоплека создания мифа о Николае III совершенно очевидна.

ГЛАВА 23

*Гордость цареубийц. — Музей на площади Народной мести. —
Снос дома Ипатьева. — Поругание святыни*

Всю жизнь цареубийц переполняет гордость за содеянное. Они пишут воспоминания, спорят между собой, у кого больше заслуг в этом злодеянии. К десятилетию убийства готовятся юбилейные торжества. В 1926 году выходит книга П.М. Быкова «Последние дни Романовых», дававшая официальную трактовку событий. Художнику заказывают огромную парадную картину о передаче Романовых в руки Уралсовета¹. На ней в жалком виде представляют Царскую чету и победоносными героями — членов Уралсовета. Площадь перед домом, где было совершено злодеяние, получает новое название: площадь Народной мести. Однако юбилей отменяется свыше, а «героям» велют держать язык за зубами. Распоряжение исходило от самого Сталина. Почему? Да потому, что, как я уже говорил, многие организаторы и исполнители убийства были сторонниками Троцкого. Сафаров, Сосновский, Белобородов, Дидков, да и сам Голощекин пользовались симпатией Льва Давидовича. Именно в 1927 году, когда готовится юбилей, почти все поименованные лица снимаются со своих постов, некоторые даже исключаются из партии. На документах и в воспоминаниях, посвященных судьбе Царской семьи, устанавливается гриф «секретно». Можно, конечно, говорить о казни Романовых, но без злодейских подробностей и не упоминая организаторов. В Ипатьевском доме

¹ Весьма знаменательно, что сейчас эта картина находится в фондах бывшего Музея Свердлова в Екатеринбурге.

размещают Музей Революции, одна комната (та самая, подвальная) в нем посвящена «казни» Царской семьи, даже выставлены некоторые вещи. Над лестницей, ведущей в подвальную комнату, вешают юбилейную картину. Старики рассказывают, что в 20–30-е годы их водили сюда, «как в зверинец». Посещение места убийства входило в программу воспитания подрастающего поколения, а почетными воспитателями были старые большевики, подобные Юровскому и Ермакову. На пионерских сборах после песни «Взвейтесь кострами...» выходил полупьяный Ермаков и с геройским видом рассказывал о своих «подвигах». Юровский на встречах со старыми большевиками раскрывал секреты чекистского мастерства. «Романтика» бандитских убийств, восхваление «товарища маузера» пронизывают рассказы большевистских палачей.

Осенью 1932 года в Ипатьевском доме побывал французский журналист Пьер Фредерикс. «Ипатьевский особняк, — писал он, — превращенный теперь в музей, размещается как раз напротив красноармейского клуба. Белый дом, под окнами которого растут ивы. В угловой комнате помещался арестованный Царь и Александра Федоровна. Великие княжны и доктор занимали соседние комнаты.

На том месте, где стояла кровать Николая II, теперь торчит большая статуя Ленина, протягивающего к посетителям руки... Комнаты не содержат ничего интересного. Мебель исчезла. Стены покрыты большевистскими фотографиями. Но подвал, в котором происходило убиение царской семьи, оставлен в том же самом виде, какой он имел в 1918 году.

Стены хранят еще следы пуль.

Когда я выходил из подвала, директор “музея” привел туда полдюжины школьников. И я слышал, как спокойным голосом он объяснял им:

— Царь послал на смерть множество людей. И советская власть покарала его...»¹

Злодейские «идеалы» палачей проходят через всю жизнь участников убийства Царской семьи, многие из которых, как мы уже видели, становятся руководителями разных карательных органов и ГУЛАГа, используя весь накопленный опыт. Вполне закономерным стало использование шахт как мест массовых расстрелов и захоронения людей. А для уничтожения следов этих захоронений шахты засыпают шлаком, заливают кислотой. Таким местом стала, например, шахта в районе Золотой (Лысой) горы на Южном Урале. Здесь в 30-е годы были умерщвлены многие тысячи человек. Предметы, найденные археологами, наталкивают на мысль, что жертвы не знали, что их ждет смерть. Позднее, чтобы скрыть место убийств, сюда завозили шлак, известь, сливали отработанную кислоту и щелочь². Во время расстрелов шахта оцеплялась войсками НКВД. П.З. Ермаков, бывший в 20-е — первую половину 30-х годов заместителем начальника ГУЛАГа Уральской области, мог быть доволен — его опыт массовых убийств использовался на сто процентов.

В конце 50-х — 60-е годы по мере возрождения национального сознания все чаще поднимается вопрос о судьбе Царской семьи. Злодейство начинает осознаваться во всей его наготе и чудовищности. К местам убийства членов Царской семьи идет на-

¹ Последние новости (Париж). 28.12.1932.

² Использование большевистских методов уничтожения трупов с помощью кислоты и щелочи в дальнейшем распространилось и на самих «соратников Ленина» во время их кровавых разборок. Таким образом, например, было уничтожено тело еврейского большевика Л.П. Берии. Как рассказывал один из участников ликвидации трупа Берии, «кто-то предложил растворить труп в щелочи. Подходящая ванна была там же, в убежище (где был расстрелян Берия. — *О.П.*). Щелочь принесли. Вот так трупа Берии и не стало». (Власть. № 22. 2000. С. 47.)

стоящее паломничество. Протаптываются тропинки туда, куда они, кажется, давно заросли. Люди идут не только к Ипатьевскому дому, но и к шахтам в Коптяковском лесу и в окрестностях Алапаевска.

В день убийства люди приносят сюда цветы, читают молитвы, склоняют головы в осознании трагедии поруганного Отечества, разрушенной Православной Державы.

Но наследники Свердлова, Голощекина и Юровского не собираются сдавать своих позиций. Ими задумывается еще одно убийство Царской семьи. На этот раз убийство памяти. Новому убийству предшествуют «письма трудящихся» в ЦК КПСС с просьбой прекратить монархические демонстрации возле Ипатьевского дома. Дети Юровского тоже пишут письма в высшие инстанции, требуя пресечь «подлую клевету» на светлую память их отца. Их возмущает распространение слухов, что их отец был репрессирован как троцкист. Эти письма сохранились в архиве. Я листаю их. Сын Юровского Александр, контр-адмирал, напирает на особые заслуги отца, подчеркивает, что он лично расстрелял Царя¹. Что же это такое (следует из письма), отец совершил геройский подвиг, а никак не увековечен? Чтобы восполнить этот пробел, друг Юровских **Яков Резник** пишет одну из самых фальшивых книг своей эпохи — повесть «**Чекист**». В ней палач, убийца и садист представлен в образе идейного, порядочного человека. Исторические события в повести сознательно фальсифицируются.

Более тонкой, но не менее лживой **фальсификацией событий** стала книга **М.К. Касвинова** «**Двадцать три ступени вниз**». Она была написана по указанию сверху и при поддержке КГБ. Цель книги — дать вы-

¹ СПА, ф. 221, оп. 2, д. 497, л. 14–19.

годную для наследников Свердлова, Голощекина и Юровского интерпретацию событий. Интерпретацию, более подходящую к новым историческим условиям. Книга Быкова для этого уже не годилась.

Современной интерпретацией большевистского отношения к памяти Государя стала **созданная в жанре бульварного романа книга Э. Радзинского «Господи, спаси и умири Россию»**. Сначала удивляет, как в наше время широкой доступности информации может появиться такая информационно бедная, лишенная новизны, хотя и толстая книга. И только потом понимаешь, что в этой бедности была своя заданность, намеренная усеченность сведений. В искаженном виде представляется образ Государя и Государыни. Даже само название книги, в котором присутствует слово «усмири», т.е. «приведи к повиновению» (на самом деле подлинное слово Государя — «умири», то есть дай мира), является намеренной фальсификацией духовной личности Царя и продолжает большевистскую традицию «Николая Кровавого». Мусолятся старые, давно опровергнутые слухи о любовных связях Царя и его окружения. Как и в 20-е годы, безосновательно утверждается, что Царица находилась в сношении с врагом, переводя через Рубинштейна деньги своим немецким родственникам. Снова на полном серьезе вытаскиваются фальшивое «завещание Распутина» и весь антураж бульварной либерально-большевистской «распутиниады» и заклинаний со словами «Святой черт».

Изверги-убийцы типа Юровского и Голощекина показаны с определенной симпатией, как борцы за идею, а Керенский (готовивший убийство Царя) и тюремщик Царя Панкратов (отсидевший 14 лет за убийство) представлены просто добряками, в «воз-

вышенных душах» которых Государь просто «не разобрался». В общем, совершенно очевидно, что симпатии Радзинского явно на стороне извергов, и поневоле задаешься вопросом: а не был ли чекист Радзинский, участвовавший в уничтожении тел Царской семьи в 1918 году, родственником автору этой книги, убивающему настоящую память о Государе?

В 70-е годы в ЦК поднимается вопрос о судьбе Ипатьевского дома. Занимается им сам Суслов. В Свердловск командировается министр внутренних дел Щелоков, он осматривает дом, поднимает материалы об убийстве, хранящиеся в областном архиве. Вожак уральских большевиков Б.Н. Ельцин вместе со Щелоковым проводит закрытое бюро обкома, на котором принимается как бы инициатива снизу – решение о сносе дома Ипатьева¹. И именно на основе этого решения Политбюро издает секретное постановление о сносе. Подчеркивается, что к 60-летию убийства около дома могут быть демонстрации.

Иную интерпретацию событий дает непосредственный руководитель акции первый секретарь обкома Б.Н. Ельцин: *«...по каким-то каналам информация о большом количестве паломников к дому Ипатьевых пошла в Москву. Не знаю, какие механизмы заработали, чего наши идеологи испугались, какие совещания и заседания проводились, тем не менее, скоро получаю секретный пакет из Москвы. Читаю и глазам своим не верю: закрытое постановление Политбюро о сносе дома Ипатьевых в Свердловске. А поскольку постановление секретное, значит, обком пар-*

¹ Информация получена от бывших работников Свердловского обкома партии.

Свердловск. Дом Ипатьева. 1930 г. Фото Ж. Берланда

тии должен на себя брать всю ответственность за это бессмысленное решение.

Уже на первом же бюро я столкнулся с резкой реакцией на команду из Москвы. Не подчиниться секретному постановлению Политбюро было невозможно. И

через несколько дней ночью к дому Ипатьевых подъехала техника, к утру от здания ничего не осталось. Затем это место заасфальтировали».

Все в этом пассаже руководителя уральских большевиков 1977 года дышит **политическим лукавством:**

нет упоминаний о приезде Щелокова, о решении бюро обкома, предшествующем решению Политбюро, события представляются так, как будто это произошло внезапно, в несколько дней, а ведь на самом деле этот вопрос прорабатывался много месяцев. (В Свердловском краеведческом музее нам рассказывали, что о сносе дома заговорили загодя, предложили, в частности, забрать из него некоторые предметы.)

И впрочем, главное даже не в этом политическом лукавстве, а в духе большевизма, который сквозит во фразе Ельцина: «Не подчиниться секретному постановлению Политбюро было невозможно». А ведь то же самое имели в виду в 1918 году Белобородов и Голощекин. Без всякой натяжки можем сказать, что в 1977 году Ельцин сыграл ту же роль, какую в 1918 году сыграли Белобородов и Голощекин, — все они стали безмолвными исполнителями преступного приказа, отданного богоборческой антирусской властью. Представьте себе тогда, что бы сделал Ельцин, если бы жил в 1918 году, получив приказ об убийстве Царской семьи, и что бы сделал Голощекин, если бы был первым секретарем обкома в 1977 году. «Время такое было», «так надо было тогда» — единственный аргумент подобных людей, исповедующих антирусский дух большевизма, какую бы тогу они на себя ни надевали. А суть его, повторяю еще раз, — использование в политической практике недопустимых, преступных, уголовных методов борьбы; присвоение себе права преступать любые человеческие законы ради достижения своих целей. И неправда, что иначе в то время было нельзя жить. Многие жили иначе, молча не принимая «правил игры» большевизма, часто с угрозой для жизни и благополучия противостоя его преступной практи-

ке. Но это уже вопрос морального выбора — каждый и в 1918, и в 1977 годах делал свой выбор.

Снос дома Ипатьева осуществляется за несколько дней, в сентябре 1977 года (сообщение краеведа И.П. Бизина). Место сноса заваливается камнями и щебенкой (а не асфальтируется, как утверждает Ельцин). По мнению старожилов, это делается для того, чтобы постепенно засыпать место убийства, до неузнаваемости изменив само окружающее пространство.

Закономерное «совпадение». Но в конце 70-х — начале 80-х годов принимается решение о «реконструкции» здания бывших «Королевских номеров» в Перми, где последнее время находилась театральная гостиница. В результате этой «реконструкции» остаются только стены здания. При «реконструкции» выяснилось, что все перекрытия, балки, несущие конструкции были в отличном состоянии, и не существовало необходимости их уничтожать. Выломав внутренности здания, «реконструкторы» успокоились. Длительный срок здание стояло без крыши. Кирпичная кладка впитывала влагу и разрушалась.

И еще одно «совпадение»: примерно в то же время под Алапаевском в пятидесяти метрах от шахты, где были убиты великие князья, роется огромная траншея для закладки силоса. Землю из траншеи бульдозер сдвигает прямо к шахте, частично засыпав ее и воздвигнув рядом настоящую гору.

В здании бывшей Напольной школы в 80-е годы организовали развлекательный центр. В комнате, где была заключена великая княгиня Елизавета Федоровна, устроен видеосалон, там, где находились князья, — дискотека (для этого из двух комнат сделали одну, разобрав стену), еще в одной комнате оборудуется бар.

Почти одновременно с уничтожением памяти о Царской семье антирусские силы также старательно искореняют память о ее друге – Григории Ефимовиче Распутине. В конце 70-х годов, вслед за разрушением Ипатьевского дома, за одну ночь по бревнышку разбирается изба Распутина, а ее место застраивается одноэтажным зданием барачного типа.

Но как бы ни стремились враги русского народа уничтожить память о Царской семье, им никогда это не удастся. Образ Царя навсегда останется в русском народном сознании символом Родины и Государства. Злодейское царевубийство рассматривается русскими как удар в сердце Святой Руси, сознательное уничтожение тех начал, которые были и будут всегда святы, хранятся в родовом сознании и психологии народа. Пока существует хоть один настоящий русский человек, суд и казнь над убийцами Царской семьи продолжают.

ГЛАВА 24

Новые поиски царского захоронения. — Раскопки в Поросенковом логу. — Находка девяти скелетов. — Создание Государственной комиссии. — Ее необъективный и антирусский характер. — Русская Церковь и православная общественность не поддерживают решение Комиссии. — Захоронение «екатеринбургских останков»

Поиск места захоронения царских останков продолжился в послевоенные годы. В 1945–1946 годы по указанию замминистра МГБ Б. Кобулова раскрывается предполагаемое захоронение Царя в Поросенковом логу. Протоколы этого расследования не были опубликованы.

В конце 70-х — начале 80-х годов поиском захоронения занималась группа добровольцев, возглавляемая А. Авдониным и Г. Рябовым. В 1979 году они вскрыли предполагаемое захоронение в Поросенковом логу «на дороге под шпалами». Как впоследствии писал Авдонин: *«Деревянный настил находился на глубине порядка 30–40 см от поверхности земли. Сразу же под настилом оказались человеческие останки. Из раскопа было изъято 3 черепа. Они были обследованы и через некоторое время возвращены обратно в землю. Экспертизу черепов выполнить не удалось, но после появления записки Юровского (ее добыл Г.Т. Рябов) мы не сомневались, что это были останки Романовых»*¹. После раскопок добровольцев захоронение было разрушено почти полностью. *«Что оттуда было изъято и что возвращено назад, остается неясным»*².

Следующее вскрытие предполагаемого захоронения царских останков было произведено полуофици-

¹ Правда о Екатеринбургской трагедии. С. 39.

² Там же.

ально в 1991 году. На этот раз на нем присутствовали специалисты-археологи, судебно-медицинские эксперты и криминалисты. Были вырыты девять человеческих скелетов, более десяти пуль, остатки веревок и обломки керамических сосудов с остатками кислоты.

Эксперты сделали вывод, что скелет № 1 согласуется с Демидовой Анной Степановной; № 2 — с врачом Боткиным Евгением Сергеевичем; № 3 — с Великой княжной Ольгой (по возрасту); № 4 — с Царем Николаем II; № 5 — с Великой княжной Марией (по возрасту и росту); № 6 — с Великой княжной Татьяной; № 7 — с Царицей Александрой Федоровной; № 8 — с Харитоновым Иваном Михайловичем; № 9 — с Трупном Алоизием Егоровичем.

Правительством РФ была создана официальная Государственная комиссия по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков Императора Николая II и членов его семьи. **В Комиссию, решавшую судьбу предполагаемых останков Императора, были введены три иудея¹ и два масона²** из группы подневольных правительственных чиновников. Возглавил Комиссию иудей Б.Е. Немцов, состоящий в целом ряде масонских организаций³. Он, его соплеменники и соратники придали работе Государственной комиссии целенаправленный антирусский характер. Совершенно сознательно они отвергли изучение религиозных, духовно-нравственных и исторических аспектов царубийства. Не захотели они и рассмотреть правовые вопросы ответственности царубийц за их преступление, тем более что некоторые их родственники до сих пор считают совер-

¹ Немцов Б.Е., Музыкантский А.И., Радзинский Э.С. (вероятно, родственник чекиста И. Радзинского, участвовавшего в царубийстве).

² Красавченко С.Н. (советник президента РФ), Себенцов А.Е. (заместитель руководителя аппарата правительства РФ).

³ До Немцова Комиссию возглавляли Ю.Ф. Яров, В.Г. Кинилев, В.Н. Игнатенко.

шенное злодейство историческим подвигом и продолжают владеть имуществом, украденным у Царской семьи. В общем, деятельность Государственной Комиссии свелась к скорейшему закрытию этого дела. В спешке был допущен целый ряд юридических ошибок и нелепостей.

В январе 1998 года Государственная комиссия вынесла ранее заготовленное решение, что представленные в захоронении скелеты принадлежат членам Царской семьи и сопровождавшим их лицам. Государственная комиссия «большинством голосов» пришла к выводу, что «в результате проведенных работ по идентификации останков с применением доступных современной науке методов исследований получен исчерпывающий научный материал (включая фиксацию анатомического строения и повреждений черепов путем компьютерной томографии), и в связи с этим нет необходимости в дальнейшем сохранении останков Царской семьи и лиц из их окружения в качестве объектов исследования, что позволяет провести их захоронение в Императорской Усыпальнице Санкт-Петербурга».

Однако трое членов Комиссии — митрополит Ювеналий (представлявший Русскую Церковь), В.В. Алексеев (директор Института истории и археологии Уральского отделения РАН) и С.А. Беляев (старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН) не согласились с решением комиссии и высказали особое мнение о том, что материалы, представленные Комиссии, не позволяют сделать точный вывод о принадлежности останков девяти человек бывшему Российскому Императору Николаю II и членам его семьи и их верным слугам.

Серьезные сомнения в правильности принятого Государственной комиссией решения высказала Русская Православная Церковь. В заявлении ми-

трополита Ювеналия было отмечено, что заключение Генеральной прокуратуры и республиканского центра судебно-медицинской экспертизы «нельзя принять с абсолютной достоверностью». На заседании Священного Синода 26 февраля 1998 года было высказано, что сомнение относительно «екатеринбургских останков дает основание для смущения и противостояния в обществе». Вместе с тем Синод отмечал, что затянувшаяся процедура криминалистической экспертизы привела к тому, что останки остаются без христианского погребения. В связи с этим Синод высказался в пользу безотлагательного погребения этих останков в символической могиле-памятнике. Окончательное решение о месте захоронения останков может быть принято после того, когда снимутся все сомнения.

К такому же мнению пришли русские ученые и православная общественность. На специальных слушаниях в мае 1998 года в Государственной думе группа русских ученых приняла заключение, выводы которого полностью расходились с выводами официальной Государственной комиссии:

«1. Работа следствия и Государственной Комиссии имела крайне тенденциозный и необъективный характер и была однозначно ориентирована на утверждение безусловной принадлежности останков Царской Семье.

2. Были полностью проигнорированы результаты судебного расследования убийства Императорской Семьи, произведенного в 1918–1924 гг.

3. Грубейшие нарушения процессуальных норм, допущенные следственной комиссией в 1991–1998 гг., вызывают серьезные сомнения в подлинности останков, найденных под Екатеринбургом.

4. Документом, на котором основана версия обнаружения в Коптяковском могильнике останков,

является так называемая “записка Юровского”, автором которой являлся профессор М.Н. Покровский. В ней приведены явно ложные сведения, что дает основания считать “записку” дезинформирующим документом.

5. Результаты исследования останков методами компьютерного фотосовмещения и скульптурной идентификации не могут считаться доказательными аргументами их идентификации, так как эти методы имеют крайне низкий процент точности, еще более сниженный из-за значительной разрушенности лицевой части черепов.

6. Доказательная ценность проведенных генетических исследований по идентификации “екатеринбургских останков” недопустимо мала.

7. Челюстно-лицевая и антропологическая экспертизы, проведенные группой ученых Санкт-Петербурга и Екатеринбурга, не позволяют считать, что найденные останки принадлежат Императору Николаю II и членам его Семьи.

8. Существуют серьезные основания считать, что захоронение под Коптяковской дорогой возникло в 1919 году после ухода Белой Армии и уничтожения трупов Царской Семьи.

9. Приведенные выводы не позволяют признать, что найденные под Екатеринбургом останки принадлежат Императорской Семье. Поэтому погребение неопознанных останков в Императорской усыпальнице приведет к созданию лже-мощей. Это может вызвать в Церковной и общественной среде раскол и противостояние.

10. Чтобы избежать этой беды, необходимо отменить погребение останков в Петропавловской крепости 17 июля 1998 года. Поддержать позицию Священного Синода от 26 февраля 1998 г. по их за-

хоронению во временной могиле-памятнике как жертв богоборческой власти.

11. Признать решение Правительства РФ об идентификации «екатеринбургских останков» с членами семьи последнего Российского Императора Николая Романова, принятое на основе мнения нескольких назначенных чиновников и следователя, противоречащим основам правового государства и общемировой практике: подобное решение является прерогативой судебной власти.

12. Предложить Генеральной Прокуратуре продолжить расследование обстоятельств гибели Царской Семьи, начатое в 1918–1924 гг., с привлечением независимого прокурора и крупнейших ученых-экспертов России и Зарубежья.

13. Для контроля за деятельностью ведения этого расследования и в помощь ему необходимо создать Международный координационный научный Совет с включением в него видных российских и зарубежных ученых, общественных деятелей и представителей духовенства».

Вопреки вескому мнению Русской Церкви, православной общественности и русских ученых, правительство РФ приняло решение о захоронении «екатеринбургских останков» в Императорскую усыпальницу в Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге 17 июля 1998 года, тем самым еще раз показав свою чуждость и враждебность русскому народу. Захоронение было осуществлено как политическое мероприятие и вызвало серьезное противостояние в обществе. Русская Церковь в лице ее высшей иерархии отказалась участвовать в нем. Служба в соборе совершалась рядовыми клириками.

С захоронением «екатеринбургских останков» вопрос об их принадлежности не только не был снят, но приобрел еще большую остроту.

ГЛАВА 25

Явление иконы Божией Матери. – Самодержавие не покинуло Россию. – Сохранение Удерживающего

Жизнь православного христианина не заканчивается физической смертью на земле, а является прелюдией будущей жизни. Тем более это касается Божиего Помазанника – русского Царя, выполнявшего в начале XX века мистическую функцию Удерживающего всего Православного Мира. С самого начала крестного пути Царя, закончившегося его ритуальным убийством, высшие силы взяли под свое покровительство Россию, дали русскому народу шанс искупить свою вину перед Богом. Подобно Христу, Царь Николай II своей мученической кончиной по-пал смерть и зло, которые принесли на Русскую землю сыны дьявола – талмудические иудеи.

В день отречения от Престола Царя Николая II произошло событие, которое наполнило надеждой сердца православных людей. Именно 2 марта в селе Коломенское под Москвой произошло явление иконы Божией Матери, названной «Державная», так как Царица Небесная была изображена на этой иконе как Царица земная.

Условия, при которых явилась святая икона, были следующие. Одной женщине, крестьянке Бронницкого уезда Жирошкинской волости деревни Починок, Евдокии Андриановой, проживавшей в слободе Перерва, были сновидения: первое 13 февраля и второе 26 февраля.

13 февраля Андрианова слышала таинственный голос: «Есть в селе Коломенском большая черная икона. Ее нужно взять, сделать красной и пусть молятся». Сильное впечатление произвело на Андриа-

нову это таинственное сообщение и, как женщину религиозную, побудило ее к усиленной молитве о получении более ясных указаний Воли Божией.

Как бы в ответ на усердную молитву, 26 февраля Андриановой снится белая церковь, и в ней величественно восседает Женщина, в Которой своим сердцем Андрианова признает и чувствует Царицу Небесную, хотя и не видит Ее святого лика.

Не имея возможности забыть и отрешиться от своих сновидений, Андрианова решается идти в село Коломенское, чтобы успокоить себя. 2 марта, перед исполнением христианского долга исповеди и св. причащения, она отправилась из Перервы к настоятелю Вознесенской церкви в село Коломенское.

При виде дивной Вознесенской церкви Евдокия Андрианова сразу же узнала в ней ту самую церковь, которую она видела во сне. Настоятелем церкви Вознесения был священник о. Николай Лихачев. Придя к нему в дом, Андрианова сообщила ему о своих сновидениях и просила совета, как поступить. О. Николай собирался служить вечерню и пригласил Андрианову вместе с собой в церковь, где показал ей все старинные иконы Богоматери, находящиеся в храме и на иконостасе, но Андрианова ни в одной из них не нашла какого-либо сходства со своим сновидением. Тогда по совету сторожа церкви и еще одного прихожанина, случайно зашедшего в церковь, о. Николай стал усердно искать икону повсюду: на колокольне, на лестнице, в чуланах и, наконец, в церковном подвале. И вот именно в подвале, среди старых досок, разных тряпок и рухляди, в пыли, была найдена большая узкая старая черная икона. Когда ее промыли от многолетней пыли, то всем присутствующим в храме представилось изображение Божией Матери как Царицы Небесной, величественно восседающей на царском троне в

красной царской порфире на зеленой подкладке, с короной на голове и скипетром и державой в руках. На коленях находился благословляющий Богомладенец. Необычайно для лика Богоматери был строг, суров и властен взгляд Ее скорбных очей, наполненных слезами. Андрианова с великой радостью и слезами поверглась ниц пред Пречистым Образом Богоматери, прося о. Николая отслужить молебен, так как в этом образе она увидела полное исполнение своих сновидений. Весть о явлении новой иконы в день отречения Государя от Престола 2 марта 1917 года быстро пронеслась по окрестностям, проникла в Москву и стала распространяться по всей России. Большое количество богомольцев стало стекаться в село Коломенское, и перед иконой были явлены чудеса исцеления телесных и душевных недугов, как об этом свидетельствовали получившие помощь. Икону стали возить по окрестным храмам, фабрикам и заводам, оставляя ее в Вознесенской церкви только на воскресные и праздничные дни.

Зная исключительную силу веры и молитвы Царя-Мученика Николая II и его особенное благоговейное почитание Божией Матери (вспомним собор Феодоровской иконы Божией Матери в Царском Селе), русские люди не сомневались в том, что это он умолил Царицу Небесную взять на Себя Верховную царскую власть над народом, отвергшим своего Царя-Помазанника. И Владычица пришла в уготованный Ей всей русской историей «Дом Богородицы» в самый тяжкий момент жизни богоизбранного народа, в момент его величайшего падения, и приняла на Себя преемство власти державы Российской, когда сама идея Православно-Самодержавной народной власти была попрунана во имя самовластия сатаны. Потому и строг, и суров, и скорбен взгляд Ее дивных очей, наполненных сле-

зами гнева Божественной и Материнской любви, потому и пропитана мученической русской кровью Ее царская порфира и алмазные слезы русских истинных мучеников украшают Ее корону.

Символ, являемый этой иконой, ясен для духовных очей: через неисчислимыя страдания, кровь и слезы, после покаяния русский народ будет прощен, и Царская власть, сохраненная Самой Царицей Небесной, будет России несомненно возвращена. Иначе зачем же Пресвятой Богородице сохранять эту власть?

С радостным страхом и покаянным трепетом начал народ русский молиться перед Державной иконой Божией Матери по всей России, а сама икона в бесчисленных копиях стала украшать все русские храмы¹.

Таким образом, явление Державной иконы Божией Матери в день отречения Государя свидетельствовало о том, что в духовном смысле Самодержавие не покинуло Россию. Изображение Божией Матери, увенчанной царским венцом, облаченной в царскую порфиру, держащей в руках скипетр и державу, означало новый этап в развитии русской цивилизации и Святой Руси, этап страшных нечеловеческих испытаний. Однако в силу чудесного явления этап этот не был концом Великой России, а напротив, стал путем исцеления и возрождения. Как писал перед большевистским переворотом С.Н. Булгаков: «Россия спасена, раздалось в моем сердце... как откровение Богоматери (во Владычной ее иконе), и я верен и верю этому завету... Россия... спасается через гибель и смерть, воскресая...»²

¹ Акафист Пресвятой Богородице явление... чудотворные Ея иконы Державныя в селе Коломенском, близ града Москвы 2 марта 1917. Джорданвиль, 1984. С. 37–40.

² Вестник РХД. 1979. № 129. С. 238–239.

ГЛАВА 26

*Народная вера в возвращение монархии. — Почитание Царя. —
Чудеса Царственных мучеников*

Даже в первые годы революционной смуты, после убийства Царской семьи значительная часть русских людей верила в возвращение монархии. Многие крестьяне, горожане, солдаты и матросы, оглушенные и уставшие от дикого произвола власти еврейских большевиков, желали возвращения Царя.

В дневнике масонки З. Гиппиус сохранилась следующая запись:

«1917, ноября 18. Сегодня в [Петропавловской] крепости [И.И.] Манухин [деятель Красного Креста] при комиссаре-большевике Подвойском разговаривал с матросами и солдатами. Матрос прямо заявил:

— А мы уж Царя хотим.

— Матрос! — воскликнул бедный Ив. Ив. — Да вы за какой список голосовали?

— За четвертый (большевистский).

— Так как же?..

— А так. Надоело уже все это...

Солдат невинно подтвердил:

— Конечно, мы Царя хотим...

И когда начальствующий большевик крупно стал ругаться, солдат вдруг удивился с прежней невинностью:

— А я думал, вы это одобрите»¹.

Почитание Царя Николая II как святого мученика началось сразу после Его ритуального убийства. Отношение Русской Церкви к совершенному зло-

¹ Гиппиус З.Н. Петербургские дневники 1914–1919. М., 1991. С. 216.

деянию высказал Святейший патриарх Тихон через три дня после Екатеринбургского убийства в заупокойной молитве и слове на панихиде об убиенном Императоре.

Убив Царскую семью, большевистские вожди не смогли убить память о ней в широких массах русского народа, и особенно среди крестьян. Известны факты почитания убиенной Царской семьи как Царственных мучеников. В 1919 году в Нижне-ломовском уезде Пензенской губернии появились странники, распространявшие брошюры «О великом новопреставленном мученике Николае...»¹

Уже в Гражданскую войну православные русские воины обращаются к Царю Николаю II за помощью как к святому мученику. Сохранились сведения о дерзновенном молитвенном призывании Царской семьи, когда сотня казаков, потеряв связь с обозом и войском, оказалась в окружении большевистских отрядов. Священник о. Илия призвал всех к молитве, говоря: «Сегодня день памяти нашего Царя-Мученика. Сын его — отрок Алексей-Царевич был войск казачьих Атаманом почетным. Попросим их, чтобы ходатайствовали они перед Господом о спасении христолюбивого воинства казачьего». И о. Илия отслужил молебен «мученику Николаю, Государю Российскому». А припев на молебне был: «Святые мученики Дома Царского, молитесь Бога о нас». Пели вся сотня и обоз. В конце молебна о. Илия прочитал отпуст: «Молитвами святого Царя-Мученика Николая Государя Российского, Наследника его отрока Алексея-Царевича, христолюбивых войск казачьих Атамана, Благоверных Царицы Александры и чад Ея Царевен-мучениц помилует и спасет нас, яко благ и человеколюбец...» На возражения, что эти святые

¹ Революция и церковь. 1919. № 1.

мученики еще не прославлены и чудеса от них не явлены, о. Илия возразил: «А вот молитвами их и выйдем... А вот и прославлены они... Сами слышали, как народ прославил их. Божий народ... А вот и покажет нам путь святой отрок Алексий-Царевич... А вот не видите вы чуда гнева Божия на Россию за неповинную кровь их... А вот явления узрите спасением чтущих святую память их... А вот указания вам в житиях святых чтите, когда на телесах святых мучеников, без всякого прославления, христиане храмы строили, лампы возжигали и молились таковым, яко представителям и ходатаям...»

Сотня и обоз из окружения вышли чудесным открытием о. Илии. Шли по колено и по пояс, проваливались по шею... Лошади вязли, вскакивали, опять шли... Сколько шли и устали ли, не помнят. Никто ничего не говорил. Лошади не ржали... И вышли... 43 женщины, 14 детей, 7 раненых, 11 стариков и инвалидов, 1 священник, 22 казака — всего 98 человек и 31 конь. Вышли прямо на ту сторону болота, угол которого занимали казаки, сдерживавшие обходное движение красных, прямо в середину своих. Из окрестных жителей никто не хотел верить, что прошли они этим путем. И шума перехода не слышал неприятель. И следа, куда ушли казаки, не могли утром установить красные партизаны. Были люди — и нет их¹.

Уже в первые годы революции Русская Церковь призывает русский народ к покаянию за трагический соблазн, который посеяли в нем духи не от Бога. Главным актом покаяния народа русского стал Приамурский Земский Собор, проходивший во Владивостоке с 23 июля по 10 августа 1922 года,

¹ *Польских М.* (сост.) Новые мученики российские. Джорданвилль, 1949. Т. 1. С. 263–264.

почетным председателем которого был избран Святейший патриарх Тихон. Его участники признали, что «Верховная Всероссийская власть принадлежит Царскому Дому Романовых и должна осуществляться в порядке законного престолонаследия». Собор постановил «просить Царский Дом соблаговолить возглавить Приамурский Край и русское национальное движение Верховным Правителем из Членов Царского Дома по его усмотрению и воле».

В указе № 1 правителя Приамурского земского края генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса от 8 августа 1922 года говорилось: «Тысячу лет росла, ширилась и крепла Великая Русь, осуществляя смысл государственного единения в святом символе религиозно-нравственной идеологии народа: в Вере, Государе и Земле. И всегда, когда этот величественный завет нашей истории, освященный Христовой верой, твердо, верно и сознательно исповедовался всем народом земли Русской, Русь была могучей, сильной и единой в служении своему историческому, мировому предназначению быть Россией Христа.

Но были в нашем бытии годы и великих соблазнов и искушений сойти с истинных национальных путей, отказавшись от того или другого из заветов исторического символа. Народ впадал в грех против Богом данной ему идеологии, и тогда постигали землю Русскую великие смуты, разорения, моры и глады с пленением различными иноверцами и иноплеменниками. И только с искренним покаянием в отступничестве, с горячим порывом массы к возвращению снова на путь исторических, святых начал своего единения в дружном, тесном, беззаветном и самоотверженном служении своей Родине, и только ей, народ обретал прощение греха и возвращал Святую Русь к прежнему величию и славе. А

вместе с возрождением земли возрождались и благоденствие, и мир самого народа под скипетром его наследственно-преемственного Державного Вождя-Помазанника, в значении коего для русской монархической идеологии тесно объединяются Верховная Власть от Бога с Богохранимым народом вся земли.

По грехам нашим против Помазанника Божия, мученически убиенного советской властью Императора Николая II со своей Семьей, ужасная смута постигла народ русский, и Святая Русь подверглась величайшему разорению, расхищению, истязанию и рабству безбожных русских и иноплеменных воров и грабителей, руководимых изуверами из еврейского племени, отрекшихся и от своей иудейской веры.

Пять лет народ земли, разметанной гневом Божиим, несет наказание за свой грех, несет тяжелый, но заслуженный крест за безумное попрание святого исторического завета, за уклонение в своем символе от исповедания чистоты веры Православной и от святости Единой Державной власти от Бога. Но милостив Творец своей Святой Руси и молитвы кающегося народа “вся земли” услышаны и приняты Им. Близится час прощения и освобождения. Мы уже “у дверей”.

Здесь, на краю земли Русской, в Приамурье, вложил Господь в сердца и мысль всех людей, собравшихся на Земский Собор, единую мысль и единую веру: России Великой не быть без Государя, не быть без преемственного Помазанника Божия. И перед собравшимися здесь, в маленьком теле, но сильном верой и национальным духом Приамурском объединении, последними людьми земли Русской стоят задача, долг и благой крест направить все слу-

жение свое к уготованию пути Ему — нашему будущему Боговидцу. Скрепим, соединим в одну силу оставшиеся нам от исторического символа святые заветы — Веру и Землю, отдадим им беззаветно свою жизнь и достояние: в горячей молитве очищенных от земных слабостей сердцах вымолим Всемогущего Творца, освободим святую нашу Родину от хищных интернациональных лап зверя и уготовим поле будущему собору “всея земли”. Он завершит наше служение Родине, и Господь, простив своему народу, увенчает родную землю своим избранником — Державным Помазанником»¹.

В глубине простого русского люда сохранялось почитание Царя. Из уст в уста в народе передавались легенды о чудесном спасении Царя и его семьи. Народ хотел верить в избавление Царя. В Центральной России, на Севере, Урале и в Сибири старики еще в 80-е годы вспоминали рассказы своих отцов о Николае II, скрывавшемся в лесах и монастырях, странствовавшем по Руси, переходившем от деревни к деревне, ночевавшем в простых избах, отдающим свой последний золотой нуждающейся семье. По его следу идут чекисты, но он таинственным образом исчезает. Подобные рассказы бытовали и о спасшемся Царевиче, и о царских дочерях.

Уже в 20—30-е годы для некоторых православных людей Царь стал почитаемым священиком, ему молятся, с него пишутся иконы. Один из очевидцев свидетельствует: «В 1932 году я был в Святогорском монастыре (на р. Донце), в 18 верстах от г. Изюма Харьковской губ. Здесь культработник показывал пещеры и потом подъем на высокую гору. На одной из площадок, где посетители могли пере-

¹ Россия перед вторым пришествием. С. 268—269.

дохнуть, вдруг взорам бросилась икона Царской Семьи. Размер приблизительно в два квадратных фута или несколько больше. Государь изображен в коронационной порфире — мантии, в окружении всего своего Семейства. Над головами всех нимбы святых. В смысле художественном — исключительно прекрасная работа, безукоризненно исполненная хорошим художником. Всякий увидевший эту икону не мог бы воспринять ее как кощунство. Культработник начал пояснения: “Вот царь, обычный человек и грешник, но его еще при жизни считали божеством и при старом режиме этой иконе поклонялись”. Услышавший это сказал ему: “Я был здесь в 1917 г., и этой иконы здесь не было” <...> Надо полагать, что икона эта, столь прекрасной работы, была создана почитателем Царской Семьи и служила определенно не тем целям, которых добивалась советская пропаганда. Почитание Царственных Мучеников в советской России есть и хранится»¹.

¹ Новые мученики российские. Т. 2. С. 316.

ГЛАВА 27

Почитание Царственных мучеников за рубежом. — «Дом Романовых царствует». — Осознание греха. — Канонизация Царской семьи Русской Зарубежной Церковью

В ноябре-декабре 1921 года Всезарубежный Собор Православной Церкви, состоявшийся в Сремских Карловцах, выступил с обращением о восстановлении в России Династии Романовых. Главный докладчик по этому вопросу Н.Е. Марков предложил заявить от имени всего русского народа, что Дом Романовых продолжает царствовать. *«Если мы здесь не вся Церковь, то мы часть ее, которая может сказать то, чего сказать не может оставшаяся в России Церковь. Монархическое движение в России растет. Это подтверждается теми многочисленными письмами, которые приходят из России... Письма эти — голая правда, и скоро заплачет тот, кто им не поверит. Народ русский ждет Царя и ждет указания этого Царя от Церковного собрания... Мысль обращения: Дом Романовых царствует, и мы должны его отстаивать...»*

Русские монархисты за границей чтят память Царя Николая II. В 1923 году возник Союз верных памяти Императора Николая II. С 1931 года действовало Общество памяти Императора Николая II. В его руководящий орган входили: князя С. Долгоруков и Никита Романов, графы А. Шувалов и Н. Шереметев¹.

В 1938 году по почину и трудами Союза Ревнителей памяти Императора Николая II в Александроневском храме Парижа воздвигается Крест-

¹ ОА, ф. 1, оп. 27, д. 12497, л. 201–222.

Памятник «Императору Великому Мученику, Его Царственной семье, Его верным слугам, с Ним мученический венец принявшим, и всем Россиянам, богоборческой властью умученным и убиенным». Крест-Памятник покойному Государю был окружен в русском Париже ореолом горестного и любовного почитания: символ распятой, но втайне ждущей воскресения Родины. Как справедливо отмечалось в эмигрантской печати, Крест-Памятник должен быть символом великодержавной Родины. «За время своего царственного служения Государь наш облакался и в походную форму солдата, и в величие блистательной Империи, и в сияние мученического венца. Найдем ли мы в изгнании лучший символ — России, дома, жертвы, преображения. И впредь — пусть каждое русское национальное дело, каждое наше изгнанническое торжество, все военные и культурные праздники сопровождаются очищающим душу паломничеством — к этому кресту без могилы»¹.

Русские люди за рубежом осознали огромную тяжесть греха, лежащего на русском народе за то, что он не сумел спасти и сохранить своего Царя, позволив умучить его еврейским большевикам. Осознание вины и греха за попущенное царубийство становится неотъемлемой частью коренной русской идеологии, которую в то время наиболее последовательно выражала Русская Зарубежная Церковь.

В обращении будущего святого архиепископа Иоанна (Максимовича) на II Всезарубежном Архиерейском Соборе в Югославии в 1938 году (отражавшем позиции всей Зарубежной Церкви) справедливо заявлялось:

¹ Дать Светлой Памяти Императора Великого мученика. Париж, 1939. С. 11.

«Русский народ весь в целом совершил великие грехи, явившиеся причиной настоящих бедствий, а именно: клятвопреступление и цареубийство. Общественные и военные вожди отказали в послушании и верности Царю еще до Его отречения, вынудив последнее от Царя, не желавшего внутреннего кровопролития, а народ явно и шумно приветствовал совершившееся, нигде громко не выразив своего несогласия с ним. Между тем здесь совершилось нарушение присяги, принесенной Государю и Его законным наследникам, а кроме того, на главу совершивших это преступление пали клятвы предков — Земского Собора 1613 года, который постановления свои запечатлел проклятием нарушающих их.

В грехе цареубийства повинны не одни лишь физические исполнители, а весь народ, ликовавший по случаю свержения Царя и допустивший Его унижение, арест и ссылку, оставив беззащитным в руках преступников, что уже само собою предопределяло конец.

Таким образом, нашедшее на Россию бедствие является прямым последствием тяжелых грехов и возрождение ее возможно лишь после очищения от них. Однако до сих пор нет настоящего покаяния, явно не осуждены содеянные преступления, а многие активные участники революции продолжают и теперь утверждать, что тогда нельзя было поступить иначе.

Не высказывая прямого осуждения Февральской революции, восстания против Помазанника, русские люди продолжают участвовать в грехе, особенно когда отстаивают плоды революции».

Осознав свою вину, часть русских людей за рубежом начинают движение покаяния за совершенный всем народом грех «попущения цареубийства». Дви-

жение за покаяние, естественно, вырастает в движение за прославление Царственных мучеников.

В 1981 году Русская Зарубежная Церковь прославила Царскую семью как святых мучеников. Канонизация Царственных мучеников стала огромным событием не только для русских людей за рубежом, но и прежде всего для истинно православных людей в самой России, среди которых почитание Царской семьи никогда не прекращалось. Событие это стало началом нового духовного этапа в жизни страны, первой ступенью к покаянию русского народа за то, что он попустил еврейским большевикам «умучить своего Царя».

Как сказал по поводу этого события святитель Иоанн (Максимович):

«Царь-Мученик Николай II со своим многострадальным Семейством входит ныне в лик страстотерпцев. Величайшее преступление, совершенное в отношении него, должно быть заглажено горячим почитанием его и прославлением его подвига. Пред униженным, оклеветанным и умученным должна склониться Русь, как некогда склонились киевляне перед умученным ими преподобным Игорем, как владимирицы и суздальцы — перед убитым великим князем Андреем Боголюбским!

Тогда Царь-Страстотерпец возымеет дерзновение к Богу, и молитва его спасет Русскую землю от переносимых ею бедствий.

Тогда Царь-Мученик и его сострадальцы станут новыми небесными защитниками Святой Руси.

Невинно пролитая кровь возродит Россию и осенит ее новой славой! <...>

Чем сильнее будут наши молитвы о Царственных Мучениках, чем больше будем их чтить, тем скорее сделает Господь ходатаями за Землю Русскую тех, кого удостоил уже Небесной Славы».

ГЛАВА 28

Движение за прославление Царственных мучеников в России. — Деятельность православной общественности. — Сбор подписей. — Синодальная комиссия по канонизации. — Святотатственная кампания противников прославления Царской семьи. — Компромисс с противниками прославления. — Канонизация Царственных мучеников на Архиерейском Соборе 2000 года. — Грех попустительства в царубийстве до конца не искуплен

Почитание Царственных мучеников в самой России, начавшееся с молитвы Святейшего патриарха Тихона, сразу же после царубийства не прекращалось весь советский период. Православные люди, священники и миряне под страхом репрессий и даже смерти возносили к Богу молитвы об упокоении невинно убиенных страстотерпцев, членов Царской семьи. Спрятанные в укромных местах изображения и фотографии Царя и Царской семьи становились иконами. Переписывались и передавались из рук в руки молитвы Царю-Мученику Николаю. В 30–40-е годы в России среди православных людей ходят тетрадочки с переписанным в них от руки Акафистом святому Великомученику Благоверному Царю Николаю. По молитвам, обращенным к Царственным мученикам, совершаются чудеса и исцеления¹.

Во второй половине 80-х годов среди православных людей складываются организации, ставившие своей главной целью добиться прославления Царственных мучеников. Первой такой организацией становится Христианско-патриотический союз, возглавляемый В.Н. Осиповым. Члены этой орга-

¹ Подробнее об этом см.: Алферьев Е. Е. (сост.) Письма Царской Семьи из заточения. Джорданвилль, 1974. С. 491–499; Шаргунов Л., протоиерей (сост.). Чудеса царственных мучеников. Сборник 1–3. М., 1995–1997.

низации начинают сбор подписей за канонизацию «умученной от жидов» Царской семьи.

С возникновением Союза Православных Братств (председатель игумен Кирилл (Сахаров)) массовый характер приобретает сбор исповеднических подписей под обращением к патриарху о канонизации Царственных мучеников. С 1991 года сбор подписей под исповедническим воззванием охватил многие области России. В Москве, С.-Петербурге, Сергиевом Посаде, Екатеринбурге, Царицыне, Ялте, Архангельске, Пскове и других городах России православными братствами и инициативными группами были организованы заставы по сбору подписей за канонизацию Царской семьи. Были собраны тысячи подписей. Многие православные на коленях, со слезами на глазах, молились перед иконами Царственных мучеников о заступничестве их перед Богом. В Дивееве, на торжествах по случаю возвращения святых мощей преподобного Серафима Саровского, большинство паломников поставили свои подписи под воззванием о канонизации. Особенно дружно подписывали казаки из всех русских земель.

Увеличивалось число храмов, в которых поклонялись иконам Царственных мучеников. Было получено благословение Святейшего патриарха Алексия II митрополиту Сурожскому Антонию на освящение храма во имя Св. Царя-Мученика Николая и Его Августейшей Семьи в Англии, а также архиепископу Екатеринбургскому и Курганскому Мелхиседеку на постройку часовни, а в дальнейшем — на возведение храма во имя Царственных Страстотерпцев. Для организации этого богоугодного дела был создан фонд строительства храма-памятника, председателем которого стал владыка Мелхиседек.

В 1991 году на 2-м съезде Союза Православных Братств было принято решение: «...Учитывая всевозрастающее почитание Свв. Царственных Мучеников, просить церковное священноначалие осуществить канонизацию в ближайшее время. До этого православные братства, приходы и отдельные лица обращались с той же просьбой к Патриарху». На Архиерейском Соборе 31 марта — 4 апреля 1992 года было вынесено определение: «...Поручить Синодальной комиссии по канонизации святых... начать исследование материалов, связанных с мученической кончиной Царской семьи»¹.

3-й съезд Союза Православных Братств, состоявшийся 17—19 июня 1992 года в г. С.-Петербурге, в Александро-Невской лавре, снова обратился к патриарху, прося его «святых молитв, участия и помощи Богоугодному Святому делу — скорейшему проведению канонизации Русской Православной Церковью Царя-Мученика Николая Александровича и Его Августейшей Семьи — Стратотерпцев Российских, Царственных Мучеников».

В 1993 году в специальном послании к 75-летию убиения Императора Николая II и его семьи патриарх дал оценку совершенного царевубийства: «Грех царевубийства, происшедшего при равнодушии граждан России, народом нашим не раскаян. Будучи преступлением и Божеского, и человеческого закона, этот грех лежит тяжелейшим грузом на душе народа, на его нравственном самосознании». Синодальная комиссия Русской Православной Церкви по канонизации святых по распоряжению патриар-

¹ Материалы, связанные с вопросом о канонизации Царской семьи. М., 1996. С. 3; Послание Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II и Священного Синода Русской Православной Церкви к 75-летию убиения Императора Николая II и Его семьи. 1993.

ха вплотную занялась вопросами канонизации Царской семьи.

Решение патриарха, поддержанное лучшими сынами Русской Православной Церкви – священством и мирянами, вызвало злобную реакцию противников канонизации Царской семьи. В России и за рубежом и даже в самой Комиссии по канонизации начинается враждебная работа по дискредитации Царственных мучеников. Связанные с иудейско-масонской идеологией общественные деятели, публицисты и даже некоторые богословы начинают всюду распространять нелепые, давно отвергнутые серьезными историками утверждения, что Николай II сознательно губил Россию, имел любовниц, курил, пил, расстреливал народ, довел Россию до катастрофы и даже был масоном. Еврейская и масонская печать от «Известий» и «Независимой газеты» до желтых бульварных листков предоставляет этим клеветникам возможность лгать и святотатствовать.

Сторонники иудейско-масонской идеологии проявились даже в Комиссии по канонизации святых. В середине 90-х годов они пытаются утверждать, что царевубийство в Екатеринбурге не носило ритуального характера, и договариваются до полного отрицания ритуальных убийств у иудеев.

Русская Православная Церковь почитает святыми христиан, умученных иудеями в ритуальных целях (например, св. Евстратий, св. Гавриил Белостокский), тем самым признает существование ритуальных убийств, совершаемых иудеями по религиозным мотивам. Поэтому отрицание этих очевидных фактов некоторыми членами Комиссии по канонизации ставит их вне православного вероучения.

Духовная брань православных людей с противниками канонизации Царственных мучеников развернулась на заседании Священного Синода 10 октября 1996 года. В докладе Комиссии по канонизации противники прославления Царской семьи сумели провести формулировки, умаляющие великое духовное значение Царя в борьбе с силами зла, противопоставляющие его государственную и личную жизнь, отделяющие его от Государства и Русского народа. В докладе не было отмечено самое главное – вселенская роль Царя Николая II как последнего Удерживающего всего Христианского мира, с момента цареубийства вошедшего в эпоху апостасии.

Формулировки, прозвучавшие в докладе председателя Комиссии по канонизации, являющиеся по своей сути компромиссом с противниками прославления Царственных мучеников, вызвали справедливое возмущение большей части православного народа. Наиболее последовательно оно было выражено в «Обращении» епископа Владивостокского и Приморского Вениамина¹. Формулируя собственный вывод, владыка Вениамин писал: *«Подводя итог изучения государственной и церковной деятельности последнего Российского Императора, Комиссия не нашла в ней достаточных оснований для его канонизации»*, члены Комиссии при этом опирались на личные мнения как раз церковных, политических, государственных, нравственных противников Государя Императора Николая II, касалось ли это пресловутого “синодального периода” в истории Русской Церкви, или взаимоотношений с Г.Е. Распутиным, или каких-то конкретных исторических событий. При

¹ Обращение епископа Владивостокского и Приморского Вениамина к Архиерейскому Собору 1997 от имени чад церковных, монашествующих и духовенства Приморского края // Русский Вестник. 1996. № 49-51.

том оставались в стороне выводы государственной Чрезвычайной Комиссии Временного правительства, засвидетельствовавшей невинность Царской семьи в многочисленных обвинениях, выдвинутых накануне Февральского клятвопреступного бунта так называемым общественным мнением, формировавшихся тайными и явными врагами Трона и России; а также материалы официального правительственного расследования убийства членов Дома Романовых на Урале.

Такой избирательный подход к общеизвестным фактам, — писал епископ Вениамин, — позволил Комиссии по канонизации игнорировать Послание патриарха Московского и всея Руси Алексия II и Священного Синода Русской Православной Церкви к 75-летию убиения Императора Николая II и Его семьи, в котором шла речь о необходимости государственного расследования так называемого Царского Дела и прямо говорилось, что “по приказу властей были лишены жизни люди, вся вина которых состояла в том, что они принадлежали к царствовавшей династии”».

В Послании патриарха и Св. Синода было положение, не учтенное в материалах Комиссии, а именно: свой скорбный путь к Екатеринбургской Голгофе, к венцам страстотерпцев Государь и Государыня начали с момента возложения на себя венцов царских. Нельзя разделять два периода в их жизни — до отречения и после, ибо одно вытекает из другого: Помазанник Божий принес себя в искупительную жертву за грехи народа.

Однако жизнь того, кто в течение более двадцати лет нес тяжелый крест царского служения по охране Церкви и Народа; того, о ком вся Русская Православная Церковь молилась как о «Благочестивейшем Государе Императоре», в докладе Комиссии «находит определенное сходство» с жизнями блуд-

ницы и пьяницы, правда, впоследствии раскаявшихся в грехах и чрез свое страсотерпчество удостоившихся святости. Мало того что такое уподобление выглядит кощунственно по отношению к Помазаннику Божию, получающему особый священный дар в таинстве миропомазания на Царство, так еще просто не соответствует историческим фактам, если, конечно, не черпать их из зарубежного и отечественного злонамеренного мифа о Царской семье.

Стараясь обойти все острые вопросы, связанные с цареубийством, особенно роль Государя как Удерживающего и вытекающий из этой роли ритуальный характер злодеяния, Синодальная комиссия приняла компромиссное решение: предложила канонизировать Царскую семью в чине святых страсотерпцев за их страдания, перенесенные в тобольском и екатеринбургском заточениях, и за мученическую кончину.

В стороне осталось признание духовного подвига Царя за сохранение Православной Державы, а также искупительная жертва Царя за грехи народа. Конечно, для Бога, у Которого Царственные страсотерпцы давно прославлены, для небесной Торжествующей Церкви не важна формулировка канонизации Государя Императора Николая II Александровича и его Августейшей Семьи, предложенная Синодальной комиссией. Она важна для нас — православного народа и земной воинствующей Церкви, поскольку определяет наше упование, ожидание того, в каком чине призываем мы Царя-Великомученика на помощь страждущей России.

Епископ Вениамин и многие другие православные люди обращались к Архиерейскому Собору с просьбой внимательно изучить предложенную Си-

нодальной комиссией формулировку канонизации Царской семьи и устранить неоправданное противопоставление двух периодов жизни Августейших Стратотерпцев, восстановив как земное единство Русского Царя со своим народом, так и небесное ликование у Престола Божия Царственных мучеников во главе сонма Новомучеников и Исповедников Российских.

Великое событие прославления Царственных мучеников совершилось в августе 2000 года, на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви. Была принята компромиссная формулировка канонизации Царской семьи в чине святых стратотерпцев и тем самым сделан первый шаг на пути искупления греха русского народа за попустительство в цареубийстве 1918 года.

ПРЕДСКАЗАНИЯ РУССКИХ СВЯТЫХ И ПОДВИЖНИКОВ О ЦАРЕУБИЙСТВЕ

Предсказания монаха Авеля¹

Во дни Великой Екатерины в Соловецком монастыре жил-был монах высокой жизни. Звали его Авель. Был он прозорлив, а нравом отличался простейшим, и потому, что открывалось его духовному оку, то он и объявлял во всеуслышание, не заботясь о последствиях. Пришел час, и стал он пророчествовать: пройдет, мол, такое-то время, и помрет Царица, — и смертью даже указал какою. Как ни далеки Соловки были от Питера, а дошло все-таки вскорости Авелево слово до Тайной канцелярии. Запрос к настоятелю, а настоятель, недолго думая, Авеля — в сани и в Питер, а в Питере разговор короткий: взяли да и засадили пророка в крепость... Когда исполнилось в точности Авелево пророчество и узнал о нем новый Государь, Павел Петрович, то, вскоре по восшествии своем на Престол, повелел представить Авеля пред свои царские очи. Вывели Авеля из крепости и повели к Царю.

—Твоя, — говорит Царь, — вышла правда. Я тебя милую. Теперь скажи: что ждет меня и мое царствование?

— Царства твоего, — ответил Авель, — будет все равно, что ничего: ни ты не будешь рад, ни тебе рады не будут, и помрешь ты не своей смертью.

Не по мысли пришли к Царю Авелевы слова, и пришлось монаху прямо из дворца опять сесть в крепость... Но след от этого пророчества сохранил-

¹ Сведения о предсказании монаха Авеля собраны С.А. Нилусом в Оптиной пустыни, опубликованы в его книге «На берегу Божьей реки».

ся в сердце Наследника Престола Александра Павловича. Когда сбылись и эти слова Авеля, то вновь пришлось ему совершить прежним порядком путешествие из крепости во дворец царский.

-- Я прощаю тебя, — сказал ему Государь, — только скажи, каково будет мое царствование?

— Сожгут твою Москву французы, — ответил Абель и опять из дворца угодил в крепость...

Москву сожгли, сходили в Париж, побаловались славой... Опять вспомнили об Авеле и велели дать ему свободу. Потом опять о нем вспомнили, о чем-то хотели спросить, но Абель, умудренный опытом, и следа по себе не оставил: так и не разыскали пророка <...>

Так закончил свою повесть о. Н. о Соловецком монахе Авеле.

Монах Абель жил во второй половине XVIII — первой половине XIX века. О нем в исторических материалах сохранилось свидетельство как о прозорливце, предсказавшем крупные государственные события своего времени. Между прочим, он за десять лет до нашествия французов предсказал занятие ими Москвы. За это предсказание и за многие другие монах Абель поплатился тюремным заключением. За всю свою долгую жизнь, — он жил более 80 лет, — Абель просидел за предсказания в тюрьме 21 год. Во дни Александра I он в Соловецкой тюрьме просидел более 10 лет. Его знали: Екатерина II, Павел I, Александр I и Николай I. Они то заключали его в тюрьму за предсказания, то вновь освобождали, желая узнать будущее. Абель имел многих почитателей между современной ему знатью. Между прочим, он находился в переписке с Параскевой Андреевной Потемкиной. На одно ее письмо с просьбой открыть ей будущее Абель ответил так: «Сказано, ежели мо-

нах Авель станет пророчествовать вслух людям, или кому писать на хартиях, то брать тех людей под секрет и самого Авеля и держать их в тюрьмах или в острогах под крепкую стражею...» «Я согласился, — пишет далее Авель, — ныне лучше ничего не знать, да быть на воле, а нежели знать, да быть в тюрьмах и под неволею». Но недолго Авель хранил воздержание и что-то напроорочил в царствование Николая Павловича, который, как видно из указа Св. Синода от 27 августа 1826 года, приказал изловить Авеля и заточить «для смирения» в Суздальский Спасо-Евфимиевский монастырь. В этом монастыре, полагать надо, и кончил свою жизнь прозорливец.

В другом письме к Потемкиной Авель сообщал ей, что сочинил для нее несколько книг, которые и обещал выслать в скором времени. «Оных книг, — пишет Авель, — со мною нет. Хранятся они в сокровенном месте. Оные мои книги удивительные и преудивительные, и достойны те мои книги удивления и ужаса. А читать их только тем, кто уповает на Господа Бога».

Рассказывают, что многие барыни, почитая Авеля святым, ездили к нему справляться о женихах своим дочерям. Он отвечал, что он не провидец и что предсказывает только то, что ему повелевается свыше.

Дошло до нашего времени *«Житие и страдания отца и монаха Авеля»*; напечатано оно было где-то в повременном издании, но по цензурным условиям в таком сокращенном виде, что все касающееся высокопоставленных лиц было вычеркнуто.

По «Житию» этому, монах Авель родился в 1755 году в Алексинском уезде Тульской губернии. По профессии он был коновал, но «о сем (о коновальстве) мало внимаше». Все же внимание его было устремлено на божественное и на судьбы Божии.

«Человек» Авель «был простой, без всякого научения, и видом угрюмый». Стал он странствовать по России, а потом поселился в Валаамском монастыре, но прожил там только год и затем «взем от игумена благословение и отыде в пустыню», где начал «труды к трудом и подвиги к подвигом прилагати». «Попусти Господь Бог на него искусы великие и превеликие. Множество темных духов нападаше на нь». Все это преодолел Авель, и за то «сказа ему безвестная и тайная Господь» о том, что будет всему миру. Взяли тогда Авеля два некии духа и сказали ему: «Буди ты новый Адам и древний отец и напиши яже видел еси, и скажи яже слышал еси. Но не всем скажи и не всем напиши, а только избранным моим и только святым моим». С того времени и начал Авель пророчествовать. Вернулся в Валаамский монастырь, но, прожив там недолго, стал переходить из монастыря в монастырь, пока не поселился в Николо-Бабаевском монастыре Костромской епархии, на Волге. Там он написал свою первую книгу, «мудрую и премудрую».

Книгу эту Авель показал настоятелю, а тот его вместе с книгой проводил в консисторию. Из консистории его направили к архиерею, а архиерей сказал Авелю: «Сия твоя книга написана смертною казнию», — и отослал книгу с автором в губернское правление. Губернатор, ознакомившись с книгой, приказал Авеля заключить в острог. Из костромского острога Авеля под караулом отправили в Петербург. Доложили о нем «главнокомандующему Сената», генералу Самойлову. Тот прочел в книге, что Авель через год предсказывает скоропостижную смерть царствовавшей тогда Екатерине II, ударил его за это по лицу и сказал: «Как ты, злая глава, смел писать такие слова на земного бога?» Авель отвечал: «Меня

научил секреты составлять Бог!» Генерал подумал, что перед ним просто юродивый, и посадил его в тюрьму, но все-таки доложил о нем Государыне.

В тюрьме Авель просидел около года, пока не скончалась Екатерина. Просидел бы и больше, но книга его попала на глаза князю Куракину, который был поражен верностью предсказания и дал прочесть книгу Императору Павлу. Авеля освободили и доставили во Дворец к Государю, который просил благословения прозорливца:

— Владыка отче, благослови меня и весь дом мой, дабы твое благословение было нам во благое.

Авель благословил. «Государь спросил у него по секрету, что ему случится», а затем поселил его в Невской Лавре. Но Авель вскоре оттуда ушел в Валаамский монастырь и там написал вторую книгу, подобную первой. Показал ее казначею, а тот ее отправил к Петербургскому митрополиту. Митрополит книгу прочел и отправил в «секретную палату, где совершаются важные секреты и государственные документы». Доложили о книге Государю, который увидел в книге пророчество о своей скорой трагической кончине. Авеля заключили в Петропавловскую крепость.

В Петропавловской крепости Авель просидел около года, пока не умер, согласно предсказанию, Император Павел. После его смерти Авеля выпустили, но не на свободу, а под присмотр в Соловецкий монастырь, по приказанию Императора Александра I.

Потом Авель получил полную свободу, но пользовался ею недолго. Написал третью книгу, в которой предсказал, что Москва будет взята в 1812 году французами и сожжена. Высшие власти осведомились об этом предсказании и посадили Авеля в Со-

ловецкую тюрьму при таком повелении: «Быть ему там, доколе сбудутся его предсказания самую вещью».

В Соловецкой тюрьме, в ужасных условиях, Авелю пришлось просидеть 10 лет и 10 месяцев.

Москва, наконец, была взята Наполеоном, и в сентябре 1812 года Александр I вспомнил об Авеле и приказал князю А.Н. Голицыну написать в Соловки приказ освободить Авеля. В приказе было написано: «Ежели жив, здоров, то ехал бы к нам в Петербург; мы желаем его видеть и нечто с ним поговорить». Письмо пришло в Соловки 1 октября, но соловецкий архимандрит, боясь, что Авель расскажет Царю о его (архимандрита) «пакостных действиях», отписал, что Авель болен, хотя тот был здоров. Только в 1813 году Авель мог явиться из Соловков к Голицыну, который «рад бысть ему до зела» и начал его «вопрошати о судьбах Божиих». И сказывал ему Авель «вся от начала веков и до конца».

Потом Авель стал опять ходить по монастырям, пока не был в царствование уже Николая Павловича пойман по распоряжению властей и заточен в Спасо-Евфимиевский монастырь в Суздале, где, по всей вероятности, и скончался.

Предсказания старца Илиодора (вторая половина 1870—х годов)¹

I. Свидетельство духовника Глинской пустыни иеромонаха Домна

Был у нас в Глинской Пустыни высокой жизни старец Илиодор, схиархимандрит на покое, в числе учеников которого был и аз, грешник бедный. Незадолго до блаженной его кончины, за несколько лет до злодейского убиения Государя Александра Нико-

¹ АСТМ. Материалы В. Сумерова.

лаевича, собрались мы как-то раз ученики его к нему в келью. Было это вечером; в келье был полумрак; горели одни лампадки пред святыми иконами... Молча сидели мы при ногу учителю, ожидая, когда сам старец нарушит молчание. И вот восклонил старец голову, перекрестился, вздохнул и сказал:

«Видите вы меня, чадца, скорбна... Читал я, чадца, в дни сии Апокалипсис Св. Апостола и Тайнозрителя Иоанна Богослова. И возжелала душа моя уведать, доколе же Господу угодно будет долготерпеть все умножающимся беззакониям мира. И был я, чадца, в духе; и се вижу: восходит от востока на небе звезда великая и пресветлая, и вокруг нея звезды яркия и великия. Прошла эта звезда по небосклону и склонилась к своему западу. И был ко мне голос: “Се звезда Императора Благословенного!” — И другую звезду, еще светлее, еще величавее увидел я восходящей на востоке и вокруг нея звезды светлыя. Прошла и эта звезда путь свой и тоже склонилась к своему западу. И тот же голос сказал мне: “Се звезда Императора Николая I”. — И посем взошла с востока звезда яркая; и был цвет ея, как цвет крови; вокруг же той звезды в спутниках ея были звезды тоже цвета кровавого. И не дошла звезда та до своего запада. Устрашилось сердце мое. И голос возвестил мне: “Се звезда ныне царствующего Государя Александра Николаевича. Насилием сокращены будут дни его: убит будет Царь рукой освобожденного им раба среди бела дня, на стогнах верноподданной ему столицы”. — И опять увидел я звезду восходящую с востока, и была та звезда ярче и величественнее всех прежде виденных мною звезд. Но и этой звезды дни сокращены будут. — “Се звезда Императора Александра III, — сказал мне голос... И после узрел я иную звезду»...

И не кончил старец речи своей, прервал ее и заплакал. Потом, по малом времени, восклонил старец свою главу и такое молвил великое и страшное слово: «Бдите и молитесь чадца! нецыи от зде стоящих живыми предстанут на суд!»

II. Из жития старца Илиодора, написанного его ближайшими учениками иеромонахом Домном и игуменом Иасоном

«Быв еще в сани иеродиакона, с именем Ионикия, в молодых летах, старец о. Илиодор настолько преуспел в очищении сердца, что ему были открываемы знаменательные видения. Случилось это в конце царствования Императора Александра I. “Однажды поздно вечером, — сказывал он, — я сидел в своей келье один, читая послания св. Апостола Павла, я остановился на 2-й главе 2-го послания его к Солунянам, на стихах 2—10 и т. д. На этих страшных известиях Св. Апостола я остановился и погрузился в размышления, рассуждая о явлении в мир человека греха, сына погибели, которого само явление будет по действию сатаны, так что этот ужасный человек сядет в храме Божиим, выдавая себя за Бога и требуя себе Божеских почестей. Какой же, думал я, будет этот ужасный человек, и какое будет то страшное время для живущих на земле! При этом, естественно, пришло желание не видеть того ужаса, а потому в уме остановилась основная мысль обращения к Господу в таких словах:

— Господи, не дай мне видеть то страшное время! В это время я почувствовал, что кто-то сзади меня положил мне свою руку на правое плечо и сказал:

— Ты сам увидишь отчасти.

Почувствовав осязание плеча и услышав говорящий голос, я осмотрелся вокруг себя, но никого не оказалось, и дверь кельи была заперта на крючок.

Осмотрелся я еще раз, чтобы увериться, что никого нет. Я удивился и стал рассуждать, что бы это значило, и кто тот невидимый, что говорил и отвечал на мои мысли. Неужели же я увижу хотя бы и “отчасти” то страшное время, и как скоро оно будет? Долго я рассуждал и размышлял в недоумении и страхе, переходя от одного рассуждения к другому. Наконец, возложившись на волю Божию, я совершил свое вечернее правило, прилег отдохнуть и только что забылся тонким сном, как увидел такое видение:

Стою я в ночное время на каком-то высоком здании. Вокруг меня было много громадных построек, как бывает в больших городах. Надо мною небесный свод, украшенный ярко горящими звездами, как то бывает в чистую безлунную ночь. Обозревая небесный свод, я любовался красотой неподвижных звезд. Затем, обратив свой взор на восток, я там увидел выходящий из-под горизонта громадного размера овал; он был составлен из звезд различной величины. На середине овала, в верхней его части, были звезды большого размера, постепенно уменьшаясь, они с боков закругления становились весьма малыми. Посреди овала было изображено большими буквами имя — АЛЕКСАНДР.

Овал этот, взойдя на восток, шел тихо, величественно подвигаясь и склоняясь к западу. Смотря на величественную красоту движения овала, я размышлял и говорил себе: какая славная и великая Православная вера наша, Царь Православный! Вот и имя его так славно и величественно на небесах...

Проводив глазами звездный овал, пока он скрылся на западе за горизонтом, я опять взглянул на восток и вижу — выходит оттуда второй звездный овал, столь же величественный и во всем подобный первому, а в середине его изображено было уже другое

имя большими буквами — НИКОЛАЙ. И внутренний голос вещал мне, что после Александра I будет преемником его престола Николай. И было то мне в удивление, ибо наследником престола был не Николай, а Константин Павлович. Прошел и этот овал так же величественно по небосклону и, склонившись к западу, скрылся за горизонтом.

Проводив глазами и этот овал, я опять обратил свой взор на восток и вновь увидел там восходящий звездный овал, по форме во всем подобный двум первым, но мерою значительно меньший и составленный из звезд малого размера и притом цвета, как бы крови. В середине же овала изображено было кровавыми буквами имя — АЛЕКСАНДР. И внутренний голос возвестил мне, что после Николая преемником его престола будет Александр, дни которого сокращены будут злодеянием. Прошел этот овал по небу и быстро скрылся за горизонтом на западе.

Посем с востока в таком же порядке взошел, прошел по небу и скрылся на западе с большой быстротой овал, подобный первым, но только малого размера, со слабо начертанным в нем, как бы в тумане именем АЛЕКСАНДР. И возвещено мне было внутренним голосом, что дни и этого Государя сокращены будут, и непродолжительно будет его царствование над русским народом.

После этого на востоке, бледно и туманно начертанное, явилось имя НИКОЛАЙ. Звездного овала вокруг не было; подвигалось оно по небу как бы скачками и затем вошло в темную тучу, из которой мелькали в беспорядке отдельные его буквы. После того наступила непроглядная тьма и мне представилось, что все рушилось подобно карточным домам в момент кончины мира. Ужас объял меня, стоявшего

в то время на возвышении, не связанном с разрушающимся миром”.

И когда старец Илиодор сказывал о видении этом ученикам своим, то в страхе, при одном воспоминании о виденном, закрывал лицо свое руками и говорил:

– Нецые от вас, чадца, живыми предстанете на Суд”.

Пророчество

св. праведного Иоанна Кронштадтского (1908 г.)¹

В ночь на 1-е января 1908 года, после вечерней молитвы я сел немного отдохнуть у стола. В келье моей был полумрак, перед иконой Божией Матери горела лампада. Не прошло и получаса, я услышал легкий шум, кто-то легко коснулся моего правого плеча и тихий легкий ласковый голос сказал мне: «Встань, раб Божий Иван, пойдем со мною». Я быстро встал.

Вижу, передо мною стоит: дивный чудный старец, бледный, с сединами, в мантии, в левой руке четки. Посмотрел на меня сурово, но глаза были ласковые и добрые. Я тут же от страха чуть было не упал, но чудный старец поддержал меня – руки и ноги у меня дрожали, я хотел что-то сказать, но язык мой не повернулся. Старец меня перекрестил, и мне сделалось легко и радостно – я тоже перекрестился. Затем он посохом указал на западную сторону стены – там тем же посохом начертил: 1913, 1914, 1917, 1922, 1930, 1933, 1934 года. Вдруг стены не стало. Я иду со старцем по зеленому полю и вижу – масса крестов стоит: тысячи, миллионы, разные: малые и великие,

¹ *Пантелеимон, архимандрит. Жизнь и подвиги, чудеса и пророчества святого праведного отца нашего Иоанна Кронштадтского. Б. м., 1975. С. 170–178.*

деревянные, каменные, железные, медные, серебряные и золотые. Я проходил мимо крестов, перекрестился и осмелился спросить старца, что это за кресты? Он ласково ответил мне: это — те, которые за Христа и за Слово Божие пострадали.

Идем дальше и вижу: целые реки крови текут в море, и море красное от крови. Я от страха ужаснулся и опять спросил чудного старца: «А что это крови так много пролито?» Он опять взглянул и сказал мне: «Это христианская кровь».

Затем старец указал рукой на облака, и вижу массу горящих, ярко горящих светильников. Вот они стали падать на землю: один, два, три пять, десять, двадцать, Затем стали падать целыми сотнями, все больше и больше, и все горели. Я очень скорбел, почему они не горели ясно, а только падали и тухли, превращаясь в прах и пепел. Старец сказал: смотри, и я увидел на облаках только семь светильников и спросил старца, что это значит? Он, склонивши голову, сказал: «Светильники, которые ты видишь, падающие, что значит Церкви упадут в ересь, а семь светильников горящих осталось — семь Церквей Апостольских соборных останутся при кончине мира».

Затем старец указал мне, смотри, и вот я вижу и слышу чудное видение: Ангелы пели: «Свят, Свят, Свят, Господь Саваоф». И шла большая масса народа со свечами в руках, с радостными сияющими лицами; здесь были цари, князья, патриархи, митрополиты, епископы, архимандриты, игумены, схимники, иереи, диаконы. послушники, странники Христа ради, миряне, юноши, отроки, младенцы; херувимы и серафимы сопровождали их в райскую небесную обитель. Я спросил старца: «Что это за люди?» Старец, как будто зная мою мысль, сказал:

«Это все рабы Христовы, пострадавшие за святую Христову Соборную и Апостольскую Церковь». Я опять осмелился спросить, могу ли я присоединиться к ним. Старец сказал: нет, еще рано тебе, потерпи (обожди). Я опять спросил: «Скажи, отче, а младенцы как?» Старец сказал: это младенцы тоже пострадали за Христа от царя Ирода (14 тысяч), а также и те младенцы получили венцы от Царя Небесного, которые истреблены в чреве матери своей, и безымянные. Я перекрестился: «Какой грех великий и страшный матери будет — непростительный».

Идем дальше — заходим в большой храм. Я хотел перекреститься, но старец мне сказал: «Здесь мерзость и запустение». Вот вижу очень мрачный и темный храм, мрачный и темный престол. Посреди церкви иконостаса нет. Вместо икон какие-то странные портреты со звериными лицами и острыми колпаками, а на престоле не крест, а большая звезда и Евангелие со звездой, и свечи горят смоляные, — трещат, как дрова, и чаша стоит, а из чаши сильное зловоние идет, и оттуда всякие гады, жабы, скорпионы, пауки ползают, страшно смотреть на все это. Просфоры тоже со звездой; перед престолом стоит священник в ярко красной ризе и по ризе ползают зеленые жабы и пауки; лицо у него страшное и черное, как уголь, глаза красные, а изо рта дым идет и пальцы черные, как будто в золе.

Ух, Господи, как страшно — затем на престол прыгнула какая-то мерзкая, гадкая, безобразная черная женщина, вся в красном со звездой на лбу и завертелась на престоле, затем крикнула как ночная сова на весь храм страшным голосом: «Свобода» — и стала, а люди, как безумные, стали бегать вокруг престола, чему-то радуясь, и кричали, и свистели, и хлопали в ладоши. Затем стали петь какую-то пес-

ню, — сперва тихо, затем громче, как псы, потом превратилось все это в звериное рычание, дальше в рев. Вдруг сверкнула яркая молния и ударил сильный гром, задрожала земля и храм рухнул и провалился сквозь землю. Престол, священник, красная женщина все смешалось и загремело в бездну. Господи, спаси. Ух, как страшно. Я перекрестился. Холодный пот выступил на лбу у меня. Оглянулся я. Старец улыбнулся мне: «Видел? — сказал он. — Видел, Отче. Скажи мне, что это было? Страшно и ужасно». Старец ответил мне: «Храм, священники и люди, — это еретики, отступники, безбожники, которые отстали от веры Христовой и от Св. Соборной и Апостольской Церкви и признали еретическую живообновленную церковь, которая не имеет Благодати Божией. В ней нельзя ни говеть, ни исповедоваться, ни приобщаться, ни принимать миропомазания». «Господи, спаси меня, грешного, пошли мне покаяние — смерть христианскую», — прошептал я, но старец успокоил меня: «Не скорби, — сказал, — молись Богу».

Мы пошли дальше. Смотрю — идет масса людей, страшно измученных, на лбу у каждого звезда. Они, увидев нас, зарычали: «Молитесь за нас, святые отцы, Богу, очень нам тяжело, а сами мы не можем. Отцы и матери нас не учили Закону Божьему, и даже имени христианского у нас нет. Мы не получили печати дара Духа Святого (а красного знамени)».

Я заплакал и пошел вслед за старцем. «Вот — смотри, — указал старец рукою, — видишь?!» Вижу горы. — Нет, это гора трупов человеческих вся размокла в крови. Я перекрестился и спросил старца, что это значит? Что это за трупы? — Это иноки и инокини, странники, странницы, за Святую Соборную и Апостольскую Церковь убиенные, не пожелавшие при-

нять антихристовой печати, а пожелали принять мученический венец и умереть за Христа. Я молился: «Спаси, Господи, и помилуй рабов Божиих и всех христиан». Но вдруг старец оборотился к северной стороне и указал рукой: «Смотри». Я взглянул и вижу: Царский дворец, а кругом бегают разной породы животные и разной величины звери, гады, драконы, шипят, режут и лезут во дворец, и уже полезли на трон Помазанника Николая II, — лицо бледное, но мужественное, — читает он Иисусову молитву. Вдруг трон пошатнулся, и пала корона, покати­лась. Звери ревели, бились, давили Помазанника. Разорвали, и растоптали, как бесы в аду, и все исчезло.

Ах, Господи, как страшно, спаси и помилуй от всякого зла, врага и супостата. Я горько заплакал, вдруг старец взял меня за плечо, — не плачь, так Господу угодно, и указал: «Смотри» — вижу показалось бледное сияние. Сперва я не мог различить, но потом стало ясно — предстал Помазанник невольный, на голове у него из зеленых листьев венец. Лицо бледное, окровавленное, с золотым крестиком на шее. Он тихо шептал молитву. Затем сказал мне со слезами: «Помолись обо мне, отец Иван, и скажи всем православным христианам, что я умер, как мученик; твердо и мужественно за Веру Православную и за Святую Соборную и Апостольскую Церковь, и пострадал за всех христиан; и скажи всем православным Апостольским пастырям, чтобы они служили общую братскую панихиду за всех убиенных воинов на поле брани: в огне сгоревших, в море уто­нувших и за меня, грешного, пострадавших. Могилы моей не ищите, — ее трудно найти. Прошу еще: молись обо мне, отец Иван, и прости меня, добрый пастырь». Затем все это скрылось туманом. Я перекрестился: «Упокой, Господи, душу усопшего раба

Божия Николая, вечная ему память». Господи, как страшно. Руки и ноги у меня дрожали, я плакал.

Старец опять сказал мне: «Не плачь, так Богу угодно, молись Богу. Смотри еще». Вот вижу я массу людей, валяющихся, умирающих с голода, которые ели траву, землю ели друг друга, а псы подбирали трупы, везде страшное зловоние, кощунство. Господи, спаси нас и в святой Христовой вере укрепи, мы немощны и слабы без веры. Вот старец опять мне говорит: «Смотри там». И вот вижу я целая гора из разных книг, малых и больших. Между этими книгами ползают смрадные черви, копошатся и распространяют страшное зловоние. Я спросил: «Что это за книги, Отче?» Он ответил: «Безбожные, еретические, которые заражают всех людей всего света мирским богохульным учением». Старец прикоснулся концом посоха к этим книгам, и все это обратилось в огонь, и все сгорело дотла, и ветер развеял пепел.

Затем я вижу церковь, а кругом нее лежит масса поминальцев и грамоток. Я нагнулся и хотел поднять одну, прочитать, но старец сказал, что это те поминальницы и грамоты, которые лежат при церкви много лет, а священники их забыли и не читают никогда, а усопшие души просят помолиться, а читать некому и поминать некому. Я спросил: «А кто же будет?» «Ангелы», — сказал старец. Я перекрестился. Помяни, Господи, души усопших рабов Твоих во царствии Твоем.

Мы пошли дальше. Старец быстро шел, так что я едва успевал за ним. Вдруг оборотился и сказал: «Смотри». Вот идет толпа людей, гонимая страшными бесами, которые немилосердно били и кололи людей длинными пиками, вилами и крючками. «Что это за люди?», — спросил я старца. «Эти те, — ответил старец, — которые отпали от Веры и

Святой Апостольской Соборной Церкви и приняли еретическую живообновленческую». Здесь были: епископы, священники, диаконы, миряне, монахи, монахини, которые приняли брак и стали жить развратно. Здесь были безбожники, чародеи, блудники, пьяницы, сребролюбцы, еретики, отступники Церкви, сектанты и прочие. Они имеют страшный и ужасный вид: лица черные, изо рта шла пена и зловоние, и страшно кричали, но бесы били их немилосердно и гнали их в глубокую пропасть. Оттуда шли смрад, дым, огонь и зловоние. Я перекрестился: «Избави, Господи, и помилуй, страшно все это виденное».

Затем я вижу: масса народа идет; старых и малых, и все в красных одеждах и несли громадную красную звезду, пятиголовую и на каждом углу по 12 бесов сидело, а в середине сидел сам сатана со страшными рогами и крокодиловыми глазами, со львиной гривой и страшной пастью, с большими зубами и из пасти извергал зловонную пену. Весь народ кричал: «Вставай, проклятем клейменный». Появилась масса бесов, все красные, и клеймили народ, прикладывая каждому печать на лбу и на руку в виде звезды. Старец сказал, что это есть печать антихриста. Я сильно испугался, перекрестился и прочитал молитву: «Да воскреснет Бог». После этого все исчезло, как дым.

Я торопился и едва успевал идти за старцем, вот старец остановился, указал мне рукою на восток и говорит: «Смотри». И увидел я массу народа с радостными лицами, а в руках кресты, хоругви и свечи, а посреди, между толпой стоит высокий престол на воздухе, золотая царская корона и на ней написано золотыми буквами: «На малое время». Вокруг престола стоят патриархи, епископы, священники,

монахи, пустынники и миряне. Все поют: «Слава в вышних Богу и на земле мир». Я перекрестился и поблагодарил Бога.

Вдруг Старец взмахнул в воздухе три раза крестообразно. И вот я вижу массу трупов и реки крови. Ангелы летали над телами убиенных и едва успевали подносить души христианские к Престолу Божию, и пели «аллилуиа». Страшно было смотреть на все это. Я горько плакал и молился. Старец взял меня за руку и сказал: «Не плачь. Так нужно Господу Богу за наше маловерие и окаянство, сему надлежит так быть, Спаситель наш Иисус Христос тоже пострадал и пролил Свою пречистую кровь на кресте. Итак, будет еще много мучеников за Христа, и это те, которые не примут антихристовой печати, прольют кровь и получат мученический венец».

Затем старец помолился, три раза перекрестился на восток и сказал: «Вот исполнилось пророчество Даниила. Мерзость запустения окончательная». Я увидел Иерусалимский храм, а на куполе звезда. Вокруг храма толпятся миллионы народа и стараются войти внутрь храма. Я хотел было перекреститься, но старец задержал мою руку и опять сказал: «Здесь мерзость запустения». Мы вошли в храм, где было много народа. И вот вижу престол посреди храма. кругом престола в три ряда свечи смоляные горят, а на престоле сидит в ярко красной порфире всемирный правитель-царь, а на голове золотая с бриллиантами корона, со звездой. Я спросил старца: «Кто это?» Он сказал: «Это есть антихрист». Росту высокого, глаза, как уголь, черные, борода черная клином, лицо свирепое, хитрое и лукавое — звероподобное, нос орлиный. Вдруг антихрист встал на престол, выпрямился во весь рост свой, поднял высоко голову и правую руку протянул у народу — на

пальцах были когти, как у тигра, и зарычал своим звериным голосом: «Я ваш бог, царь и правитель. Кто не примет моей печати — смерть им тут». Все пали на колени и поклонились и приняли печать на лоб. Но некоторые смело подошли к нему и громко разом воскликнули: «Мы христиане, веруем в Господа нашего Иисуса Христа». Тогда в один миг сверкнул меч антихриста, и головы христианских юношей скатились и пролилась кровь за веру Христову. Вот ведут отроковиц, женщин и малых детей. Здесь он еще хуже рассвирепел и закричал по звериному: «Смерть им. Эти христиане мои враги — смерть им». Тут же и последовала моментальная смерть. Головы скатились на пол и разлилась кровь православная по всему храму.

Затем ведут к антихристу десятилетнего отрока на поклонение и говорят: «Падай на колени», — но отрок смело подошел к престолу антихриста; «Я христианин и верую в Господа нашего Иисуса Христа, а ты — исчадие ада, слуга сатаны, ты антихрист». «Смерть», — страшным диким ревом заревел им. Все пали перед антихристом на колени. Вдруг тысячи громов прогремели и тысячи молний небесных стрелами огненными летали и поражали слуг антихриста. Вдруг самая большая стрела, огненная, крестообразная, слетела с неба и ударила антихриста в голову. Он взмахнул рукой и упал, корона слетела с головы и рассыпалась в прах, и миллионы птиц летали и клевали трупы нечестивых слуг антихриста.

Вот я почувствовал, что старец взял меня за плечо и сказал: «Идем дальше в путь». Вот я вижу опять масса крови, по колени, по пояс, ох, как много пролито Христианской крови. Тут я вспомнил слово, которое сказано в Откровении Иоанна Богослова: «И будет крови по узды конские». Ах, Боже, спаси

меня грешного. На меня напал страх великий. Я был ни жив, ни мертв. Вот вижу ангелы много летают и поют: «Свят, Свят, Свят Господь». Я оглянулся — старец стоял на коленях и молился. Потом он встал и ласково сказал: «Не скорби. Скоро, скоро конец миру, молись Господу, Он милостив к рабам Своим. Уже не годы остались, но часы, и скоро, скоро конец».

Затем старец благословил меня и указал рукой на восток, сказал: «Я иду вот туда». Я пал на колени, поклонился ему и вижу, что быстро отчаливает он от земли. тут я спросил: «Как же имя твое, чудный старче?» Потом я громче воскликнул. «Святой Отче, скажи, как твое святое имя?» — «Серафим, — тихо и мягко сказал он мне, — а что ты видел — напиши и не забудь все это ради Христа».

Вдруг как бы над моей головой ударил звон большого колокола. Я проснулся, открыл глаза. На лбу у меня выступил холодный пот, в висках стучало, сердце сильно билось, ноги дрожали. Я сотворил молитву: «Да воскреснет Бог». Господи, прости меня грешного и недостойного раба твоего Иоанна. Богу нашему Слава. Аминь.

Предсказание Паши Саровской, Дивеевской блаженной (1915)

(свидетельство игумена Серафима (Путятин)¹)

Современная великая подвижница-прозорливица Саровская Парасковья Ивановна, жившая в последние годы жизни в Дивееве, а до сего несколько десятков лет прожившая в лесу, начавшая свои подвиги еще при жизни преподобного Серафима, та, которая предсказала Государю и Государыне за год

¹ *Серафим, игумен. Православный Царь—Мученик. Пекин, 1920. С. 9–11.*

рождение сына, но не на радость, а на скорбь родится этот Царственный птенчик, невинная святая кровь которого будет вопиять на Небо. Она в последние дни земной жизни, в своих условных, но ясных поступках и словах предсказывала надвигающуюся грозу на Россию. Портреты Царя, Царицы и Семьи она ставила в передний угол с иконами и молилась на них наравне с иконами, взывая: «Святые Царственные Мученики, молитесь Бога о нас». В 1915 году, в августе, я приезжал с фронта в Москву, а затем в Саров и Дивеево, где сам лично в этом убедился. Помню, как я служил литургию в праздник Успения Божией Матери в Дивееве, а затем прямо из церкви зашел к старице Парасковье Ивановне, пробыв у нее больше часа, внимательно слушая ее грядущие грозные предсказания, хотя выражаемые притчами, но все мы с ее келейницей хорошо понимали и расшифровывали неясное. Многое она мне тогда открыла, которое я понимал не так, как нужно было в совершающихся мировых событиях. Она мне еще тогда сказала, что войну затеяли наши враги с целью свергнуть Царя и разорвать Россию на части. За кого сражались и на кого надеялись, те нам изменят и будут радоваться нашему горю, но радость их будет ненадолго, ибо у самих будет то же горе.

Прозорливица при мне несколько раз целовала портреты Царя и Семьи, ставила их с иконами, молясь им как святым мученикам. Потом горько заплакала. Эти иносказательные поступки понимались мною тогда, как переживаемые великие скорби Царя и Семьи, связанные с войной, ибо хотя они не были растерзаны гранатой и ранены свинцовой пулей, но их любящие сердца были истерзаны беспримерными скорбями и истекали кровью. Они были действительно бескровные мученики. Как

Божия Матерь не была изъязвлена орудиями пытки, но при виде страдания Своего Божественного Сына, по слову праведного Симеона, в сердце Ее прошло оружие. Затем старица взяла иконки Умиления Божией Матери, пред которой скончался преподобный Серафим, заочно благословила Государя и Семью, передала их мне и просила переслать. Благословила она иконки: Государю, Государыне, Цесаревичу, Великим Княжнам Ольге, Татьяне, Марии и Анастасии, Великой Княгине Елисавете Феодоровне и А.А. Вырубовой. Просил я благословить иконку Великому Князю Николаю Николаевичу; она благословила, но не Умиления Божией Матери, а преподобного Серафима. Больше никому иконок не благословила, хотя я даже сам просил для некоторых, но и мои просьбы не повлияли, ибо она действовала самостоятельно. Иконки были тотчас же посланы по принадлежности, где и были получены своевременно. После этого я пробыл в Дивееве еще несколько дней, по желанию старицы ежедневно ходя к ней, поучаясь от нее высокой духовной мудрости и запечатлевая в сердце своем многое, тогда мне еще непонятное. Только теперь мне представляется более ясным, как Богом было открыто этой праведнице все грядущее грозное испытание уклонившемуся от истины русскому народу. Непонятно было для меня тогда, почему она благословила всем, кроме Великого Князя Николая Николаевича, иконки не преподобного Серафима, а Умиления Божией Матери, пред которой скончался преподобный Серафим. В настоящее время для меня это ясно: она знала вперед, что все они кончат жизнь кончиной праведников-мучеников, как кончил жизнь и преподобный Серафим, и наследуют жизнь вечную в обителях рая вместе с ним. Целуя портре-

ты Царя и семьи, прозорливица говорила, что это ее родные, милые, с которыми скоро будет вместе жить. И это предсказание исполнилось. Она через месяц скончалась, перейдя в вечность, а ныне вместе с Царственными мучениками живет в небесном тихом пристанище.

**Предсказание Ольги Бойко,
послушницы Ржищева монастыря (1917)¹
(Свидетельство С.А. Нилуса)**

В апреле 1917 мне недели две пришлось провести в Киеве в общении с людьми высокой духовной настроенности, и там, в Киеве, игуменья предоставила мне возможность видеть старицу Ржищева монастыря (ниже Киева по Днепру) и при ней послушницу 14-летнюю девочку Ольгу Зосимову Бойко. Эта малограмотная деревенская девочка 21 февраля сего года во вторник второй недели Великого поста впала в состояние глубокого сна, продолжавшегося с небольшими перерывами до самой Великой субботы, всего ровно сорок дней. Во время этого сна при пробуждениях, последние же две недели и во сне девочка эта питалась только одними Св. Христовыми Тайнами. В Великую субботу Ольга проснулась окончательно, встала, умылась, оделась, помолилась Богу, пошла на свое клиросное послушание и отстояла всю Пасхальную службу не садясь, несмотря на уговоры. Во время своего этого сна Ольга имела видение жизни загробной и сказывала сонная и когда просыпалась, что видела, а за ней записывали. В Киеве с ее слов и слов ее старицы записал я, о чем главное повествую теперь и Вам.

Во вторник второй недели Великого Поста, в 5 часов утра Ольга пришла в моленную (псалтырную) и,

¹ Архив А.Н. Стрижева.

положив три земных поклона, обратилась к сестре, которую она должна была сменить, и сказала: «Прошу прощения и благословите, матушка, я буду умирать...» Сестра ответила ей: «Бог благословит... час добрый. Счастлива бы ты была, если бы в эти годы умерла». После этого Ольга легла спать на кровати в псалтырне и заснула. В шесть часов сестра стала будить Ольгу, потом будили другие сестры и не могли добудиться, через несколько времени дыхание у нее прекратилось и лицо приняло мертвенный вид. Спустя после того 2 часа она проговорила во сне: «Господи, как я уснула!» И начала снова дышать. В сонном состоянии много говорила вслух в присутствии сестер. Так продолжалось трое суток, после чего она проснулась, проснувшись, рассказала следующее: «За неделю до этого я видела во сне Ангела, который сказал мне, что через неделю во вторник я пошла бы в псалтырню, чтобы там умирать, но этого сна мне не велено было говорить. Когда во вторник я шла в псалтырню, то увидела как бы пса, бежавшего на двух лапах, и в испуге бросилась в псалтырню, там в углу, где иконы, я увидела Св. Архистратига Михаила, в стороне смерть с косою, я испугалась, перекрестилась, а потом легла на кровать, думая уже умереть. Смерть подошла ко мне, и я лишилась чувств. Затем пришел Св. Ангел, который и стал ее водить по разным светлым и темным местам. Всех видений Ольги я Вам описывать не буду, ибо они во многом очень похожи на все видения подобного рода. Опишу Вам только важнейшие и имеющие касательство к нашему времени... И увидела я, сказала Ольга, за большим рвом много людей, скованных цепями. Я спросила, что это за люди. «Это те люди, — был мне ответ, — которые примут печать антихриста...» Затем дошла до темного места и остановилась. Тут я

увидела замечательно красивого молодого человека лет 28-ми в красном одеянии. Он быстро пробежал мимо нас, и когда я взглянула ему вслед, то он показался мне уже не человеком, а дьяволом. Я спросила Ангела: «Кто это?», и Ангел ответил, что это и есть самый антихрист, который будет мучить последователей христовых за св. веру, за Церковь, за Имя Божие, затем я увидела необыкновенный свет, и в свете том стоял большой хрустальный стол, но стола этого не было видно из-за множества лежащих на нем фруктов. За столом сидели в разноцветных блестящих одеждах св. апостолы, пророки, мученики и все святые, а в стороне над ними в небесной высоте в ослепительном свете на неопишемом дивном Престоле сидел Спаситель, а возле Него по правую руку наш Государь, окруженный ангелами. Государь был в полном царском одеянии, светлой белой порфире, короне, со скипетром в руке... И я слышала, как беседовали между собой мученики, радуясь, что наступает последнее время и что число их умножится, говорили они, что мучить будут за Имя Христово и за неприятие печати и что церкви и монастыри скоро будут уничтожены, а живущие в монастырях будут изгнаны, что мучить будут не только духовенство и монашество, но и всех, кто не захочет принять печати и будут стоять за Имя Христово, за веру, за Церковь... Слышала я, как они говорили, что Царя уже не будет и земное время приближается к концу, слышала я, но не очень ясно, что если Господь не прибавит сроку, то конец всему земному будет в 22-м году. Затем слышала, что при антихристе Св. Лавра Киевская подыметя в воздух, все святые угодники уйдут своими телами на небо и все, живущие на земле, избранные Богом, будут восхищены на воздух, то есть на небо»...

1-го марта в среду вечером Ольга просыпалась и, проснувшись, сказала: «Вы услышите, что будет на 12-й день ее сна». В самый этот день в Ржищеве по телефону из Киева узнали об отречении Государя от Престола. Когда вечером в этот день Ольга проснулась, старица обратилась к ней и в волнении рассказала. Ольга ответила: «Вы только теперь узнали, а у нас там давно об этом говорили, давно слышно. Царь там давно сидит с Небесным Царем». Старица спросила: «Какая же тому причина?» Ольга ответила: «То же, что было и Небесному Царю, когда его изгнали, поносили и распяли. Наш Царь, сказала она, мученик». — «Что же теперь еще будет?» — спросила старица. Ольга вздрогнула и ответила: «Молитесь, молитесь, последнее время». — Кто же теперь будет после Царя? — спросили Ольгу. — Царя уже не будет, — ответила Ольга, — будет антихрист, а пока новое правление. — А будет ли это к лучшему? — Нет, говорит, — новое правление справится со своими делами, тогда возьмется за монастыри, готовьтесь все к странствованию. — Какое странствование? — Потом увидите. — А что будем брать с собою? — Одни сумочки. — А что же в сумочках понесем? — тут Ольга сказала старице одну старческую тайну (и старица и Ольга окормлялись у старца Голосеевской пустыни схииеромонаха Алексия, скончавшегося в марте 1917 года) и прибавила, что все тоже возьмут. Из этого старица поняла, что всякий возьмет свои дела... — А что будут делать с монастырями? — спросила старица. — То же, что и с церквями — ответила Ольга. — Разве одни монастыри будут гнать и теснить? Всех будут гнать, кто будет стоять за имя Христово и кто будет противиться новому правлению и жидам. Будут не только теснить и гнать, но будут по суставам резать, но боли чувство-

вать не будут (как бы сухое дерево резали), помня, за Кого они страдают». Старица спрашивает: «Зачем же разорят монастыри?» — Затем, что в монастырях живут или считаются живущими ради Бога, а такие должны быть изгнаны. — Но мы, — сказала старица, — и в монастырях друг друга гоним. — Это, — ответила Ольга, — не вменяется». Сестры при этом пожалели Государя и сказали: «Бедный, бедный, несчастный страдалец». Ольга улыбнулась и сказала: «Наоборот, из счастливых счастливец. Он мученик. Тут пострадает, а там с Небесным Царем будет». Таково в главном видение послушницы Ольги Бойко из Ржищева монастыря Киевской епархии”.

II. Видение послушницы Ольги, записанное в Киевском Покровском монастыре игуменьей Софией (Гриневой) (апрель 1917)¹

21-го февраля 1917 года, во вторник 2-й недели Великого Поста, в 5 часов утра послушница Ольга вбежала в псалтырню и, положив три земных поклона, сказала монахине-чтице, которую пришла сменить:

— Прошу прощения и благословите, матушка, я буду умирать... Не то в шутку, не то всерьез, монахиня ответила:

— Бог благословит... час добрый. Счастлива бы ты была, если бы в эти годы умерла.

Ольге в то время было около 14 лет.

Ольга легла на кровати в псалтырне и уснула, а монахиня продолжала читать. В полседьмого утра сестра стала будить Ольгу, но та не шевелилась и не отзывалась. Пришли другие сестры, тоже пробовали будить, но так же безуспешно. Дыхание у Ольги прекратилось и лицо приняло мертвенный вид. Про-

¹ Архив А.Н. Стрижева.

шло два часа в беспокойстве для сестер и в хлопотах возле обмершей. Ольга стала дышать и с закрытыми тазами, в забытьи, проговорила:

— Господи, как я уснула!

Ольга спала трое суток, не просыпаясь. Во время сна она много говорила такого, что на слова ее обратили внимание и стали записывать. Записано было с ее слов следующее: «За неделю до вторника 2-й недели я видела, — говорила Ольга, — во сне Ангела, и он мне велел во вторник идти в псалтырню, чтобы там умереть, но чтобы я о том заранее никому не говорила. Когда я во вторник шла утром в псалтырню, то, оглянувшись назад, увидела страшилище в образе пса, бежавшего на задних лапах следом за мною. В испуге я бросилась бежать и, когда вбежала в псалтырню, то в углу, где иконы, я увидела Св. Архистратига Михаила, в стороне — смерть с косой. Я испугалась, перекрестилась и легла на кровать, думая умирать. Смерть подошла ко мне, и я лишилась чувств. Потом сознание ко мне вернулось, и я увидела Ангела: он подошел ко мне, взял меня за руку, и повел по какому-то темному и неровному месту. Мы дошли до рва. Ангел пошел вперед по узкой доске, а я остановилась и увидела «врага» (беса), который манил меня к себе, но я кинулась бежать от него к Ангелу, который был уже по ту сторону рва и звал меня тоже к себе. Доска, перекинутая через ров, была так узка, что я побоялась, было, через нее переходить, но Ангел перевел меня, подав мне руку, и мы с ним пошли по какой-то узкой дорожке. Вдруг Ангел скрылся из виду, и тотчас же появилось множество бесов. Я стала призывать Матерь Божию на помощь; бесы мгновенно исчезли, и вновь явился Ангел, и мы продолжали путь. Дойдя до какой-то горы, мы опять встретили бесов с хартиями в руках.

Ангел взял их из рук бесовских, передал мне и велел порвать. На пути нашем бесы появлялись еще не раз, и один из них, когда я отстала от своего небесного путеводителя, пытался меня утратить, но явился Ангел, а на горе я увидела стоящую во весь рост Божию Матерь и воскликнула:

– Матерь Божия! Тебе угодно спасти меня: спаси меня! Пала я на землю, и когда поднялась, то Матерь Божия стала невидима. Стало светать. По дороге увидели церковь, а под горою сад. В этом саду одни деревья цвели, а другие уже были с плодами. Под деревьями были разбиты красивые дорожки. В саду я увидела дом. Я спросила Ангела:

– Чей это дом?

– Здесь живет монахиня, недавно скончавшаяся.

Тут я опять потеряла Ангела из виду и очутилась у огненной реки. Эту реку мне нужно было перейти. Переход был очень узкий, и по нем переходить можно было не иначе, как переступая нога за ногу. Со страхом стала я переходить и не успела дойти до середины реки, как увидела в ней страшную голову с выпученными огромными глазами, раскрытой пастью и высунутым длиннейшим языком. Мне нужно было перешагнуть через язык этого страшного лица, и мне стало так страшно, что я не знала, что и делать. И тут внезапно, по ту сторону реки, я увидела св. Великомученицу Варвару. Я взмолилась ей о помощи, и она мне протянула руку и перевела на другой берег. И уже когда я перешла огненную реку, то, оглянувшись, увидела в ней еще и другое страшное лицо – огромного змия с высоко поднятой головой и разинутой пастью. Святая Великомученица объяснила мне, что эту реку необходимо переходить каждому и что многие падают в пасть одного из этих чудовищ.

Дальнейший путь я продолжала идти с Ангелом и вскоре увидела длиннейшую лестницу, которой, казалось, и конца не было. Поднявшись по ней, мы дошли до какого-то темного места, где за огромной пропастью я увидела множество людей, которые примут печать антихриста: участь их в этой страшной и смрадной пропасти... Там же я увидела очень красивого человека без усов и бороды. Одет он был во все красное. На вид он мне показался лет 28. Он прошел мимо меня очень быстро, вернее пробежал. И когда он приближался ко мне, то казался чрезвычайно красивым, а когда прошел, и я на него посмотрела, то он представился мне дьяволом. Я спросила Ангела:

— Кто это такой?

— Это, — ответил мне Ангел, — антихрист, тот самый, что будет мучить всех христиан за святую веру, за святую Церковь и за Имя Божие.

В том же темном месте я видела недавно скончавшуюся монахиню нашего монастыря. На ней была чугунная мантия, которою она была вся покрыта. Монахиня старалась из-под нее высвободиться и сильно мучилась. Я потрогала рукой мантию: она, действительно, была чугунная. Монахиня эта умоляла меня, чтобы я попросила сестер молиться за нее.

В том же темном месте видела я огромнейший котел. Под котлом был разведен огонь. В котле этом кипело множество людей: некоторые из них кричали. Там были и мужчины, и женщины. Из котла выскакивали бесы и подкладывали под него дрова.

Других людей я там видела стоящими на льду. Были они в одних рубашках и дрожали от холода: все были босы — и мужчины, и женщины.

Еще я видела там же обширнейшее здание и в нем тоже множество людей. Сквозь уши их были

продернуты железные цепи, привешенные к потолку. К рукам и ногам их привязаны были огромные камни. Ангел мне объяснил, что это все те, которые в храмах Божиих держали себя соблазнительно-непристойно, сами разговаривали и других слушали; за то и протянуты им цепи в уши. Камни же к ногам привязаны тем, кто в церкви ходит с места на место: сам не стоял и другим спокойно стоять не давал. К рукам же камни были привязаны тем, кто неправильно и небрежно налагал на себя крестное знамение в храме Божиим.

Из этого темного и ужасного места мы с Ангелом стали подниматься вверх и подошли к большому, блестящему, белому дому. Когда мы вошли в этот дом, я увидела в нем необыкновенный свет. В свете этом стоял большой хрустальный стол, и на нем поставлены были какие-то невиданные райские плоды. За столом сидели святые пророки, мученики и другие святые. Все они были в разноцветных одеяниях, блистающих чудным светом. Над всем этим сонмом святых Божиих Угодников, в свете неизобразимом, сидел на престоле дивной красоты Спаситель, а по правую руку Его сидел наш Государь Николай Александрович, окруженный ангелами. Государь был в полном царском одеянии, в блестящей белой порфире и короне и держал в правой руке скипетр. Он был окружен ангелами, а Спаситель — высшими Небесными Силами. Из-за яркого света я на Спасителя смотреть могла с трудом, а на земного царя смотрела свободно.

Святые мученики вели между собою беседу и радовались, что наступило последнее время, и что их число умножится, так как христиан вскоре будут мучить за Христа и за неприятие печати. Я слышала, как мученики говорили, что церкви и монастыри

будут уничтожены, а раньше из монастырей будут изгонять живущих в них. Мучить же и притеснять будут не только монахов и духовенство, но и всех православных, которые не примут печати и будут стоять за Имя Христово, за веру и за Церковь.

Еще я слышала, как они говорили, что нашего Государя уже не будет, и что время всего земного приближается к концу. Там же я слышала, что при антихристе Св. Лавра поднимется на небо; все святые угодники уйдут со своими телами тоже на небо, и все живущие на земле, избранные Божиими, будут тоже восхищены на небо.

С этой трапезы Ангел повел меня на другую вечерю. Стол стоял наподобие первого, но несколько меньше. В великом свете сидели за столом патриархи, митрополиты, архиепископы, архимандриты, священники, монахи и мирские в каких-то особенных одеяниях. Все эти святые были в радостном настроении. Глядя на них, и сама я пришла в необыкновенную радость.

Вскоре в спутницы мне явилась св. Феодосия, а Ангел скрылся. С нею мы пошли в дальнейший путь и поднялись на какую-то прекрасную возвышенность. Там был сад с цветами и плодами, а в саду много мальчиков и девочек в белых одеждах. Мы поклонились друг другу, и они чудно пропели “Достойно есть”. В отдалении я увидела небольшую гору; на ней стояла Матерь Божия. Глядя на Нее, я неописуемо радовалась. Святая мученица Феодосия повела меня затем в другие райские обители. Первой на вершине горы мы увидели неописанной красоты обитель, обнесенную оградой из блестящих, прозрачных белых камней. Врата этой обители издавали особый яркий блеск. При виде ее я чувствовала какую-то особенную радость. Святая мучени-

ца открыла мне врата, и я увидела дивную церковь из таких же камней, как и ограда, но еще светлее. Церковь та была необычайной величины и красоты. С правой ее стороны был прекрасный сад. И тут, в этом саду, как и в прежде виденном, одни деревья были с плодами, в то время, как другие только цвели. Врата в церковь были открыты. Мы вошли в нее, и я была поражена ее чудной красотой и безчисленным множеством ангелов, которые ее наполняли. Ангелы были в белых блестящих одеждах. Мы перекрестились и поклонились ангелам, певшим в то время “Достойно есть” и “Тебе Бога хвалим”.

Прямая дорога из этой обители повела нас к другой, во всем подобной первой, но несколько менее ее обширной, красивой и светлой. И эта церковь наполнена была ангелами, которые пели “Достойно есть”. Св. мученица Феодосия объяснила мне, что первая обитель была высших ангельских чинов, а вторая — низших.

Третья обитель, которую я увидела, была с церковью без ограды. Церковь в ней была так же прекрасна, но несколько менее светлая. Это была, по словам моей спутницы, обитель святителей, патриархов, митрополитов, епископов.

Не заходя в церковь, пошли далее и по пути увидели еще несколько церквей. В одной из них были монахи в белых одеждах и клобуках; среди них я увидела и ангелов. В другой церкви были монахи вместе с мирскими мужчинами. Монахи были в белых клобуках, а мирские в блестящих венцах. В следующей обители в церкви были монахини во всем белом. Святая мученица Феодосия сказала мне, что это схимонахини. Схимонахини в белых мантиях и клобуках, с ними были и мирские женщины в блестящих венцах. Среди монахинь я узнала некоторых

монахинь и послушниц наших — еще живых и, среди них, умершую мать Агнию. Я спросила св. мученицу Феодосию, почему некоторые монахини в мантиях, а другие без мантии, некоторые же наши послушницы в мантиях. Она ответила, что некоторые, не удостоившиеся мантии при жизни на земле, будут удостоены ее в будущей жизни и, наоборот, получившие мантию при жизни, лишены будут ее здесь.

Идя дальше, мы увидели чудный фруктовый сад. Мы вошли в него. В этом саду, как и в прежде виденных, одни деревья были в цвету, а другие со спелыми плодами. Верхушки деревьев сплетались между собою. Сад этот был прекраснее всех прежних. Там были небольшие домики, точно литые из хрусталя. В саду этом мы увидели св. Архистратига Михаила, сказавшего мне, что сад этот — жилище пустынножителей. В саду этом я увидела сперва женщин, а идя дальше, мужчин. Все они были в белых одеждах монашеских и не монашеских. Выйдя из сада, я увидела вдали на хрустальных, блестящих колоннах хрустальную крышу. Под этой крышей было много людей: монахов и мирских, мужчин и женщин. Тут св. Архистратиг Михаил стал невидим.

Далее нам представился дом: был он без крыши, четыре же его стены были из чистого хрусталя. Его осенял, воздвигнутый как бы на воздухе, крест ослепительного блеска и красоты. В этом доме находилось множество монахинь и послушниц в белых одеждах. И здесь я между ними увидела некоторых из нашего монастыря еще живых.

Еще дальше стояли две хрустальные стены, как бы две стены начатого постройкой дома. Двух других стен и крыши не было. Внутри, вдоль стены, стояли скамьи: на них сидели мужчины и женщины в белых одеждах.

Затем мы вошли в другой сад. В этом саду стояло пять домиков. Св. мученица Феодосия сказала мне, что эти домики принадлежат двум монахиням и трем послушницам нашего монастыря. Она их назвала, но велела имена их хранить в тайне... Около домиков росли фруктовые деревья: у первого лимонное, а у второго — абрикосовое, у третьего лимонное, абрикосовое и яблоня, у четвертого — лимонное и абрикосовое. Плоды у всех были спелые. У пятого деревьев не было, но места для посадки были уже выкопаны.

Когда мы вышли из этого сада, то нам пришлось спуститься вниз. Там мы увидели море; через него переправлялись люди: одни были в воде по шею, у других из воды были видны только одни руки; некоторые переезжали на лодках. Меня св. мученица перевела пешком..

Еще мы видели гору. На горе в белых одеждах стояли две сестры нашей обители. Выше их стояла Мать Божия и, указывая мне на одну из них, сказала:

— Се даю тебе сию в земные матери.

От ослепительного света, исходящего от Царицы Небесной, я закрыла глаза. Потом все стало невидимо.

После этого видения мы стали подниматься в гору. Вся эта гора была усеяна дивно пахнущими цветами. Между цветами было множество дорожек, расходящихся в разных направлениях. Я радовалась, что так тут хорошо, и вместе с тем плакала, зная, что придется расстаться со всеми этими чудными местами и с Ангелами, и со св. Мученицей. Я спросила Ангела:

— Скажи мне, где мне придется жить? И Ангел и св. Мученица ответили:

– Мы всегда с тобою. А где бы ни пришлось жить, терпеть всюду надо.

Тут я опять увидела св. Архистратига Михаила. У сопровождавшего меня Ангела в руках оказалась Св. Чаша, и он причастил меня, сказав, что иначе “враги” воспрепятствовали бы моему возвращению. Я поклонилась своим святым путеводителям, и они стали невидимы, а я с великой скорбью вновь очутилась в этом мире.

Все это со слов Ольги мною было записано в Киве 9-го апреля 1917-го года.

Далее повествование о видениях Ольги поведется уже со слов ее старицы м. Анны.

В первые дни своего сна, – так рассказывала мне м. Анна, – Ольга все искала во сне свой шейный крест. По движениям ее было видно, что она его кому-то показывала, кому-то им грозила, крестила им и сама крестилась. Когда первый раз проснулась, говорила сестрам:

– Этого враг боится. Я им грозила и крестила, и он уходил.

Тогда решили дать ей в руку крест. Она крепко зажала его в правой руке и не выпускала его 20 дней так, что силой нельзя было его у нее вынуть. При пробуждении она его выпускала из руки, а перед тем, как заснуть, снова брала его в руку, говоря, что он ей нужен, что с ним ей легко.

После 20-го дня она его уже не брала, объяснив, что ее перестали водить по опасным местам, где встречались “враги”, а стали водить по обителям райским, где некого было бояться.

Однажды во время своего чудесного сна Ольга, держа в одной руке крест, другою распустила свои волосы, покрыла их бывшей у нее на шее косынкой. Когда проснулась, то объяснила, что видела пре-

красных юношей в венцах. Юноши эти ей подали тоже венец, который она надела себе на голову. В это-то время она, должно быть, и надела косынку.

1-го марта, в среду вечером, Ольга, проснувшись, сказала:

– Вы услышите, что будет в двенадцатый день. Бывшие тут сестры подумали, что это число месяца, и что в это число с Ольгой может произойти какая-нибудь перемена. На эти мысли Ольга ответила:

– В субботу.

Оказалось, что то был 12-й день ее сна. В этот день у нас в обители узнали об отречении Государя от Престола. Первою узнала об этом по телефону из Киева я. Когда вечером Ольга проснулась, я в страшном волнении сказала ей:

– Оля, Оля! что случилось-то: Государь оставил Престол! Ольга спокойно на это ответила:

– Вы только сегодня об этом услышали, а у нас там давно об этом говорили. Царь уже там давно сидит с Небесным Царем. Я спросила Ольгу:

– Какая же тому причина?

– Какая была причина Небесному Царю, что с Ним так поступили: изгнали, поносили и распяли? Такая же причина и этому Царю. Он – мученик. – Что же, – спрашиваю, – будет? Ольга вздохнула и ответила:

– Царя не будет, – отвечает, – теперь будет анти-христ, а пока новое правление.

– А что, это к лучшему будет?

– Нет, – говорит, – новое правление справится со своими делами, тогда возьмется за монастыри. Готовьтесь, готовьтесь все в странствие.

– Какое странствие?

– Потом увидите.

– А что же брать с собою? – спрашиваю.

— Одни сумочки.

— А что в сумочках понесем?

Тут Ольга мне сказала одну старческую тайну и прибавила, что и все то же понесут.

— А что будет с монастырями? — продолжаю допытываться. — Что будет с кельями?

Ольга с живостью ответила:

— Вы спросите, что с церквями делать будут? Разве одни монастыри будут теснить? Будут гнать всех, кто будет стоять за имя Христово, и кто будет противиться новому правлению и жидам. Будут не только теснить и гнать, но будут по суставам резать. Только не бойтесь: боли не будет, как бы сухое дерево резать будут, зная за Кого страдают.

Я опять спросила Ольгу:

— Зачем же им разорять монастыри?

— Затем, что в монастырях люди живут ради Бога, а такие должны быть изгнаны.

— Но мы, — говорю, — и в монастыре одни других гоним.

— То, — отвечает, — не вменится, а вот это гонение вменится. При этом разговоре сестры пожалели Государя:

— Бедный, бедный, — говорили они, — несчастный Страдалец! Какое он терпит поношение!

На это Ольга весело улыбнулась и сказала:

— Наоборот: из счастливых счастливейший. Он — мученик. Тут пострадает, а там вечно с Небесным Царем будет.

На 19-й день своего сна — в субботу 11-го марта — Ольга, проснувшись, сказала мне:

— Услышите, что будет в 20-й день.

Я думала, что это — число месяца, а Ольга пояснила:

— В воскресенье.

В воскресенье 12-го марта был 20-й день ее сна.

Затем Ольга весело сказала:

– Поедем, поедем к Батюшке!

“Батюшка” – это старец Голосеевской Пустыни иеросхимонах Алексей, мой духовный отец и руководитель.

Затем весь разговор, по этом пробуждении, Ольга вела только об этом батюшке. В конце разговора Ольга и сказала:

– Поедем к Батюшке в третий день Пасхи. После этого она заснула... На следующий день, в воскресенье, она опять радостно начала разговор о батюшке. Я говорю ей:

– Оля, поедем же к батюшке! Ольга вздохнула и сказала:

– Вы же написали Батюшке два письма.

Так это на самом деле было, хотя Ольга об этом знать не могла.

Потом она продолжала:

– Ожидайте, ожидайте: скоро будет ответ. Опять, немного погодя, говорила:

– Матушка, матушка! К нам батюшка скоро приедет.

Это она в радостном настроении повторяла несколько раз. Бывшие тут сестры подумали, что это она про нашего монастырского священника, отца Всеволода говорит, и слышу, они между собой говорят:

– А, должно быть, Ольге и в самом деле открыты такие тайны, которых другие не знают.

Тут потянуло меня взять крест моего старца о. Алексия. Села я поодаль от сестер, сложила руки на груди и как бы ушла в себя, отрешившись от всего окружающего. Настала полная тишина. Это было в 11 часов вечера. Через несколько минут я пришла в себя. Ольга не спала. Я ей говорю:

– Скоро отец Всеволод приедет.

– Ну да, отец Всеволод!

Точно хотела мне сказать, что не в нем дело, и вслед уснула. На другое утро я получила телеграмму, что накануне вечером о. Алексей скончался. Когда Ольга проснулась, то сказала, что накануне, около 11 часов вечера, она видела о. Алексия, как он вошел к нам в келлию, благословил всех и молча удалился. На 24 или 25-й день сна Ольги я, вернувшись от вечерни, застала Ольгу пробудившейся. Окружающие ее постель сестры встретили меня словами:

– Анюта, ожидай гостей: Ольга говорит, что гости будут.

Ольга повторила то же и просила позвать регентшу. Спрашиваю Ольгу:

– Какие ж то будут гости?

– Увидите, какие.

Я не поняла, что это за гости, и подумала, что надо в келье место освободить для них. Говорю, чтобы часть сестер вышла. Ольга, улыбнувшись, сказала:

– Будь хотя полна келья сестер, все равно они не помешают: гостям место будет.

Тут мы поняли, что будут к нам неземные гости, и стали спрашивать, увидим ли мы их? Ольга ответила:

– Не знаю. Когда придут, почувствуете.

Тут вид ее лица изменился: точно она увидела нечто таинственное – великое, молча обводила она келлию глазами. В таком состоянии она находилась минут двадцать. Я почувствовала в это время как бы толчок в сердце: меня охватил какой-то, еще никогда не испытанный, благоговейный страх, и я заплакала, чувствуя присутствие в келье кого-то не из здешнего мира. Сестры, бывшие в келье, шепотом

творили молитву; некоторые плакали... Потом из слов их было видно, что они в то же время испытывали то же, что и я, когда плакали, но никто, как и я, ничего не видел и не слышал.

Минут через двадцать лицо Ольги приняло обычное выражение, и она залилась слезами. Успокоившись немного, на расспросы сестер ответила:

— Как же это? Ведь я думала, что вы видите и слышите пение. А гости-то какие были: сам святой Архистратиг с Небесным своим воинством!

— Что же пели они? — спрашиваем.

Они пели “Тебе Бога хвалим”, и как пели-то!.. С ними были и блаженные старцы и святые молитвенники, к которым мы прибегали с м. Анной и имена которых были у нас записаны на псалтырном чтении. Святой Архистратиг Михаил перекрестил всех присутствующих и окропил святой водой...

Пять минут спустя Ольга опять заснула.

В субботу на 1-й неделе Великого Поста Ольга причастилась, как и все сестры нашей обители, 21-го февраля она уснула. На другой день ее соборовали, но она этого почти не помнит; помнит только приготовление к таинству священников, но самого соборования не помнит, говоря, что ее в то время здесь не было, что она уходила со своим путеводителем.

На 4-й день, в пятницу, в 11 часов вечера, она просыпалась. После краткой исповеди ее причастили. Перед причащением я была в страхе, боясь, чтобы она не заснула, когда придет священник, но она сказала:

— Не бойтесь: я дождусь!

Потом, по пробуждении, Ольга говорила, что только этот раз она видела батюшку.

Уходя ночью после причащения, батюшка сказал, что в воскресенье ее надо будет снова прича-

стить, это исполнит другой очередной священник. Когда в этот день пришел священник, Ольга спала, зубы ее были стиснуты, и священник причастить ее не решался. Я взмолилась Господу, и Ольга открыла рот. Батюшка ее причастил. Когда потом Ольга проснулась, и я об этом ей рассказала, то она мне сказала:

— Не бойтесь: я всегда буду открывать рот. Я спросила ее:

— А слышала ли ты, как приходил и причащал тебя батюшка?

Она ответила, что его не видела и ничего не слышала, а видела Ангела, читавшего молитву пред причащением, и тот же Ангел причастил ее.

Когда об этом сообщили отцу Всеволоду, он решил причащать Ольгу и Преждеосвященными дарами. Так и сделали, и стали с тех пор причащать спящую по средам, пятницам, а также по субботам и воскресеньям весь Великий Пост до полного ее пробуждения. И всякий раз, как читали молитву “Верую, Господи, и исповедую”, Ольга постепенно открывала рот и к концу молитвы открывала его вполне. Иногда и после причащения открывала его, чтобы из рук священника принять 2-3 ложки воды.

В Великую Пятницу она проснулась на несколько минут и сказала:

— Завтра причастите меня в 6 часов утра. Я завтра в этот час должна придти.

Я передала об этом отцу Всеволоду, и он согласился.

Проснувшись в Великую Субботу, чтобы идти к утрени, о. Всеволод внезапно увидел как бы молнию, блеснувшую и осветившую ему лицо, и услышал голос:

— Пойди, приобщи спящую Ольгу.

И когда батюшка стал раздумывать, что бы это значило, он вновь услышал тот же голос, повторивший те же слова.

После утрени, еще раньше 6-ти часов, о. Всеволод причастил Ольгу. Она все еще спала. Через час после того она проснулась, приподнялась на кровати, посидела на ней несколько минут в полузабытьи, потом сразу встала с постели и начала ходить по келье, хотя была слаба и, видимо, истощена. Во все время своего сна она, кроме Причастия и нескольких лжиц воды, ничего в рот не брала.

В Великую Субботу она целый день более уже не ложилась, а к половине двенадцатого ночи оделась и пошла к Светлой заутрени. Во все времена пасхального богослужения она не садилась, хотя сестры и уговаривали ее присесть, и так простояла всю заутреню и обедню.

После того она долго была в большой задумчивости и тоске и плакала. На расспросы сестер отвечала:

— Как мне не плакать, когда я уже больше не вижу ничего из того, что я видела, а все здешнее, даже и то, что прежде было мне приятно, все мне теперь противно, а тут еще эти расспросы... Господи, скорее бы опять туда!

Когда потом записывалось в Киеве бывшее с Ольгой, то она сказала:

— Пишите-не пишите: все одно — не поверят. Не то теперь время настало. Разве только тогда поверят, когда начнет исполняться что из моих слов.

Таковы видения и чудесный сон Ольги”.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

Глава 1

Рождение в день Иова Многострадального. — Семья. — Русские мамы. — Обучение Закону Божьему и грамоте. — Воспитание религиозного чувства 15

Глава 2

Убийство Александра II. — Конец безмятежного детства Николая. — Дневник Царевича. — Продолжение образования. — Учебный курс гимназии и университета. 21

Глава 3

Чудесное спасение Царской семьи в Борках. — Обучение практике государственного управления. — Посещение российских губерний. — Кругосветное путешествие. — Возвращение через Сибирь. — Скоропостижная смерть Александра III 29

Глава 4

Взаимное чувство. — Любовь Николая. — Принцесса Алиса. — Бракосочетание через месяц после похорон отца. 34

Глава 5

Начало царствования. — Характеристика Николая II как правителя 42

Глава 6

Семейная жизнь Царя. — Двор. — Родственники. — Приближенные 49

Глава 7

Григорий Распутин. — Антирусский миф. — Отношения с Царской семьей. — Добротолюбие. — Бессеребренность. — Излечение Наследника. — Советы Царю 71

Глава 8

Итоги царствования. — Россия перед цареубийством. 80

Глава 9

Последняя встреча с матерью. — Лишение свободы. — Прощание с войсками. — Возвращение в Царское Село. — Отступническое поведение священства. — Отречение великих князей 103

Глава 10

Попытка убить Николая II в Царском Селе. — Мандат на цареубийство. — Неудача масона С.Д. Мстиславского. — амыслы Временного правительства казнить Царя и Царицу 113

Глава 11

Под арестом в Александровском дворце. — Унижения и издевательства. — Вопрос о переезде в Англию. — Противодействие Временного правительства. — Отказ английских властей 118

Глава 12

Попытки освобождения Царской семьи. — Создание тайной монархической организации. — Планы спасения. — Через Финляндию. — По Оби. — Противодействие масонов 126

Глава 13

Царская семья переходит под охрану большевиков. — Ухудшение положения. — Предложение заточить Царя в тюрьму. — Новые попытки цареубийства. — Перевод из Тобольска в Екатеринбург 137

Глава 14

Совершение кровавого ритуала. — Выбор комнаты. — Жертвы расставлены по определенным местам. — Обычай иудейских сект. — Раввин, внук раввина и хасид. — Заклание Царствующей Династии. — Спор цареубийц 165

Глава 15

*Продолжение цареубийства. — Отношение к Царю белых
вождей. — Незаинтересованность в расследовании. —
Первые следователи: еврей Наметкин и социалист Сергеев . . . 192*

Глава 16

*Расследование Н.А. Соколова. — Следственное дело
и вещественные доказательства. — Кража части
следственных материалов, собранных Соколовым. —
Царские останки в руках масонов. — Тайная коллегия
хранителей. — Исчезновение реликвий. 198*

Глава 17

*Продолжение расследования убийства Царской семьи. —
Новые важные данные об организаторах убийства. —
Смерть Н. А. Соколова. — Попытки масонов наложить
руки на имущество убитого Царя. — Крушение мифа
о баснословном богатстве Николая II за рубежом. 208*

Глава 18

*Сведение масонских счетов с останками убитых великих
князей. — Российский посланник запрещает захоронение
Царственных мучеников в Пекине. — Крестный ход
на загородное кладбище Духовной Миссии. 214*

Глава 19

*Распространение слухов о спасении Царственных
мучеников. — Дезинформация большевиков и масонов. —
«Перелет» Николая II на самолете в Тибет. — Десятки
других ложных версий 218*

Глава 20

*Ложь о спасении Царской семьи в эмиграции. — Оповещения
Бехтеева. — Разоблачение аферистов 223*

Глава 21

*Лже-Анастасии. — Анна Андерсон. — А.С. Карпенко. —
Н.В. Иванова-Васильева. — Диагноз — шизофрения 230*

Глава 22

Череда самозванцев. — Голеневский. — «Царскую семью уберег Юровский». — Спасение в Сухуми. — Еврейский миф о Николае II. 241

Глава 23

Гордость царевубийц. — Музей на площади Народной мести. — Снос дома Ипатьева. — Поругание святыни. 248

Глава 24

Новые поиски царского захоронения. — Раскопки в Поросенковом логу. — Находка девяти скелетов. — Создание Государственной комиссии. — Ее необъективный и антирусский характер. — Русская Церковь и православная общественность не поддерживают решение Комиссии. — Захоронение «екатеринбургских останков». 259

Глава 25

Явление иконы Божией Матери. — Самодержавие не покинуло Россию. — Сохранение Удерживающего. 265

Глава 26

Народная вера в возвращение монархии. — Почитание Царя. — Чудеса Царственных мучеников. 269

Глава 27

Почитание Царственных мучеников за рубежом. — «Дом Романовых царствует». — Осознание греха. — Канонизация Царской семьи Русской Зарубежной Церковью. 276

Глава 28

Движение за прославление Царственных мучеников в России. — Деятельность православной общественности. — Сбор подписей. — Синодальная комиссия по канонизации. — Святотатственная кампания противников прославления Царской семьи. — Компромисс с противниками прославления. — Канонизация Царственных мучеников

*на Архиерейском Соборе 2000 года. — Грех попустительства
в цареубийстве до конца не искуплен 280*

**ПРЕДСКАЗАНИЯ РУССКИХ СВЯТЫХ
И ПОДВИЖНИКОВ О ЦАРЕУБИЙСТВЕ. 288**

Платонов Олег Анатольевич
ПО ПРИКАЗУ ТАЙНЫХ СИЛ

Издательство «Родная страна»

Редактор Д.И. Кузнецов
Корректор Н.С. Иванова
Верстка А.Е. Успенский

Подписано в печать 17.07.2015.
Формат 84x108 1/32.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,5.
Тираж 2000 экз. Заказ №

ISBN 978-5-903942-47-3

9 785903 942473